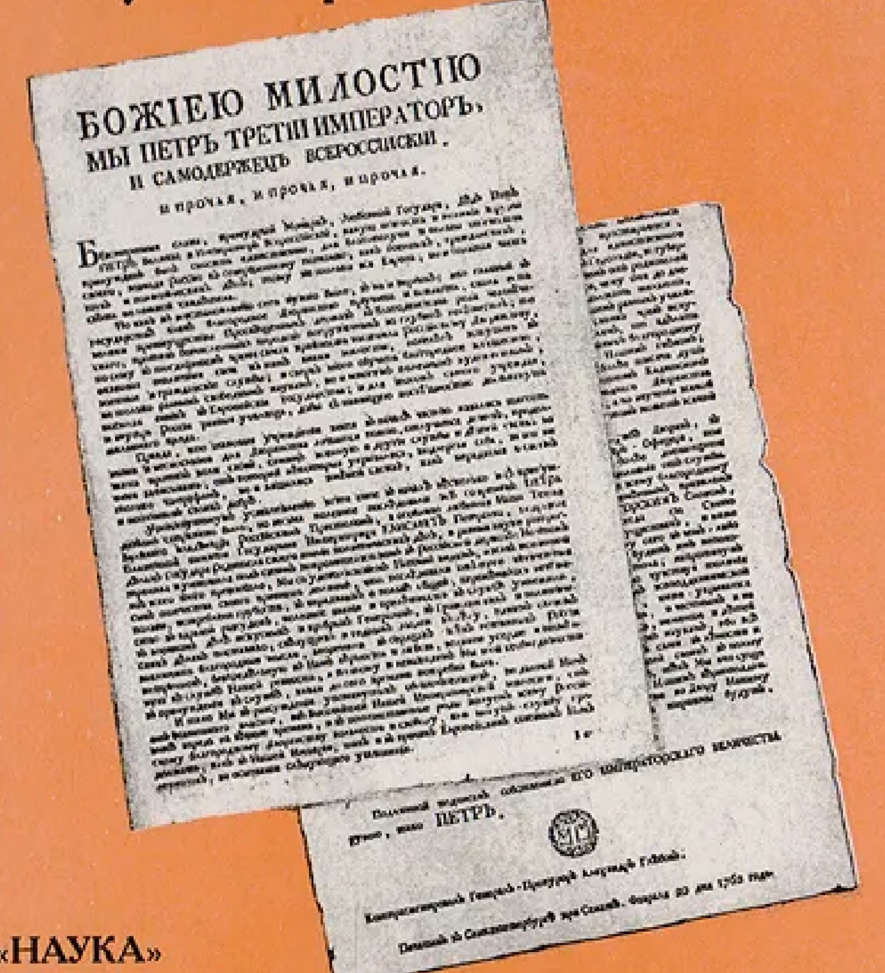
И. В. Фаизова

«МАНИФЕСТ о ВОЛЬНОСТИ» и служба дворянства в XVIII столетии



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ ПЕТРЪ ТРЕТІИ ИМПЕРАТОРЪ,
И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІИСКІИ,
и прочая, и прочая, и прочая.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ПЕТРЪ.

«НАУКА»

УДК /947–957/
ББК 63.3(2)46 4
Ф 17

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 98-01-16359

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Н.И. ПАВЛЕНКО

Фаизова И.В.

"Манифест о вольности" и служба дворянства в XVIII столетии. – М.: Наука, 1999. – 222 с.
ISBN 5-02-008512-X

Монография посвящена истории становления дворянского сословия России на его завершающем этапе, когда оно из рук императора Петра III с восторгом принимает дарованную вольность, хотя все благодеяния в пользу благородного сословия будут приписаны Екатерине Великой. Как дворянство шло к обретению вольности, как оно пришло к беспредельному возвышению своего статуса в российском обществе, насколько новое положение дворянства отвечало национальным интересам россиян – главные вопросы, на которые отвечает автор. Исследование опирается на анализ личных дел более 9 тыс. дворян XVIII столетия, обширную мемуарную литературу, законодательные акты.
Для историков, широкого круга читателей.

ТП-99-II-№ 19
ISBN 5-02-008512-X

ВВЕДЕНИЕ

"Освобождение" дворянства, провозглашенное манифестом Петра III от 18 февраля 1762 г.[1], стало центральным событием в истории привилегированного сословия России XVIII столетия. Превратив службу дворян из обязанности в право, новый закон коренным образом изменил положение сословия в государстве и открыл путь к его "золотому веку"

Порожденный более чем тридцатилетним диалогом "низов" и "верхов" шляхетской корпорации о праве шляхты на вольность и свободу, этот документ стал важнейшей вехой в процессе консолидации российского дворянства и развития его взаимоотношений с абсолютной монархией. Освободив господствующий класс от обязательной государственной службы и поставив его тем самым в отношения равенства с государством, манифест "О даровании вольности и свободы дворянству" (в дальнейшем –Манифест), тем не менее, не давал и не мог дать исчерпывающего ответа на вопрос о том, кто же есть дворяне, не обязанные своему государю службой. Второй из генерированных Манифестом в общественном сознании вопросов – о правомерности привилегий дворянства в новой ситуации, об оптимальных способах согласования интересов единственно "благородного" и прочих сословий – и вовсе остался втуне: власть в феврале 1762 г. обращалась только к тем, кто был плотью этой власти.

* * *

Современники по-разному отнеслись к появлению Манифеста. Значительная часть рядового дворянства встретила его с восторгом. "Не могу изобразить, какое неописанное удовольствие произвела сия бумажка в сердцах всех дворян нашего любезного отечества, – отметил в мемуарах мелкопоместный тульский дворянин А.Т. Болотов. – Все вспрыгались почти от радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, в которую угодно было ему подписать сей указ... Всеобщая радость о том была неописанная; а какое действие в груди моей произвела сия драгоценная бумажка, того не могу уже я никак выразить. Я сам себя почти не вспомнил от неописанного удовольствия и не верил почти глазам своим при читании оной"[2]. Генерал-прокурор А.И. Глебов предложил Сенату соорудить золотую статую Петру III от благодарного дворянства. Сенат с воодушевлением принял соответствующее решение[3].

Вполне вероятно, что часть аристократии не разделяла всеобщего экстаза по поводу Манифеста, не отменившего, вопреки ожиданиям, телесных наказаний для дворян и права государства конфисковывать дворянские имения[4]. Памфлет одного из представителей этого лагеря князя М.М. Щербатова сохранил для потомства рассказ об альковно-романическом происхождении текста Манифеста[5]. Князь Щербатов не отрицал целесообразности дарования вольности шляхетству, но (не без основания) сокрушался, что "добрый сердцем" и "одаренный" император, намеревавшийся "вольным обхождением поднять воинский чин", не сумел достаточно разобраться в способах достижения этой цели[6].

Позже, в начале XIX в., Н.М. Карамзин, положивший начало историографическому осмыслению Манифеста, утверждал, что "Россия могла обойтись и без сего принуждения"[7]. Дворяне воспользовались приобретенной привилегией и разъехались по своим поместьям для праздного времяпрепровождения. Вредные последствия закона удалось преодолеть лишь Екатерине II в результате более широкого привлечения дворянства к местному управлению[8].

М.Г. Спиридов, посвятивший свое сочинение "Краткий опыт исторического известия о российском дворянстве" (М., 1804) истории привилегированного сословия, оценил дворянскую вольность как основную привилегию сословия и отметил большую роль государственной службы в судьбах дворянства[9].

И.Д. Беляев в книге "Крестьяне на Руси" (М., 1860) объяснял "самое право дворян владеть крестьянами и вообще крепостными людьми" условным характером дворянского землевладения[10], а отмену Петром III обязательной службы дворянства связывал с превращением земли на протяжении XVIII в. в безусловную собственность, что неизбежно должно было привести и к отмене крепостного права[11]. Работа И.Д. Беляева внесла большую путаницу в изучение дальнейшей судьбы и практического применения Манифеста, поскольку автор утверждал, будто его действие было приостановлено Екатериной II вследствие крестьянских волнений: "Имянным указом от 11 февраля 1763 г. приостановлено действие и самого манифеста о вольности дворян, и для рассмотрения его составлена особая комиссия. Дворяне снова лишились права самовольно вступать и не вступать в службу, и дворянских недорослей по-прежнему стали забирать в гарнизонные школы, а по вступлении в определенный возраст – записывать неволею в военную службу..."[12]. Этот указ, как утверждал автор, успокоил крестьян и прекратил на три года "крестьянские движения против помещичьей власти"[13]. Однако в указе Екатерины II, как будет показано ниже, не было ни слова о приостановке действия Манифеста. Это отметил А.В. Романович-Славатинский вскоре после выхода работы[14]. Версия И.Д. Беляева, основанная на субъективной трактовке ряда сенатских постановлений, была поддержана лишь М. Яблочковым и в дальнейшем сторонников не имела. Однако сам факт ее появления явился закономерным следствием неизученности истории внедрения манифеста о вольности в практику дворянской службы.

Самый основательный труд по истории привилегированного сословия "Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права" (первое издание – Киев, 1870) принадлежит перу А.В. Романовича-Славатинского. Опираясь на основные постулаты государственной школы о ведущей сословнообразующей роли государства в истории России и тезис о закрепощении сословий, он полагал, что "отличительная черта в истории нашего дворянства, сравнительно с дворянством Западной Европы, состоит в том, что у нас оно всегда было установлением политическим, существовавшим и видоизменявшимся, сообразно целям и потребностям правительства.. У нас аристократические элементы сложены были в привилегированную общественную группу государственной властью, которая давала ей ту или другую организацию, повышала и принижала ее, сообразно потребностям государства, применительно к интересам правительства. В этом состоит радикальное и основное отличие нашего служилого дворянства от феодальной землевладельческой аристократии Западной Европы, нашей идеи благородства, основанной на службе государству и народу русскому и пожалованной самодержцем, от идеи благородства западноевропейского, основанного на крови, на контакте с государственной властью"[15].

Историю шляхетства ученый разделил на три периода. В первом – удельно-вечевом – существует только дружина – не оседлая, не земледельческая, а свободно переходящая от одного князя к другому. Во втором – московском – периоде дружина делается оседлым служилым классом – классом помещиков и вотчинников, крепким самодержавной власти московского царя, несущим обязательную ландмилицкую службу, отбывающим всякие наряды и посылки по приказу царя. Этот поместный служилый класс распадается на множество царских служилых людей высших и низших рангов – не образующих замкнутого сословия не только юридически, но даже фактически, обособленного от народа; в третьем – императорском – периоде Петр Великий, собирая повсюду рассыпанные храмины, и связывая их в однородные общественные группы помещиков и вотчинников – царских чиновных людей – соединяет в одну общественную группу – шляхетство, видоизменяя его обязательную службу. Петр III отменяет обязательную службу дворянства, оставляя за ним благородство и привилегии, которые окончательно развиваются законодательством Екатерины II. "Жалованная грамота" 1785 г. организует из дворянства местные общества, имеющие преобладающее участие в местном суде и управлении"[16].

В своем труде А.В. Романович-Славатинский исследовал последний период, разделенный им на две поры. Рубежами между ними являются Манифест 1762 г. и Жалованная грамота дворянству 1785 г.[17] Содержание первой поры, которую введением обязательной службы для дворян открыл Петр I, состояло, по мысли автора, в развитии идеи освобождения дворянства от возложенной на него повинности[18]. В основе движения за освобождение лежало двойственное положение шляхетства, которое, с одной стороны, являлось служилым сословием,

а с другой – землевладельческим. Соединение в одном лице помещика и воина порождало и две противоречивые тенденции: движение, в основном богатого высшего дворянства, из деревни к центру, в столицы, где их ожидали чины, награды и развлечения, и противоположное движение менее богатых представителей сословия из центра в деревню. Поскольку вторая тенденция носила более широкие масштабы, можно говорить о том, что дворянство в целом стремилось уклониться от службы. Удовлетворение этих стремлений верховной властью нашло отражение в законодательстве Анны Иоанновны, ограничившей Манифестом 31 декабря 1736 г. срок обязательной службы двадцатью пятью годами. "Это был первый шаг на пути освобождения шляхетства от обязательной службы. Второй и окончательный был сделан при Петре III..."[19] Эта первая попытка ограничить обязательную службу дворян, по мысли автора, вызвала массовое бегство дворян со службы. Еще более массовый характер этот процесс приобрел после манифеста 18 февраля 1762 г., который распустил "дворянство из полков и канцелярий по деревням. Дворянство массами пользуется новой льготой... и массами перемещается в родные поместья. Опустелые до того времени уезды наполняются помещиками"[20]. Бегство дворянства в отставки с военной и гражданской службы явилось главным следствием Манифеста в представлении А.В. Романовича-Славатинского.

А.В. Романович-Славатинский, в отличие от дворянских историков, осмысливал появление Манифеста не как случайность, а как закономерное следствие противоречия между служебными обязанностями и землевладельческими правами шляхетства, узаконенными Петром I. Новая методология позволила увидеть, что идея "вольности" вызревала внутри самого сословия и находила выражение в многочисленных требованиях и проектах дворянства[21]. Однако практические последствия Манифеста были противоречиво истолкованы историком[22].

Собрав огромный фактический, в том числе и законодательный материал по истории дворянства и организации его службы, ученый создал фундаментальную базу для работы последующих исследователей. Завоевавшая широкую популярность работа А.В. Романовича-Славатинского очертила основные направления дальнейшей разработки проблемы.

Сочинение И.А. Порай-Кошица "Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII в. (СПб., 1874) также имело целью охватить историю дворянства в целом, чтобы обосновать "истинные причины высокого положения" сословия и его значение, "основанное на заслугах отечеству и освященное всей русской историей"[23], однако носило описательный и компилятивный характер. В изложении предыстории Манифеста и в оценке его значения автор повторил выводы А.В. Романовича-Славатинского[24].

Стремлением обобщить историю привилегированного сословия было продиктовано и исследование правоведа-"государственника" М. Яблочкова, затронувшее вопрос о службе "освобожденного" дворянства. Повторив положения И.Д. Беляева об отмене "вольности" указом от 11 февраля 1763 г., он заключил, что вообще нельзя говорить об из-

менениях в службе дворян после 1762 г., только Жалованная грамота в 1785 г. вновь предоставила дворянам право служить по своему усмотрению[25]. Подобное мнение в исторической литературе после М. Яблочкова не встречалось.

С.А. Корф в работе "Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 гг." (СПб., 1906) факт появления Манифеста рассматривал как результат "разумной" деятельности государства. "Если не единственной, то самой главной причиной его издания было желание императора приобрести на свою сторону весь дворянский корпус"[26], – писал он. В то же время, считая дворянство сплоченной корпорацией, он утверждал, что издание Манифеста отразило зревшее в рядах дворянства недовольство обязательной службой. "Через все царствование Елизаветы Петровны красной нитью проходит эта борьба правительства со становящимися все более неисправимыми дворянскими нетчиками"[27]. Вот почему "с радостью ухватилось дворянство за свое новое право. Сотнями дворяне стали выезжать в свои поместья, куда тянуло их вовсе не стремление заняться земледелием или предаваться какимлибо местным хозяйственно-административным интересам, а просто желание отдохнуть от ненавистной и тяжелой столичной военной дисциплины и головоломной канцелярии"[28].

С.М. Соловьев не уделил большого внимания реализации дворянской вольности, однако в "Истории России с древнейших времен" затронул этот вопрос в разделе, посвященном правлению Петра III. Спор об авторстве Манифеста[29] ученый решил в пользу Д.В. Волкова[30]. Немаловажно, что историк обратил внимание на дифференцированное отношение к служебным обязанностям различных слоев дворянства: "Манифест 18 февраля должен был очень обрадовать многих; но эту радость в такой степени не могли разделить дворяне, занимавшие высшие должности, которые имели все побуждения продолжать службу, дававшую им значение и выгоды. У этих людей гораздо больше на сердце были другие льготы – освобождение от телесного наказания, уничтожение конфискации дворянских имуществ"[31].

В духе теории "закрепощения сословий" оценил дворянскую вольность Н.П. Павлов-Сильванский в сочинении "Государевы служилые люди" (СПб., 1909)[32]. Указ Петра III, по его мнению, был центральным моментом "раскрепощения" дворянства, начало которому положил Манифест 1736 года. Законодательным актом от 18 февраля 1762 г. отменена была основа организации класса государственных служилых людей и полагалось начало образованию привилегированного дворянского сословия[33]. Последним звеном в цепи раскрепощения дворянства явилась Жалованная грамота Екатерины II[34].

В.О. Ключевский в курсе лекций объяснил изменение служебного положения дворянства усилением роли гвардии в эпоху дворцовых переворотов, а указу об "освобождении" дал в целом отрицательную оценку, поскольку "он предоставлял дворянину право быть бесчестным человеком, только с некоторыми придворными и общественными лишениями. Снимая с сословия вековую повинность, спутавшуюся с целым миром разнообразных интересов, манифест не давал

никаких обдуманных практических указаний о порядке его исполнения и о последствиях из него вытекающих"[35]. Другой порок Манифеста, по оценке В.О. Ключевского, заключался в обособлении дворянства от других сословий, потере им конструктивно-лидирующей роли в обществе[36].

Первое специальное исследование предыстории дворянской вольности принадлежит Г.В. Вернадскому (1915)[37], удачно разрешившему, на наш взгляд, проблему авторства документа. Опираясь на материалы законодательной комиссии 1754–1766 гг., историк высказал твердое предположение, что инициаторами составления указа об "освобождении" были А.И. Глебов и Р.Л. Воронцов, выступавшие проводниками идей Манифеста в комиссии[38]. Однако документ не был выработан предварительно в комиссии и не появился в царствование Елизаветы Петровны по причине противодействия Шуваловых, боявшихся давать вольность дворянству из-за возможных серьезных затруднений для государства[39].

Как видим, в отечественной исторической литературе XIX столетия был преодолен прагматический подход дворянских историков рубежа XVIII и XIX вв. и утвердилась достаточно объективная методология исследований, позволившая осмыслить Манифест не как случайную прихоть слабого правителя, а как закономерный результат изменения собственнических прав привилегированного сословия и роста его политического веса. Накопление большого фактического материала на основе привлечения законодательных актов, мемуарной литературы и некоторых архивных данных позволило по-новому поставить вопрос об исторических корнях Манифеста и явилось серьезной базой для дальнейших исследований.

* * *

В отечественной научной литературе послеоктябрьского времени, опиравшейся на марксистко-ленинскую методологию, не уделялось должного внимания истории российского дворянства, изучение его службы, по существу, выпало из поля зрения исследователей и затрагивалось главным образом в общих трудах. Одним из первых марксистских сочинений по интересующей нас теме стала книга С.М. Ольминского "Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России"[40]. Впервые изданная в предреволюционный период, она впоследствии переиздавалась в 1920-е гг. Работа носила полемический характер: автор выступал против идеи "государственников" о надклассовости государства. Обосновывая свои взгляды, С.М. Ольминский коснулся обязанностей дворянства, сделав акцент на том, что государство всячески старалось облегчить службу помещиков. Венцом дворянского торжества и явился манифест Петра III. Не заостряя внимания на динамике отставок в пореформенное время, историк отметил, что большинство дворян продолжали служить, соблазнившись новыми окладами, пенсиями, легкостью мздоимства[41].

В критической статье по поводу этой работы В.В. Воровский

совершенно правомерно связал заинтересованность дворян в государственной службе с их имущественным положением[42].

В начале 1950-х годов, с расширением проблематики научных исследований "освобождение дворянства" вновь попало в поле зрения историков. Н.Л. Рубинштейн еще раз подверг аналитическому осмыслению связь между Манифестом и деятельностью Уложенной комиссии 1754–1766 гг.[43] Глубокий анализ документов позволил ему доказать, что указ "о вольности" дворянской явился частью 22 главы проекта нового Уложения. "Дворянское законодательство времени Петра III, и прежде всего известный манифест... оказывается простой реализацией мероприятий, подготовленных еще при Елизавете Петровне"[44].

Вопросы службы дворянства в этот период рассматривались только в общих работах, при этом оценка первичных социальных последствий Манифеста почти совпадала с выводами дореволюционных историков "государственной школы"[45], различие же главным образом заключалось в привнесении антикрепостнических идеологем в стереотипные формулы старой литературы. Статья Ю.Я. Когана "Дворянство", опубликованная в широко известных "Очерках истории СССР" (М., 1956), является типичной для характеризуемого разряда работ. Ю.Я. Коган, подчеркнув вслед за Н.Л. Рубинштейном, что Манифест "возник в результате длительной подготовки и явился юридическим выражением древних домогательств дворян о расширении своих сословных привилегий"[46], дал следующую оценку последствий его реализации: "После издания манифеста 1762 г. дворяне не преминули воспользоваться столь долгожданным правом и в большом числе устремились на жительство в собственные деревни. Переселяясь в провинцию, дворянин нес туда... ненасытную жажду обогащения, беспечный образ жизни за счет крепостного труда, в умножении которого он теперь был особенно заинтересован"[47]. В вузовских учебниках, издававшихся в 1960–1990-е годы, Манифест либо совсем не упоминался[48], либо упоминался вскользь[49]. Исключение составляет учебник "История России с древнейших времен до 1861 года" под редакцией Н.И. Павленко, где дана развернутая характеристика Манифеста и отмечено, что отношение дворян к манифесту дифференцировалось в зависимости от душевладения[50]. В третьем томе двенадцатитомной "Истории СССР" (М., 1967) этот законодательный акт был оценен как вершина дворянских привилегий. В результате его реализации "дворянство превратилось в паразитирующий слой общества, освобожденный от каких-либо обязанностей и проедающий труды многомиллионной массы крестьян"[51].

В ходе изучения общих проблем абсолютизма была дана следующая оценка месту Манифеста в законодательстве XVIII столетия: "Манифест о вольности дворянства, отменяя обязанность государственной (прежде всего военной) службы господствующего класса, подвел черту под теми законами, которые закрепляли ликвидацию условного характера землевладения на поместном праве и превращали все поместья в "вотчины" (1714, 1731). Полное уничтожение обусловленности землевладения службой было ликвидацией характерных для классического феодализма отношений сюзеренитета-вассалитета"[52].

В 1970-е гг. сюжеты, связанные с отменой обязательной службы, затрагивались в работах С.М. Троицкого. В известной монографии "Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в." (М., 1974) историк рассмотрел некоторые аспекты службы дворян, тесно связанные с процессом формирования бюрократического аппарата абсолютной монархии. Конечные причины издания Манифеста он видел в развитии товарно-денежного хозяйства и постепенном вызревании буржуазных отношений, обусловивших усиление консолидации господствующего класса и рост его хозяйственных устремлений в новых экономических условиях[53]. "Формирование бюрократии, – полагал С.М. Троицкий, – было важнейшим фактором, подготовившим "освобождение" правящего класса от обязательного характера государственной службы"[54]. Анализ социального происхождения чиновников привел исследователя к выводу, что и после 1762 г. многие дворяне продолжали службу[55]. Этому документально обоснованному выводу противоречит не подтверждаемое фактами заключение той же монографии, будто бы отмена обязательной службы дворянства отразилась на изменении социального состава чиновничества, "способствуя притоку разночинцев в государственный аппарат"[56]. Как будет показано ниже, реализация Манифеста вызвала как раз противоположные последствия.

Для изучения интересующего нас вопроса важна и статья С.М. Троицкого о работе Комиссии о вольности дворянства, учрежденной Екатериной II в феврале 1763 г. (М., 1982). Раскрывая один из начальных этапов истории разработки законодательства о сословных правах и привилегиях дворян правительством Екатерины II, автор обнажил стремление императрицы уклониться от подтверждения новой привилегии и выявил противоречие между самодержавием и дворянством, возникшее в связи с отменой обязательной службы[57].

В оценке конкретно-исторических последствий Манифеста в последнее время получил поддержку тезис С.М. Троицкого о бегстве чиновников со службы и "массовом одворянивании" находящихся на службе разночинцев[58]. "После манифеста о вольности дворянства, когда благородные дворяне побежали со службы и их посты в государственном аппарате стали освобождаться, открылась дорога к чинам, а значит, и к дворянству разночинцам"[59], – пишут публикаторы "Российского законодательства X–XX вв." Главное содержание новой нормы, по их мнению, "состоит в освобождении господствующего класса от ... единственной обязанности, в установлении вольности на безделье"[60].

Идею интенсивного замещения дворян разночинцами в государственном аппарате после 18 февраля 1762 г. поддерживает также Л.Ф. Писарькова[61]. М.Ф. Румянцева, напротив, основную роль в социальном наполнении аппарата в третьей четверти XVIII столетия, отводит дворянству[62].

В статье Б.Н. Миронова, опубликованной в 1991 г., причины издания Манифеста и особенности его реализации (традиционно понимаемые автором как "бегство" со службы) были рассмотрены в ключе влияния революции цен. По мнению исследователя, стремление дворян "добиться освобождения" и их последующее интенсивное оседание на

земле было результатом выгодной экономической конъюнктуры, сложившейся в результате российской революции цен XVIII в., которая позволяла зарабатывать на ниве сельскохозяйственного предпринимательства за счет эксплуатации своих крепостных больше, чем на службе[63].

Изучение политико-правовых взаимоотношений абсолютизма и дворянства сегодня в значительной мере продвинуто вперед благодаря монографиям О.А. Омельченко «"Законная монархия" Екатерины II» (М. 1993) и А.Н. Медушевского "Утверждение абсолютизма в России" (М., 1994). В свете нашей проблематики наиболее важен тот вывод О.А. Омельченко, что "реальным социальным механизмом, который породил идеологию и практику "просвещенного абсолютизма", было взаимодействие собственных институтов абсолютистской государственной организации, обладавшей по своей политической природе огромной мерой самостоятельности и достигшей в своем историческом развитии к XVIII в. весьма высокой степени отчуждения, с интересами и требованиями наиболее активной массы правящего сословия дворянства"[64]. Стремления и упования "просвещенного абсолютизма", – уточняет О.А. Омельченко, – никоим образом не нарушали и не могли, по своим исходным посылкам, нарушить позиций дворянства, монархической государственности и феодальной бюрократии[65].

А.Н. Медушевский на основе сравнительно-исторического анализа показал особенную роль созидательной инициативы абсолютизма в формировании класса шляхетства в петровское время. Рассматривая вопрос о развитии абсолютизма "в перспективе последующего развития", историк подтвердил наблюдение Г.В. Вернадского, что созыв Уложенной комиссии 1767–1770 гг. отражал стремление Екатерины II "в какой-то мере ограничить притязания дворянства и создать более широкую базу режиму"[66]. Ожесточенное столкновение интересов дворянства с интересами других сословий во второй половине XVIII в., корпоративный эгоизм и даже агрессивность дворянских инициатив в сфере хозяйственной деятельности[67] – эти наблюдения А.Н. Медушевского крайне важны для понимания социально-экономических стимулов политико-правового консерватизма "освобожденного" дворянства.

Диссертационное исследование и публикации М.В. Бабич[68], посвященные историографии взаимоотношений самодержавия и дворянства во второй половине XVIII в., представляют собой плодотворную попытку анализа рефлективного существования проблемы в русской дореволюционной историографии и общественной мысли. М.В. Бабич подчеркивает незавершенность решения дворянского вопроса в известных актах Петра III и Екатерины II и – как следствие – его отнюдь не академическую актуальность вплоть до Октября 1917 г.

Размежевание с историографическими штампами советского времени в освещении исторической роли Петра III предпринято в начале 1990-х гг. В.П. Наумовым. Почти все общегосударственные начинания Петра III, по наблюдению историка, отвечали потребностям времени и подпитывались очевидными запросами классов и социальных групп – в том числе Манифест о вольности и свободе[69].

Любопытный экскурс в историю самосознания и политических прав российского дворянства представила суду общественности в 1995 г. И.Ф. Худушина. Вторая половина XVIII столетия, по ее наблюдению, время, когда опиравшееся на "неограниченный кредит доверия со стороны народа... русское государство, какие бы проблемы его не волновали, все же находилось в состоянии стабильности, что, в свою очередь, было залогом расцвета в духовном развитии русского общества"[70]. Дворянство же, отстраненное Манифестом о вольности от обязательного участия в государственной службе, не ощущало потребности в политических правах, равно и прочее население России[71].

"Освобождение" дворянства повлекло за собой радикальные перемены в образе жизни и мышлении российского дворянства, основного и долгое время единственного демиурга профессиональной культуры в России. Поэтому вполне понятно внимание историков культуры и социальной психологии к сумме проблем, связанных с эволюцией дворянской культуры и психологии во второй половине XVIII столетия.

Приоритетное место в ряду таких работ занимают, пожалуй, "Беседы о русской культуре" Ю.М. Лотмана, где в не строго научной форме предлагается типологизирующее осмысление быта, образа жизни русского дворянства XVIII – начала XIX в.

Быт как духовная субстанция, его влияние на искусство и литературу, обратное влияние профессионального духовного творчества на повседневную жизнь, связи русской культуры с европейской, регенерация культурных традиций – таковы основные вешки эссеистических погружений Ю.М. Лотмана в эпоху бурной европеизации России. В главе "Люди и чины" им дана любопытная, но на редкость неточная и не характерная для автора оценка событийного содержания перемен в службе дворян после февральского Манифеста 1762 г., объясняемая отчасти тем, что автор явно спутал Манифест о вольности дворянской 1762 г. с Жалованной грамотой 1785 г. Эти два документа получили у Ю.М. Лотмана обобщенное наименование Грамоты о вольности, последствия которой вслед за авторами "Российского законодательства X–XX вв." он свел к увольнениям чиновников. Что касается военной службы, то, по мнению историка, «никакого "бегства" с последней как массового явления обнаружить в документах эпохи невозможно»[72].

Из культурологических исследований сугубо научного плана в наибольшей степени с проблемами нашего исследования связаны работы С.С. Минц[73], Е.Н. Марасиновой[74] и М.А. Крючковой[75]. Их отличает видовая близость использованных источников (письма у Е.Н. Марасиновой, опубликованные и неопубликованные мемуары у С.С. Минц, мемуары и дневники у М.А. Крючковой) и схожие методы анализа источников – посредством выделения в текстах ключевых черт психологии творчества и социального самосознания авторов текстов.

В диссертации и опубликованных работах С.С. Минц приоритетное место занимают проблемы самоидентификации "героя" и мемуариста, раскрываются особенности присутствия авторов в дворянских мемуарах конца XVIII – начала XIX столетия. С.С. Минц отмечает приверженность мемуаристов к сословным критериям в оценке той или иной

личности, консерватизм предпочтений дворян в этике межличностных и межкастовых отношений[76].

Е.Н. Марасинова в кандидатской диссертации и статьях делает акцент на исследовании социальной психологии русской аристократии. Ознакомление с широким кругом эпистолярных источников позволило ей сделать неординарные выводы: 1) о существовании оппозиционных к монархии настроений среди вельмож екатерининского времени, – настроений, выражавшихся либо в форме малозначащей фронды "интеллектуальной" аристократии, либо в форме критического самоотчуждения интеллектуалов от власти; 2) о глубоком размежевании дворянства с другими сословиями, пагубности тотального доминирования привилегированного класса в русском обществе для перспектив собственной консолидации дворянства[77].

М.А. Крючкова более высоко оценивает уровень консолидации шляхетства и трактует сословность как важнейший фактор роста личностного самосознания российских дворян второй половины XVIII столетия. Но "своеобразие и парадоксальность российской ситуации, – по ее мнению, – состояли в том, что в сферу сословного самоопределения дворянства было втянуто и представление о "естественном" человеке: нормативный образ дворянина строился в соответствии с эталоном "естественных" достоинств, а выполнение им общественных функций приравнивалось к осуществлению своего человеческого предназначения"[78]. В этом противоречии М.А. Крючкова видит залог высокого гуманизма русской дворянской культуры XIX столетия и источник ее кризиса.

* * *

Проблема "освобождения" российского дворянства не осталась без внимания и зарубежных историков. Не задаваясь целью охватить весь существующий спектр мнений, отметим наиболее характерные труды и концепции.

Одной из первых работ по интересующему нас сюжету явилась монография профессора русской истории Колумбийского университета Марка Раева о происхождении российской интеллигенции (N.Y., 1966), ядром которой, по мнению автора, и стало освобожденное от обязательной службы дворянство. М. Раев разделяет позицию "государственников" о социотворческой роли абсолютизма. Служебные обязанности дворянства он рассматривает в специальном параграфе "Государство и служба в восемнадцатом столетии" С утверждением абсолютизма в России, по мнению автора, было связано формирование бюрократии, которая своей казенщиной, бездушием, пренебрежением к человеческой личности оттолкнула дворян от государства, способствовала их взаимному "отчуждению" С одной стороны, государство, требовавшее от дворян обязательной службы, было своего рода молохом, пожирающим жизнь их самих и их детей[79]. С другой стороны, с развитием бюрократии у государства отпала необходимость в дворянстве, что и "нашло выражение в знаменитом манифесте от 19 февраля 1762 г., который сделал службу для дворян необязательной"[80].

По мнению М. Раева, закон 1762 г. нельзя считать победой дворянства над государством, но "правильнее рассматривать как заявление государства о независимости от дворянской службы. ...Государство больше не нуждалось в дворянстве для службы, но по-прежнему хотело, чтобы оно помогало "вестернизировать" и "модернизировать" страну и оставалось общественным и культурным лидером народа" Процесс же "вестернизации" (или модернизации) наряду с революционным брожением автор считает определяющим в истории России со времен Петра I до революции 1917 г.[81] Значение Манифеста историк усматривает в том, что он способствовал возврату в провинции значительного числа дворян, ускорил формирование интеллигенции и способствовал тем самым развитию российской культуры[82].

Концепция М. Раева оказала очевидное воздействие на оценку дворянской "вольности" профессором университета в Ватерлоу А. Джентином, данную в книге "Россия в восемнадцатом столетии" (1973)[83]. Отмечая ослабление центральной власти в период дворцовых переворотов, он подчеркнул, что эту эпоху (1725–1762) характеризуют два процесса: формирование профессиональной бюрократии и рост влияния дворянства в экономической и социальной жизни, которые и стали предпосылками Манифеста 1762 г. А. Джентин не считает правомерным рассматривать ликвидацию обязательной службы как уступку, которую дворянство силой выбило у государства, но как законоположение, отразившее интересы самого государства, не нуждавшегося больше в дворянстве. "Бюрократия была теперь так хорошо укомплектована опытными профессионалами, что могла обходиться без использования обязательных наборов. Это было не ревизией петровской концепции службы, но признанием того, что служба больше не является необходимой в первоначальных формах. Более того, Манифест не только не настаивал на том, что служба по-прежнему является профессией дворянства, но подчеркивал важность хорошо образованных специалистов"[84]. Наиболее существенным в работе нам представляется то, что историк соотнес реализацию Манифеста с имущественной неоднородностью дворянства. Отмена обязательной службы, по его мнению, не могла привести к повальному бегству дворян из аппарата, так как служба, во-первых, "рассматривалась как единственный путь к положению и власти", а, во-вторых, "для широкого большинства дворян она была основным источником существования"[85].

Самым значительным трудом зарубежной историографии, имеющим непосредственное отношение к нашей теме, стала книга профессора Массачусетского университета Роберта Джонса "Освобождение русского дворянства"[86], посвященная изучению отношений правительства Екатерины II и дворянства в промежутке между изданием Манифеста 1762 г. и Жалованной грамотой дворянству 1785 г.

В истории российского дворянства нового времени Р. Джонс выделяет три периода: с начала XVIII столетия до Манифеста о вольности; с 1762 г. до издания Жалованной грамоты дворянству и с 1785 г. до отмены крепостного права. В основе периодизации лежит изменение в политике в отношении дворянства. Смыслом и стимулом этой политики

на первом этапе (то есть в интересующий нас период), приведшей к значительному облегчению служебных обязанностей дворянства после смерти Петра I, явилось не ослабление центральной власти, а интересы самого государства, и в первую очередь фискальные затруднения казны, стремившейся сократить расходы на содержание аппарата[87].

Исключительно интересом государства объясняет Р. Джонс и появление Манифеста 1762 г. Присоединяясь к мнению М. Раева, он утверждает, что причиной отмены обязательной службы стало желание государства ликвидировать зависимость от дворянства, решить проблемы демобилизации и перехода к службе мирного времени. "Обострившиеся финансовые трудности, порожденные Семилетней войной, вызывали необходимость сокращения количества дворян, которым государство должно было платить жалованье.

Явившись результатом такого положения, Манифест... предложил уменьшить избыток служилого дворянства, разрешив тем, кто действительно хочет оставить службу, сделать это... Выбирая такой метод демобилизации, государство смогло бы убить сразу двух зайцев: оно предоставляло дворянам благоприятную возможность самим изменять свое будущее и, что важно, оставляло на службе государства только тех военных и служащих, которые сами этого хотели. Избавление армии от дворян, недовольных службой, открывало государству возможность повысить моральный уровень, дисциплину и профессионализм самой службы"[88]. (Проблема демобилизации была актуальной к началу 1762 г., и необходимость сокращения армии, вероятно, повлияла на принятие решения о предоставлении дворянству права вольности, как позже этот же фактор повлиял на решение Екатерины II согласиться с Манифестом своего нелюбимого предшественника, но, тем не менее, ничто не мешало провести демобилизацию и в обычном порядке, не затрагивая сложившуюся систему службы всего сословия).

При анализе обстоятельств службы дворян в первой половине и середине XVIII столетия, а также их отношения к "освобождению" историк справедливо исходил из реально существовавшего имущественного неравенства внутри дворянства, которое в работах отечественных исследователей XX столетия нивелировалось тезисом о консолидации сословия в послепетровское время. По мнению Р. Джонса, дифференциация дворянства по доходам определяла различия в условиях и перспективах службы[89], и, в конечном итоге, обусловила неоднозначную реакцию дворянства на отмену обязательной службы. Разграничив "практическое" и "психологическое" воздействие Манифеста, Р. Джонс подметил, что, хотя все дворяне превозносили "абстрактную идею свободы"[90], однако на практике отношение к новому закону разных категорий дворян было различным. "Отношение знати к манифесту, – отмечает автор, – объясняет иронический на вид факт, что некоторые из их числа тайно присоединились к заговору с целью свержения с престола его автора, а многие другие приветствовали переворот... Находившиеся на другом конце социального спектра мелкие дворяне совершенно по-иному отреагировали на Манифест. ...Бедный дворянин, не имевший надежд на успех, стремился воспользоваться преиму-

ществами петровского закона, который разрешал оставить службу и вернуться в поместья. ...Бедный дворянин находил право уволиться со службы наименьшим злом, чтобы улучшить свою судьбу... Проявляя уважение к дворянам и службе, манифест, однако, произвел приблизительно тот эффект, на который и рассчитывало правительство: он побудил покинуть службу и вернуться в свои поместья многих из тех, кто в наименьшей степени был способен, стремился и нуждался в службе.

Многие из беднейших дворян могли решить остаться на службе из-за отсутствия приличного дома, в котором можно было проживать, находясь в отставке. К тому же некоторые весьма достаточные представители "среднего" дворянства могли уйти в отставку, потому что, подобно Болотову, устали и хотели отдохнуть. Однако идею службы, они, вероятно, внушали своим сыновьям. ...Наиболее заметным и значительным результатом манифеста, следовательно, был массовый отъезд из службы в провинции мелкого дворянства"[91].

Проблема "освобождения" российского дворянства не прошла и мимо внимания известного английского историка, профессора Лондонского университета Исабели де Мадарьяга[92]. В отличие от многих других историков, она усмотрела главное значение Манифеста Петра III не в усилении центробежной динамики дворянских кадров, которая, по ее мнению, не была значительной, а в изменении отношений между дворянством и абсолютной монархией. "Февральский манифест" 1762 г. изменил их (дворян – *И.Ф.*) отношение к государству. Они начали рассматривать его в меньшей степени как тяжелую и давящую тиранию, и в большей степени как серию институтов, на которые они могут оказывать влияние, критиковать и даже изменять, если оно не удовлетворяет их потребности"[93]. Вслед за Р. Джонсом И. де Мадарьяга отметила имущественное неравенство российского дворянства и его определяющее влияние на успех карьеры и социальный статус[94].

В немецкой литературе, несмотря на сильнейшее присутствие немецкого влияния в России XVIII столетия, малозаметно внимание к истории России и российского дворянства того времени. Из ряда банальных оценок Манифеста выделяется замечание Ганса фон Римши о негативном отношении Екатерины II к этому акту в начале ее правления[95]. Статья кёльнского историка Христофа Шмидта "Об обозначении социального статуса (состояние – сословие) в России с XVIII столетия", в которой он показал обособление дворян от других сословий в официальной терминологии времен Екатерины II ("достоинство" против "состояния")[96] – редкий образец детального анализа реалий российской истории в немецкой научной литературе.

* * *

Как видим, в научной литературе затронут целый ряд проблем по интересующей нас теме: закономерность появления Манифеста, его связь с изменением условного характера земельной собственности дворянства, а также с консолидацией господствующего класса в условиях абсолютизма, с одной стороны, и с генезисом капиталистических

отношений – с другой; имущественная дифференциация привилегированного сословия и ее связь с проблемой оттока дворян из армии и управленческих структур после вступления в силу закона о дворянской вольности и другие. Все отмеченные заключения делались в самом общем виде по ходу изучения общих проблем отечественной истории XVIII в. Подробной же исследовательской реконструкции подверглись только история подготовки текста Манифеста и попытка его переработки Комиссией о вольности дворянства 1763 г., формирование чиновничества местных учреждений после 1762 г. Отсутствие специальных исследований о ходе внедрения Манифеста порождало упоминавшуюся выше путаницу и противоречия в воссоздании истории его реализации и препятствовало объективной и всесторонней оценке места дворянства в системе абсолютной монархии и в российском обществе после отмены обязательной службы и, следовательно, правильному пониманию эволюции социальной базы российского абсолютизма, перемен в социальной стратиграфии России, происшедших под влиянием февральского закона Петра III.

В центре настоящего исследования – реализация Манифеста о вольности в практике государственной службы в первое десятилетие его существования. Хронологические рамки работы определяются годом издания Манифеста, с одной стороны, и начальными годами первой русско-турецкой войны (на время которой действие "вольности" приостанавливалось) – с другой. Но поскольку оценить ход реализации новой нормы и сущность изменений, произведенных ею в службе дворянства, нельзя без учета основных тенденций, наблюдавшихся в практике государственной службы привилегированного сословия до отмены ее обязательного характера, нами привлекались также документы за 1730–1740-е, 1753 и 1755 гг. Сплошное сравнительное изучение архивных данных о дворянской службе до Манифеста нам показалось предпочтительнее предпринять на материале первой половины 1750-х гг., так как данные за вторую их половину не могут быть показательными в силу вероятного влияния на них начавшейся Семилетней войны.

В ходе изучения реалий службы дворянства в первой половине и третьей четверти XVIII столетия перед автором вставали следующие задачи: определение наиболее существенных черт социальной эволюции привилегированного сословия, отразившихся в практике его службы; выяснение особенностей службы дворянства до отмены ее обязательного характера; выявление мотивов той или иной реакции на "освобождение" различных категорий дворянства; установление изменений, внесенных Манифестом 18 февраля 1762 г. в службу военных и чиновников; оценка влияния Манифеста на взаимоотношения классов российского общества.

* * *

Изучение интересующих нас процессов потребовало обращения как к опубликованным, так и к неопубликованным источникам. Основным опубликованным источником явилось Полное собрание законов Рос-

сийской империи, из которого нами использовались материалы за XVIII столетие о службе дворян, в первую очередь нормы, регулировавшие выходы в отставку, получение отпусков, переводы по службе, возвраты к делам из отставки и т.п. Эта область законодательной деятельности абсолютизма весьма специфична, поскольку регулирует отношения между государством и классом, волю которого оно выражает.

В законодательной деятельности правительства относительно дворянства можно выделить четыре периода: первый – с начала XVIII в. и до 1725 г.; второй – с 1725 по 1736 г.; третий – с 1736 по 1762 г. и четвертый – после 1762 г. Критерием для их выделения является изменение правительственной политики по вопросу о дворянской службе. В 1736 г. такой вехой стал Манифест 31 декабря, в 1762 г. – Манифест о вольности.

Особенности взаимоотношений государства и дворянства нашли отражение в степени действенности законодательных норм, а, следовательно, и в их значимости как исторического источника. Материалы Полного свода законов предоставляют в распоряжение исследователя разнообразные документы: манифесты, указы, доклады Правительствующего сената. Одна их часть воплощала законодательную волю самодержца и может быть обобщена понятием "законы", а другая – его управленческую волю, и ограничиваясь регламентацией конкретных ситуаций, представляла собой подзаконные акты, которые отражают ход осуществления правительственных постановлений (например, указы против нетчиков или злоупотреблений отпусками).

Существенной особенностью законодательных актов изучаемого времени является юридическое и кодификационное несовершенство многих из них. Значительная часть законодательных актов XVIII столетия включала в себя формулировки, либо заведомо противоречившие другим формулировкам текста одного и того же закона, либо предполагавшие ничем не ограниченные "исключения" из вводимых правовых норм, либо допускавшие неоднозначное толкование норм в процессе их реализации. Другой недостаток памятников законотворчества того времени заключается в том, что законодательные акты зачастую противоречили друг другу, и, следовательно, одна и та же жизненная коллизия регулировалась неадекватными друг другу правовыми нормами.

Ярким примером неоднозначно сформулированного законоположения является статья 8 Манифеста. Она допускала увольнение от службы дворян, не имевших обер-офицерских чинов, лишь при наличии двенадцатилетней выслуги. Из текста Манифеста оставалось неясным, относится это положение лишь к тем, кто поступил на службу до его подписания, или сохраняет силу и для тех, кто начнет службу после 18 февраля 1762 г. Вследствие этого статья в разное время трактовалась по-разному и никогда (по крайней мере до конца XVIII столетия) не трактовалась однозначно. В течение первого десятилетия после принятия Манифеста преобладала та точка зрения, что статья имеет ограниченный круг адресатов, но с тех, кто поступил на службу

после 18 февраля 1762 г. и желал уволиться без двенадцатилетней выслуги, требовали медицинское обоснование отставки[97]. Вторая точка зрения имела шанс утвердиться в начале царствования Александра I, когда был подписан и тут же – вследствие протеста Сената – отозван соответствующий указ[98].

Учет указанных выше особенностей законодательных источников требует от исследователя выявления всех относящихся к той или иной ситуации законодательных актов, сопоставления их друг с другом и с практикой применения.

Другим важным опубликованным источником для работы над темой была мемуарная литература. Русская мемуаристика второй половины XVIII столетия, созданная почти целиком усилиями представителей дворянского сословия, заключает в себе обширный фактографический материал, позволяющий судить о субъективно-личностном восприятии и оценках анализируемых процессов. Если статистически ценные документы официального происхождения в большинстве случаев давали нам возможность приблизиться к выявлению суммарных показателей социальной динамики дворянства, то мемуары имели особое значение прежде всего для понимания мотивационной природы видимых в статистическом срезе процессов.

Из многообразного мемуарного наследия дворян второй половины XVIII в. наиболее предпочтительными для сопоставительного анализа со статистическими источниками мы сочли беллетризированные биографии тех, кто принадлежал к доминирующему по своей численности разряду незнатного и небогатого дворянства. "Записки" А.Т. Болотова, Т.Н. Винского, М.В. Данилова, Ф.Ф. Вигеля, Г.И. Добрынина[99], использованные нами, отражают типичные жизненные перипетии того слоя людей, служебные и внеслужебные успехи которых находились в самой тесной зависимости как от их усердия, так и от объективно складывающихся условий, в частности от перемен в законодательной сфере.

Мемуары Г.Р. Державина[100] отражают биографию несколько другого типажа той эпохи, более удачливо использовавшего и свои таланты, и протекцию высших чиновников для осуществления неординарной карьеры.

"Записки" С.А. Тучкова[101] – это мемуары "природного" вельможи, воплотившего тип людей, для которых не существовало дистанции между собой, личными и фамильными приоритетами и государством. Они ощущали себя призванными к государственной деятельности по предопределению и мало зависели в своей карьере от покровительства других лиц, но сами имели значительное влияние на ход государственных дел и судьбы многих людей.

И, наконец, мемуары Екатерины II, оцененные ею как "поучительный урок" для тех, кто думает, что "счастье слепо"[102]. Автору они послужили пусть не вполне искренне изложенным, но незаменимым путеводителем по закулисной стороне государственных дел середины и второй половины XVIII в.

* * *

Основным источником для написания работы послужили документы о службе 9173 дворян, собранные в результате сплошного изучения документов 61 книги текущего учета дворянской службы за 1753, 1755, 1762–1771 гг., а также выборочного использования отдельных документов за 1730–1740-е гг. о службе дворян и 15 книг смотров недорослей фонда № 286 "Герольдмейстерская контора" Российского государственного архива древних актов (РГАДА).

С момента учреждения в 1722 г. при Сенате особого департамента по учету дворянских кадров – Герольдмейстерской конторы эти документы тщательно собирались чиновниками[103]. Герольдмейстеру вменялось в обязанность фиксировать материалы "троякого рода": 1) документы текущего, или оперативного, учета, которые откладывались по мере поступления челобитных или представлений других ведомств; 2) обобщающие списки на разные категории служащих: военных и статских, недорослей, отставных и лиц, обретавшихся при конторе "не у дел" в ожидании определения, составлялись на основе материалов текущего учета и на базе данных, присылавшихся по запросам Герольдии из полков и канцелярий; 3) документы экстраординарного учета, то есть общегосударственных смотров той или иной группы служащих, проводившиеся по особым императорским указам и составлявшиеся в форме ведомостей.

Для изучения реалий службы дворянства после Манифеста исключительный интерес представляют материалы текущего учета. С момента учреждения Герольдмейстерской конторы такой учет велся в воинских и статских повытьях, где проходили дела разных типов: о выходах в отставку; о переводах из воинской службы в статскую и из статской в воинскую; об отпусках; о распределении должностей; о награждении чинами; о принудительном привлечении отставных к делам местного управления (до конца 1750-х гг.); об определении неимущих для пропитания в монастыри, богадельни, госпитали, инвалидные команды; о предоставлении пенсионов. В первой половине и середине XVIII в. материалы оперативного учета являлись самой многочисленной группой дел Герольдии, а после отмены обязательной службы, когда объем делопроизводства значительно сократился, они стали составлять основную массу документов конторы.

По форме организации они включают регулярно присылавшиеся из полков списки и ведомости на выходивших в отставку или переводившихся к статским делам офицеров, а также личные дела военных и гражданских служащих. Каждое в отдельности такое дело представляет интерес для изучения биографий дворян. Взятые в совокупности за несколько лет или десятилетий, они рисуют динамическую картину перераспределения "дворянских кадров" между различными звеньями государственного аппарата и их оттока в поместья, то есть позволяют выявить основные тенденции, характерные для службы дворянства в XVIII столетии.

Объем наиболее общих сведений о дворянах в делах разных типов

был примерно одинаков, поскольку они собирались на основании общей инструкции, введенной 6 марта 1722 г. герольдмейстером С. Колычевым. Она требовала указания имени, возраста, года начала службы, чина, полка, места и времени выдачи указа об отставке, а также лица, его подписавшего (для отставных), места проживания (город, уезд), количества имеющихся крестьян. Аналогичные сведения необходимо было указать о детях и родственниках, проживающих совместно в доме, с сообщением, каким наукам обучены и где служат[104]. Этой инструкцией чиновники должны были руководствоваться как при составлении обобщающих списков, так и при ведении персональных дел. Однако объем фактически собиравшихся сведений несколько корректировался спецификой дел каждого типа. Дела, как правило, состояли из следующих документов: челобитной, доношения (или промемории) из коллегии, копии из журнала Сената о предварительном слушании дела, краткой записи сути дела Герольдией, "сказки" и аттестата просителя, справки, сделанной в самой конторе. Затем следовали многочисленные промемории: одни представляли собой копии запросов Герольдмейстерской конторы в Медицинскую канцелярию и в различные ведомства, где когда-либо служил челобитчик; другие являлись ответами на эти запросы. Иногда справка составлялась после получения ответов. Ее копия оставалась в делах конторы.

Специфической чертой материалов текущего учета, в отличие от других комплексов документов Герольдии, является неоднократность прохождения документов одного и того же служащего в течение нескольких лет и даже одного года. При этом состав представляемых сведений каждый раз мог быть различным. Исследователю это позволяет выявлять недостающую информацию во время повторного прохождения документов служащего. Как правило, по нескольку раз проходили дела возвращавшихся к делам из отставки, а также тех переведенных к статским делам, кто долго не мог получить назначение на должность. В случае освобождения вакансии, Герольдия представляла кандидатов из числа ожидавших определения дворян с указанием их чина и душевладения. В общей сложности в изучаемой совокупности документов нами выявлено около 750 дел (8%), которые с 1762 по 1771 г. по нескольку раз проходили в Герольдмейстерской конторе.

Порядок делопроизводства обеспечивал очевидную достоверность сведений. Он требовал, чтобы наиболее существенные документы готовились канцеляриями тех ведомств, где служил проситель, и визировались ответственными должностными лицами[105].

Военная коллегия сведения о выходивших в отставку, переводившихся к статским делам, определявшихся в монастыри и богадельни присылала в Герольдмейстерскую контору в виде доношений (или промеморий) на одного или нескольких человек, а также в форме разграфленных ведомостей. В графах указывались: имя, чин, полк, подробная служебная биография с момента вступления в службу, пребывание в походах и на баталиях, образование, наличие судимостей, достоинство к повышению, причина увольнения из воинской службы.

Содержание документов удостоверялось подписями руководителей военного ведомства.

С середины 1760-х годов полковые канцелярии выдавали на руки отставным аттестаты за подписями командиров и офицеров. В них фиксировались аналогичные сведения, но с особой полнотой составлялись служебные биографии. Аттестаты, как правило, фигурируют в делах о возврате в статскую службу.

При подготовке документов особое внимание уделялось социальному происхождению служащих. В "сказках" дворяне обязаны были указывать сведения о ближайших предках по мужской линии, что давало возможность чиновникам проверять их принадлежность к привилегированному сословию. Тщательность проверки была связана прежде всего с тем, что порядок прохождения службы и повышения чинов разночинцев и дворян регулировался различными указами. Сведения о социальном происхождении не всегда прямо отражены в документах. В некоторых случаях нам приходилось устанавливать их по косвенным признакам. С этой же целью мы использовали методику определения социального происхождения, разработанную С.М. Троицким[106], а также опубликованные им материалы, что подробно освещается в третьей главе[107]. В общей сложности сведения о социальном происхождении были выяснены или уточнены у 68 военных и 38 чиновников.

Принципиальное значение чиновники Герольдмейстерской конторы придавали и выяснению душевладения дворян, которое учитывалось как при распределении недорослей в полки и канцелярии[108], так и при увольнении со службы, поскольку с середины 1760-х гг. дворян, имевших за собою менее 20 ревизских душ, увольняли при получении от них подписки "о непрошении впредь пропитания"[109] В процессе обработки архивных документов в делах 25 чиновников (6,6% от числа дел с недостающими данными отставных этой группы) и 63 военных (4,5% от числа дел с недостающими сведениями у военных) нам удалось восстановить пропущенную информацию. У военных в двадцати двух случаях они были выяснены при повторном прохождении дел в материалах Герольдии[110], и в сорока восьми – установлены по книгам смотров недорослей[111]. У чиновников эти сведения были восстановлены в шести случаях по материалам смотров недорослей[112], в шести – при повторном прохождении дел[113], а в тринадцати делах – благодаря их публикации С.М. Троицким[114]. Дела смотров недорослей регулярно велись до 1762 г. и в строгом соответствии с инструкциями регистрировали сведения о дворянских детях, являвшихся в Герольдию. Поэтому, если известен год вступления в службу, то опущенные данные о возрасте, отчестве, душевладении, результатах обучения и характере полученного образования можно найти в этих книгах. Данный комплекс нами использовался главным образом для выявления недостающих сведений о душевладении военных.

Сведения об образовании служащих, как видно из материалов таблицы 1, в документах оперативного учета представлены несколько хуже, чем прочие характеристики. И хотя нами не предпринимались специальные попытки их выявления по другим источникам, однако в

процессе, работы с книгами смотров недорослей были установлены сведения об образовании двадцати двух военных[115].

Возраст в документах Герольдмейстерской конторы указывался не через год рождения, а через число "от роду лет" Это затрудняет выяснение истинного возраста, так как если дело тянулось несколько месяцев (некоторые дела тянулись годами), к моменту его завершения сведения о возрасте могли устаревать. Поэтому при изучении "персоналий" возраст необходимо уточнять по другим документам. Но при работе с большой совокупностью, когда незначительные отклонения в возрасте каждого конкретного лица не меняют существа общих выводов, сведения о возрасте можно считать вполне соответствующими действительности.

В материалах фонда до нас дошли уникальные данные о состоянии здоровья дворян. Они включают как субъективные жалобы, так и результаты осмотров и заключения медиков. Эти сведения встречаются главным образом в делах об отставках и переводах к статским делам. До Манифеста о вольности, а в некоторых случаях и после него, нетрудоспособность – "слабость", "дряхлость" и болезни – была единственным основанием для увольнения со службы. Поэтому Медицинской канцелярии вменялось в обязанность отвечать на запросы Герольдмейстерской конторы со всевозможной полнотой.

Хотя и существовали инструкции с перечнями пунктов, которые необходимо было выяснять, однако чиновники не всегда руководствовались ими при ведении челобитчиковых дел. Поэтому полнота сведений в материалах фонда различна. Среди них можно встретить дела, в которых наряду с изложением сути челобитья указаны только фамилия и чин просителя. Однако такие примеры единичны.

Приводимая ниже таблица 1 дает представление о степени полноты сведений об отставных по социальному происхождению, имущественному положению, возрасту, стажу службы и причинах выхода в отставку за 1760-е гг. В графы с указанием признаков включены данные об отсутствии сведений за каждый год. Они представлены в процентном выражении относительно общего числа отставных данной группы.

Анализ степени полноты сведений об отставных за 1762–1771 гг. (см. табл. 1) показывает, что данные об образовании содержатся в среднем в 12% дел, об имущественном положении в различных группах отставных – от 40 до 70%, о социальном происхождении и национальном составе – от 74 до 94%, о возрасте и стаже – от 86 до 95%, о причинах изменения служебного положения (выходе в отставку, возврате к делам и т.д.) – от 65 до 92%. Принципы математической статистики допускают изучение всей генеральной совокупности сведений по выборке объемом в 2–3%, поэтому полноту информации о дворянах в документах оперативного учета можно признать вполне удовлетворительной не только для изучения состава дворянства по отдельным признакам, но и для выявления связей между ними.

Вышеизложенные обстоятельства дают основание полагать, что использованные нами материалы текущего учета дворянской службы

Таблица 1. Полнота сведений об отставных (1762–1771 гг.)*

Группа отставных	Социальное происхождение	Имущественное положение	Возраст	Стаж	Мотивы отставки
нные	35	196	18	17	31
	7,4	41,2	3,8	3,6	6,5
овники	24	39	11	10	9
	31,2	50,6	14,3	13,0	11,7
еведены к статским делам	32	32	19	30	66
	14,6	14,6	8,7	13,6	30,2
нные		286	36	39	35
		40,4	5,1	5,5	4,9
овники	15	27	2	4	5
	21,7	39,1	2,9	5,8	7,3
еведены к статским делам	12	38	9	10	46
	14,0	34,9	10,5	11,6	53,5
нные		120			32
		14,6			3,9
овники		35	11	11	36
		31,8	10	10	32,7
еведены к статским делам		63	12	12	28
		30,3	5,8	5,8	13,5
нные	10	85	12	12	25
	11,1	9,3	1,3	1,3	2,7
овники	32	65	12	12	14
	37,2	75,6	14	14	14
еведены к статским делам		5	1	2	11
		22,7	4,5	9,1	50

Таблица 1 (продолжение)

Группа отставных	Социальное происхождение	Имущественное положение	Возраст	Стаж	Мотивы отставки
нные	55	125	22	24	34
	5,4	12,4	2,2	2,4	3,4
овники	28	53	12	12	6
	36,8	69,7	15,8	15,8	7,9
еведены к статским делам	4	5	1	1	13
	11,8	14,7	2,9	2,9	38,2
нные	186	290	180	180	24
	24,7	38,5	23,9	23,9	3,2
овники	24	55	12	13	8
	28,6	65,4	14,2	15,5	9,5
еведены к статским делам	7	34	1	1	62
	10,9	53,1	1,6	1,6	96,9
нные	16	59	10	11	24
	5	18,3	3,1	3,4	7,5
овники	22	51	11	11	2
	36,7	85	18,3	18,3	3,3
еведены к статским делам	1	1	1	1	2
	12,5	12,5	12,5	12,5	25
нные	8	44	3	3	19
	5,7	31,2	2,1	2,1	13,5
овники	10	17	6	6	4
	37	63	22,2	22,2	14,8
еведены к статским делам	7	3	7	7	2
	43,8	18,8	43,8	43,8	12,5

Таблица 1 (окончание)

Группа отставных	Социальное происхождение	Имущественное положение	Возраст	Стаж	Мотивы отставки
нные	25	115	8	8	221
	4	18,6	1,3	1,3	35,7
овники	5	22	5	4	2
	19,2	84,6	19,2	15,4	7,7
еведены к статским делам	2	1		1	1
	40	20		20	20
нные	17	45	8	8	8
	12,6	33,5	5,9	5,9	5,9
овники	6	17	1	1	
	30	85	5	5	
еведены к статским делам	4	13	4	4	4
	15,4	50	15,4	15,4	15,4
нные	352	1365	297	302	453
	6	23,1	5,03	5,12	7,7
овники	166	381	83	84	86
	26,1	60	13,1	13,2	13,5
еведены к статским делам	69	187	55	69	235
	10	27,2	8,0	10,02	34,2

. Оп. 14. Кн. 505–511, 513–525, 527–532, 534–538, 540–543, 546–548, 550–555, 557–560, 562–565, 567.

характеризуются массовостью, однородностью, сопоставимостью, убедительной полнотой и достоверностью сведений и являются надежным источником для изучения основных социальных качеств российского дворянства в XVIII столетии и истории реализации Манифеста о вольности в практике дворянской службы.

В процессе изучения первичные архивные материалы прошли не только стадию дополнения с помощью других источников, но и несколько этапов математико-статистической обработки, обеспечивающей большую объективность выводов. Представленные в тексте таблицы являются завершающим звеном статистического анализа. Математический анализ использовался с целью более точного выявления наличия связей между различными факторами, определявшими реалии дворянской службы. При его проведении мы использовали корреляционное отношение и критерий "хи-квадрат" Корреляционное отношение определялось путем системы расчетов по специально составлявшимся корреляционным таблицам. Смысл производимых расчетов заключался в том, чтобы выяснить, какую долю в общей мере рассеяния, или дисперсии (то есть степени отклонения значения признака от средней величины), занимает дисперсия, возникающая за счет факториального признака[116] Показатель корреляционного отношения можно использовать лишь тогда, "когда результативный признак является количественным. Поэтому в тех случаях, когда это признак качественный, наличие связи устанавливалось с помощью критерия "хи-квадрат"[117] В отличие от корреляционного отношения, критерий "хи-квадрат" ничего не говорит о степени взаимовлияния признаков. С его помощью можно установить только наличие или отсутствие связи между ними. Применение критерия"хи-квадрат" основано на сравнении его полученного значения с табличными значениями распределения вероятностей, подчиняющихся закону нормального распределения[118].

В заключение выражаю глубокую признательность ученым, принимавшим участие в обсуждении этой книги и высказавшим ценные замечания и наблюдения: И.Л. Андрееву, В.А. Артамонову, Р.М. Введенскому, С.М. Каштанову, Л.Г. Кислягиной, А.И. Комиссаренко, В.А. Корнилову, М.А. Рахматуллину, С.Ф. Фаизову, А.Л. Хорошкевич.

Особую благодарность приношу моему учителю профессору Н.И. Павленко, без опеки которого эта книга, вероятно, не увидела бы свет.

Работа над монографией стала возможной благодаря поддержке со стороны директора Государственного историко-культурного музея-заповедника "Московский Кремль" И.А. Родимцевой и заместителя директора по научной работе Н.С. Владимирской.

Большое организационное содействие в процессе работы оказывал первый заместитель министра сельского хозяйства Саратовской области М.Ф. Фаизов.

В ходе сбора материалов постоянная действенная помощь оказывалась сотрудниками РГАДА – И.А. Балакаевой, А.И. Гамаюновым, С.Р. Долговой, В.Б. Долыниной, И.Р. Ивановой, Е.Е. Лыковой.

[1] ПСЗ. Т. 15. № 11444. С. 912–915.

[2] *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков. СПб., 1870. Т. 1. С. 131–132.

[3] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М. 1965. Кн. XIII. С. 12; *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 195.

[4] *Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С. 15.

[5] *Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествия А. Радищева. М., 1983. С. 77–78. Факс. изд.

[6] Там же. С. 76.

[7] *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине второй. М., 1802. С. 141; *Он же.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 39.

[8] *Он же.* Историческое похвальное слово Екатерине второй. С. 110.

[9] *Спиридов М.Г* Краткий опыт исторического известия о российском дворянстве. М., 1804. С. 29–32, 35–37.

[10] *Беляев И.Д.* Крестьяне на Руси. М., 1860. С. 301.

[11] Там же. С. 306, 312.

[12] Там же. С. 317.

[13] Там же.

[14] *Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С. 202.

[15] Там же. С. 1.

[16] Там же. С. XVI.

[17] Там же. С. XVII.

[18] Там же. С. 196.

[19] Там же.

[20] Там же. С. 198, 504.

[21] Там же. С. 186–187.

[22] Там же. С. 505.

[23] *Порай-Кошиц И.А.* Очерки истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII в. СПб., 1874. С. VII, IX.

[24] Там же. С. 162–163, 179.

[25] *Яблочков М.* История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 532.

[26] *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 годов. СПб., 1906. С. 4.

[27] Там же. С. 3.

[28] Там же. С. 4.

[29] Спор по поводу авторства Манифеста возник в связи с опубликованием "Записок" Штелина, в которых его автором назывался А.И. Глебов. См. Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1866. Кн. 4. С. 116.

[30] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 12–14.

[31] Там же. С. 15.

[32] *Павлов-Сильванский Н.П.* Государевы служилые люди, СПб., 1909. С. 239–254.

[33] Там же. С. 254.

[34] Там же.

[35] *Ключевский В.О.* Соч. М., 1958. Т. 4. С. 324.

[36] Там же.

[37] *Вернадский Г.В.* Манифест Петра III о вольности дворянской и законодательная комиссия 1754–1766 гг. // Историческое обозрение. 1915. Т. 20.

[38] Там же. С. 55.

[39] Там же. С. 57–58.

[40] *Ольминский М.С.* Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.; Л., 1925.

[41] Там же. С. 100–101.

[42] *Воровский В.В.* О природе абсолютизма // Соч. М., 1933. Т. 1. С. 197.

[43] *Рубинштейн Н.Л.* Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения "О состоянии подданных вообще" // Исторические записки. М. 1951. Т. 38.

[44] Там же. С. 250.

[45] См., например: История СССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1967. Т. 3; Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. М., 1956 и др.

[46] *Коган Ю.Я.* Дворянство // Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. С. 76–77.

[47] Там же. С. 78.

[48] См., например: Краткая история СССР. Л., 1972. Ч. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. Д.С. Лихачева. Л., 1972; История СССР / Под ред. Б.Д. Дацюка. М., 1973; История СССР / Под ред. П.Н. Кабанова и В.В. Мавродина. М., 1974; и др.

[49] См., например: *Кузнецов И.В., Лебедев В.И.* История СССР: Середина XVIII – середина XIX вв. М., 1958. С. 66–67; История России: С начала XVIII до конца XIX века / Под ред. член-корр. РАН А.Н. Сахарова. М., 1996. С. 134; История СССР с древнейших времен до 1861 г. / Под ред. М.В. Нечкиной и Б.А. Рыбакова. М., 1964. С. 525; *Орлов А.С.* и др. История России с древнейших времен до наших дней: Учебник. М., 1997. С. 163–164 и др.

[50] История России с древнейших времен до 1861 года / Под ред. Н.И. Павленко. М., 1996. С. 300–301.

[51] История СССР с древнейших времен до наших дней. С. 438.

[52] *Каштанов С.М.* Комментарии // Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. XIII. С. 603–604.

[53] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 143.

[54] Там же. С. 365.

[55] Там же. С. 232.

[56] Там же. С. 140.

[57] *Троицкий С.М.* Комиссия о вольности дворянства 1763 г. // Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 140–192.

[58] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 140; *Он же.* Русское дворянство XVIII века в изображении американского историка // Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. С. 109.

[59] Российское законодательство X–XX веков. М., 1987. Т. 5. С. 13.

[60] Там же. С. 15–16.

[61] *Писарькова Л.Ф.* От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Сословия и государственная власть в России: XV – середина XIX вв.: Международная конференция: Чт. памяти акад. Л.В. Черепнина: Тез. докл. М., 1994. Ч. II. С. 19–30.

[62] *Румянцева М.Ф.* Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России: 1762–1802 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1985; *Она же.* Российское чиновничество второй половины XVIII в.: формирование сословия // Сословия и государственная власть в России: XV – середина XIX вв. Ч. II. С. 59–70.

[63] *Миронов Б.Н.* Влияние революции цен в России XVIII века на ее экономическое и социально-политическое развитие // История СССР. 1991. № 1. С. 98.

[64] *Омельченко О.А.* "Законная монархия" Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 379.

[65] Там же.

[66] *Медушевский А.Н.* Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994. С. 116.

[67] Там же. С. 107–144, 294–298.

[68] *Бабич М.В.* Вопрос о взаимоотношениях самодержавия и дворянства России во второй половины XVIII века в современной англо-американской историографии // Вестн. МГУ 1989. № 6. С. 59–70; *Она же.* Вопрос о взаимоотношениях самодержавия и дворянства России второй половины XVIII в. в русской дореволюционной и современной буржуазной историографии: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1990.

[69] *Наумов В.А.* Петр III. Удивительный самодержец: загадка его жизни и царствования // На Российском престоле. М., 1993. С. 283–326.

[70] *Худушина И.Ф.* Царь, Бог, Россия: Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.). М., 1995. С. 7.

[71] Там же. С. 48.

[72] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции российского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 41.

[73] *Минц С.С.* Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII – первой трети XIX в. в освещении источников мемуарного характера: Дис. канд. ист. наук. М. 1981; *Она же.* Об отражении особенностей социальной психологии в мемуарных источниках последней трети XVIII – первой трети XIX в. // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М. 1984.

[74] *Марасинова Е.Н.* Социальная психология интеллектуально-аристократических кругов российского дворянства последней трети XVIII века: (Опыт формально-количественного анализа источников эпистолярного характера): Дис. канд. ист. наук. М., 1991; *Она же.* Эпистолярные источники о социальной психологии российского дворянства: (Последняя треть XVIII века) // История СССР. 1990. № 4; *Она же.* Восприятие российским дворянством образа императора: Результаты контентанализа эпистолярных источников последней трети XVIII в. // Метод в историческом исследовании. Минск, 1991; *Она же.* Некоторые закономерности изменения социально-психологического облика российского дворянства последней трети XVIII века // Актуальные проблемы исторической науки. Ярославль. 1990.

[75] *Крючкова М.А.* Человек в русской культуре второй половины

XVIII века: (По материалам источников личного происхождения): Дис. канд. ист. наук. М., 1994.

[76] *Минц С.С.* Об отражении особенностей социальной психологии... С. 31, 38.

[77] *Марасинова Е.Н.* Декабристы: аристократическая фронда в России? // Россия. 1994. № 1/2. С. 96–106.

[78] *Крючкова М.А.* Указ. соч. С. 226.

[79] *Raev M.* Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteen-Century Nobility. N.Y., 1966. P. 43.

[80] Ibid. P. 108–109.

[81] Ibid. P. 3, 109.

[82] Ibid. P. 94.

[83] *Gentin A.* Russia in the Eighteenth Century: From Peter the Great to Catherine the Great (1696–1796). N.Y., 1973.

[84] Ibid. P. 69.

[85] Ibid.

[86] *Jones R.* The Emancipation of the Russian Nobility: 1762–1785. Princeton; New Jersey, 1973.

[87] Ibid. P. V–VI, 23–27.

[88] Ibid. P. 33–34.

[89] Ibid. P. 9–16.

[90] Ibid. P. 40.

[91] Ibid. P. 41–43.

[92] *Madariaga I. de.* Catherin the Greate: A short History. New Haven; L., 1990.

[93] Ibid. P. 15.

[94] Ibid. P. 15, 120.

[95] *Rimscha von, H.* Katharina II: Von der preusischen Generaltochter zur Kaizerin von Rusland. B.; Frankfurt, 1961. S. 62.

[96] *Schmidt Ch.* Über die Bezeichung der Stande (sostojanie – soslovie) in Rußland seit dem 18. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1990. Bd. 38. H. 2. S. 199–211.

[97] *Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С. 197. См. также ниже. С. 104–106.

[98] *Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С. 200.

[99] *Болотов А.Т.* Указ. соч.; *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 1891. Ч. 1; *Винский Г.С.* Мое время: Записки. СПб., 1914; *Данилов М.В.* Записки артиллерии майора, написанные им самим в 1771 г.: 1722–1762. Казань, 1913; *Добрынин Г.И.* Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина... им самим написанная в Могилеве и в Витебске. СПб., 1872.

[100] *Державин Г.Р* Записки. М. 1860.

[101] *Тучков С.А.* Записки. СПб., 1908.

[102] *Екатерина II.* Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 1. Репринт. изд.

[103] *Фаизова И.В.* Материалы Герольдмейстерской конторы как источник по истории российского дворянства XVIII столетия. Саратов, 1990. С. 10–15.

[104] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство... С. 156.

[105] *Фаизова И.В.* Указ. соч. С. 16, 18–22.

[106] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство... С. 186–193.

[107] См. ниже. С. 145–146.

[108] См., например: ПСЗ. Т. 8. № 5976. С. 643; № 6127. С. 887; № 6188. С. 928–930; Т. 10. № 7201. С. 43–45.

[109] См., например: РГАДА. Ф. 286. Оп. № 14. Кн. 535. Л. 181.

[110] См., например, дела: П. Агеева (Там же. Кн. 506. Л. 12, 14–15); П. Есипова (Кн. 514. Л. 220; Кн. 553. Л. 888–889, 903–903об.; 903А–904, 906–912, 915–916), М.И. Зайцева (Кн. 506. Л. 659, 666–667, 669, 671; Кн. 507. Л. 23а–728, 736–736об.), Н. Калинина (Кн. 514. Л. 392–395об., 397, 399–400, 403, 405; Кн. 567. Л. 555а, 557–559); С.М. Козлова (Кн. 506. Л. 774–784, Кн. 509. Л. 978–979об.), Г.И. Лопухина (Кн. 506. Л. 230–231, 233–235об., 243–245, 715; Кн. 518. Л. 166–184), А.Е. Мартюхина (Кн. 552. Л. 757, 758об., 779–784, 792об.–793, 820; Кн. 553. Л. 1086–1089), Г. Мордвинова (Кн. 516. Л. 211; Кн. 520. Л. 234–265), В.С. Распопова (Кн. 552. Л. 753; Кн. 553. Л. 1095; Кн. 557. Л. 261, 599; Кн. 562. Л. 331об.–340), С.И. Рылеева (Кн. 529. Л. 638–641; Кн. 534. Л. 41–43; Кн. 562. Л. 917–936), И.А. Тейлса (Кн. 552. Л. 857–859; Кн. 557. Л. 202а–210), Д. Чашникова (Кн. 542. Л. 597–598; Кн. 546. Л. 417–418, 426), А. Шиловского (Кн. 529. Л. 160–161; Кн. 542. Л. 292–293) и др.

[111] См. дела: А.И. Алексеева (Оп. 13. Кн. 450. Л. 888а–893; Кн. 540. Л. 208–209), Ф.А. Андреева (Кн. 449. Л. 34а–36; Кн. 536. Л. 2–9; Кн. 539. Л. 11об.), И.И. Арбузова (Кн. 498. Л. 35–36; Кн. 540. Л. 208–209), Д.Л. Бабарыкина (Кн. 449. Л. 874; Кн. 540. Л. 208–209); П.В. Бабкина (Кн. 473. Л. 404–414; Кн. 490. Л. 547а–552; Кн. 540. Л. 54), А.Ф. Березникова (Кн. 462. Л. 38а–44; Кн. 515. Л. 255), А.И. Богданова (Кн. 464. Л. 207а–211; Кн. 541. Л. 631–632), И.А. Васкова (Кн. 473. Л. 131, 311; Кн. 529. Л. 89–90; Кн. 550. Л. 343–353), И. Веревкина (Кн. 499. Л. 400об.; Кн. 516. Л. 224об., 232), Н.С. Волкова (Кн. 430. Л. 147а–159; Кн. 540. Л. 54), В.А. Вяземского (Кн. 482. Л. 328, 325об.; Кн. 507. Л. 712а–719; Кн. 511. Л. 32–39), В. Голенищева-Кутузова (Кн. 430. Л. 479а–488; Кн. 534. Л. 4), И.В. Голенищева-Кутузова (Кн. 497. Л. 414а, 437–438, 451–457; Кн. 540. Л. 208–209), Д. Голицына (Кн. 463. Л. 381а–383; Кн. 515. Л. 768), Ф.И. Гулидова (Кн.473. Л. 638–645; Кн. 515. Л. 962), В.В. Дмитриева (Кн. 483. Л. 121а–136; Кн. 540. Л. 54), П. Елагина (Кн. 482. Л. 1–7; Кн. 540. Л. 208–209), Я.А. Елагина (Кн. 482. Л. 1–5, Кн. 540. Л. 208–209), Л. Елютина (Кн. 499. Л. 395; Кн. 516. Л. 30), Д.П. Еремеева (Кн. 497. Л. 624–625, 651–658;Кн. 546. Л. 634–635, 639), А.Д. Житкова (Кн. 432. Л. 32–33; Кн. 567. Л. 72а–81), Д.И. Ивкова (Кн. 490. Л. 466–471; Кн. 540. Л. 208–209), М. Изгокова (Кн. 497. Л. 863; Кн. 511. Л. 106, 11об.), И.И. Кашперова (Кн. 449. Л. 508–573; Кн. 529. Л. 185–186), И.В. Квашнина (Кн. 464. Л. 450; Кн. 515. Л. 213), Н.Н. Косаговского (Кн. 498. Л. 26; Кн. 506. Л. 62, 65об.), Н.Ф. Левина (Кн. 450. Л. 362а–367; Кн. 541. Л. 198–200), С.А. Лупандина (Кн. 497. Л. 744–745, 752–758; Кн. 540. Л. 208–209), Л.О. Львова (Кн. 449. Л. 25–27; Кн. 515. Л. 957; Кн. 516. Л. 108–112), М.М. Милорадовича (Кн. 540. Л. 765–776; Кн. 540. Л. 5), И.Я. Милюкова (Кн. 431. Л. 251а–258, 263–264об.; Кн. 536. Л. 188а–192), И. Мягкова (Кн. 490. Л. 458а–461), И.Я. Насакина (Кн. 499. Л. 110а–119, 115–116; Кн. 540. Л. 208–209), И.И. Небольсина (Кн. 499. Л. 126–127, 137–141; Кн. 540. Л. 208–209), И.Ф. Нелидова (Кн. 497. Л. 742–743, 752–758; Кн. 557. Л. 469, 485), М.Н. Немчинова (Кн. 499. Л. 400об.; Кн. 562. Л. 380а, 383, 385), А. Окунева (Кн. 432. Л. 17; Кн. 507. Л. 502–506; Кн. 508. Л. 1–4), П.В. Римского-Корсакова (Кн. 432. Л. 179а–181; Кн. 557. Л. 189а–193), Е.С. Салкова (Кн. 498. Л. 263–264; Кн. 506. Л. 62, 66), И.В. Соловьева (Кн. 430. Л. 3–8; Кн. 507. Л. 262а–264; Кн. 508. Л. 199а–202), И.О. Соловьева (Кн. 464. Л. 499–505; Кн. 540. Л. 208–209; Кн. 550. Л. 280–284,

452–460), В.И. Танеева (Кн. 462. Л. 99–108; 557. Л. 202а–205), П. Филлипова (Кн. 490. Л. 77а–80; Кн. 508. Л. 470–474; Кн. 562. Л. 738а–750), П.А. Хитрово (Кн. 473. Л. 507–518; Кн. 534. Л. 4), В.И. Чагина (Кн. 449. Л. 738; Кн. 558. Л. 355), Н.О. Чепкирина (Кн. 431. Л. 293а–299; Кн. 516. Л. 346), А. Чоглокова (Кн. 430. Л. 30–39; Кн. 540. Л. 54), Н.В. Шереметева (Кн. 464. Л. 85а–89; Кн. 553. Л. 680–683, 710–710об., 712об.–713), П.И. Шишкина (Кн. 497. Л. 470–471; Кн. 540. Л. 208–209), В.Ф. Шушерина (Кн. 464. Л. 165а–172; Кн. 540. Л. 54) и др.

[112] См. дела: П.М. Бунина (Кн. 449. Л. 564–573; Кн. 450. Л. 50; Кн. 514. Л. 625–627), А.К. Голенищева-Кутузова (Кн. 430. Л. 265а–281, 294); Кн. 548. Л. 71–84, 89, 92об.–96, 99), Ф.С. Голицына (Кн. 450. Л. 808а–816; Кн. 536. Л. 54–59), А.И. Львова (Кн. 418. Л. 24–25об.; Кн. 439. Л. 241; Кн. 510, ч. 1. Л. 404–406, 464–466б, 468–469), В.В. Перфильева (Кн. 449. Л. 537а–542; Кн. 563. Л. 1185–1197), Н. Рагозина (Кн. 499. Л. 408; Кн. 541. Л. 40–41).

[113] См. дела: Г.И. Бардакова (Кн. 511. Л. 141–157, 168–171; Кн. 527. Л. 624–644), П.П. Львова (Кн. 521. Л. 691; Кн. 542. Л. 785а–792), Е.М. Маклакова (Кн. 517. Л. 133–137; Кн. 552. Л. 167, 410, 416; Кн. 553. Л. 225–226; Кн. 562. Л. 702а–711), Д.И. Писемского (Кн. 536. Л. 2–12; Кн. 539. Л. 27об.; Кн. 557. Л. 584), И.Е. Пустошкина (Кн. 506. Л. 123б.; Кн. 507. Л. 222об., 794; Кн. 508. Л. 38–43; Кн. 530. Л. 1078–1084, 1113–1115, 1117, 1120–1122 и др.; Кн. 548. Л. 624–624об, 670; Кн. 550. Л. 453, 486; Кн. 552, Л. 779–785об.; Кн. 553. Л. 869), И.П. Чихачева (Кн. 506, Л. 571–574; Кн. 524, Л. 760–765, 811).

[114] В монографии С.М. Троицкого "Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в." приведены данные о душевладении следующих чиновников, уволившихся в отставку в 1762–1771 гг.: коллежских секретарях В.Г. и Г.Н. Арбузовых (*Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 235–236), статского советника П.И. Безобразова (Там же. С. 260), секретаря 2-го департамента Юстиц-коллегии И.И. Брусенцова (Там же. С. 313, 314), прокурора Главного кригскомиссариата А.Н. Дубенского (Там же. С. 200), коллежского асессора, члена Ревизион-коллегии А. Дьякова (Там же. С. 194–195), статского советника И.С. Ермолаева (Там же. С. 258, 266, 304), коллежского секретаря И.В. Иванова (Там же. С. 304), статского советника и главного судьи Главной соляной конторы М.С. Козьмина (Там же. С. 258, 303), надворного советника Д.С. Копиева (Там же. С. 209, 242), обер-прокурора Св. Синода действительного статского советника князя А.И. Львова (Там же. С. 258, 283), коллежского секретаря Д.М. Макарова (Там же. С. 202) и действительного статского советника П.М. Салтыкова (Там же. С. 190, 260).

[115] См. дела: А.И. Алексеева (Оп. 13. Кн. 450. Л. 888а–893; Кн. 540. Л. 208–209), Д.Л. Бабарыкина (Кн. 449. Л. 874; Кн. 540. Л. 208–209), А.Ф. Березникова (Кн. 462. Л. 38а–44; Кн. 515. Л. 255), А.И. Богданова (Кн. 464. Л. 207а–211; Кн. 541. Л. 631–632), Н.С. Волкова (Кн. 430. Л. 147а–159; Кн. 540. Л. 54), В. Голенищева-Кутузова (Кн. 430. Л. 479а–488; Кн. 534. Л. 4), В.В. Дмитриева (Кн. 483. Л. 121а–136; Кн. 540, Л. 54), Д.И. Ивкова (Кн. 490. Л. 466–471; Кн. 540. Л. 208–209), И.И. Кашперова (Кн. 449. Л. 508–573; Кн. 529. Л. 185–186), Н.Ф. Левин (Кн. 450. Л. 362а–367; Кн. 541. Л. 198–200), С.А. Лупандина (Кн. 497. Л. 744–745, 752–758; Кн. 540. Л. 208–209), М.М. Милорадовича (Кн. 540. Л. 5, 765–776), И.Я. Милюкова (Кн. 431. Л. 251а–258, 263–264об.; Кн. 536. Л. 188а–192), И. Мягкова (Кн. 490. Л. 458а–461), И.Я. Насакина (Кн. 499. Л. 110а–119; 115–116; Кн. 540. Л. 208–209), И.Ф. Нелидова (Кн. 497. Л. 742–743, 752–758; Кн. 557. Л. 469, 485), В.И. Танеева (Кн. 462. Л. 99–108; Кн. 557. Л. 202а–205), П.А. Хитрово (Кн. 473. Л. 507–518;

Кн. 534. Л. 4), Н.О. Чепкирина (Кн. 431. Л. 293а–299; Кн. 516. Л. 346), А. Чоглокова (Кн. 430. Л. 30–39; Кн. 540. Л. 54), П.И. Шишкина (Кн. 497. Л. 470–471; Кн. 540. Л. 208–209), В.Ф. Шушерина (Кн. 464. Л. 165а–172; Кн. 540. Л. 54) и др.

[116] *Венецкий И.Г Кильдишев Г.С.* Основы математической статистики. М., 1963. С. 238–276.

[117] *Дружинин Н.К.* Логика оценки статистических гипотез. М., 1973. С. 121–147.

[118] Эти таблицы имеются во всех пособиях по математической статистике.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СЛУЖБА ДВОРЯНСТВА В ПОЛИТИКЕ АБСОЛЮТИЗМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ И СЕРЕДИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

Политика самодержавия в дворянском вопросе, воплотившаяся в Манифесте о вольности дворянской, была направлена в сторону, противоположную той, на которую ориентировали идеи Петра I.

В ходе преобразований первой четверти столетия правительство берет курс на консолидацию господствующего класса и максимальную мобилизацию дворянских кадров на основе унификации в указе 1714 г. О единонаследии существовавших форм феодальной собственности, а также модернизации правовых основ службы. Этого требовали задачи обеспечения шляхетскими кадрами вновь созданной регулярной армии и проводимая реорганизация аппарата центрального и местного управления. Петровская программа развития шляхетской корпорации ориентировалась на максимальное подчинение служилого сословия интересам государства и была рассчитана на обеспечение "дворянскими кадрами" важнейших сфер жизнедеятельности – армии, государственного аппарата, военной промышленности и сельского хозяйства при ограниченном допуске в ряды привилегированного сословия наиболее способных и идейно близких дворянству выходцев из других сословий, что закреплялось Табелью о рангах. При этом создание и функционирование армии и флота, не уступающих по мощи и численности вооруженным силам наиболее развитых государств Европы и способных осуществить чрезвычайные внешнеполитические замыслы Петра I, стало сверхзадачей государства, а военная служба и война – долговременной сверхзадачей интенсивно формирующейся дворянской корпорации.

Порядок прохождения дворянами военной службы был радикально пересмотрен. До начала XVIII в. государевы служилые люди должны были являться "конны, людны и оружны" только в периоды военных походов, а все остальное время могли проживать в поместьях, предоставляемых им на условном праве. В первое десятилетие XVIII столетия еще продолжала действовать старая система, и правительство неоднократно обращалось к служилым людям с призывом собирать ополчения[1]. В то же время предпринимались меры для учета дворянских кадров и мобилизации максимального числа годных к службе. Петровское законодательство пестрит указами о высылке на смотры дворянских недорослей и разнообразных мерах наказания неявившихся на смотры и уклонившихся от службы[2]. Самый большой смотр был проведен в 1721 г.[3] Прошедшие смотр дворяне либо отправлялись на обучение для "приуготовления" их к службе[4], либо записывались в

солдаты[5]. Для учета дворян, как отмечалось, в 1722 г. была учреждена должность герольдмейстера[6], а впоследствии – специальный департамент при Сенате – Герольдмейстерская контора. Однако четкий порядок смотров дворянских недорослей правительство Петра I не установило: смотры проводились часто, но без определенной системы. Введение нового порядка обязательной службы относится к 1711 г., когда был образован Сенат и отменен прежний Разрядный приказ[7]. В том же году 19 февраля войску – 33 полкам кавалерии и 85 полкам инфантерии, – было назначено штатное жалованье, заменившее прежнее вознаграждение за службу поместьями[8]. В 1714 г., с уничтожением системы поместных окладов для всех служилых – в том числе и для приказных людей – впервые было введено жалованье не как денежное дополнение к поместному окладу, а как самостоятельное и единственное вознаграждение за службу"[9]. Окончательно обязательная постоянная служба оформляется Табелью о рангах.

Введя единую форму феодальной собственности одновременно с майоратом, указ о единонаследии был нацелен не только на укрепление феодального землевладения, но и на привлечение значительного числа дворян на государственную службу. Ориентируясь на пропорциональное распределение дворян между военной и гражданской сферами, Петр I требовал, чтобы больше трети фамилий не состояло в гражданстве[10]. Н.Ф. Демидова отмечает, что "правительство... зорко следило, чтобы лица, годные для отправления военной службы, не попадали на гражданские должности"[11].

Петровское законодательство, предусматривавшее в первую очередь правила определения дворян на службу и порядок ее прохождения, не уделяло большого внимания вопросам выхода в отставку и предоставления отпусков.

Первый указ о "домовых отпусках" появился лишь в конце Северной войны 7 октября 1720 г. В нем значилось: "Армейских, драгунских и пехотных полков штаб- и обер-офицерам... для собственных нужд отпускать по одной трети от полка и от роты каждого чина. Явиться в срок (до 1 марта 1721 г.) под угрозой штрафа, офицерам под угрозой лишения чина и имени, а драгунам и солдатам под жестоким наказанием, по рядовых брать поруки от офицеров и унтер-офицеров тех рот. Офицеров отпускать с дороги, если будут рядом с теми местами, где расположены их деревни. Гарнизонных офицеров отпускать на тот же срок, но по количеству в отпуске сразу не более 50 драгун и не более 40 солдат. О сроках и месте отпусков докладывать в Военную коллегию"[12]. 28 декабря того же года указ был подтвержден[13].

По окончании войны правительство стало разрешать более длительные отпуска. По указу 13 февраля 1721 г. "урядники и рядовые из шляхетства, как полевых, так и гарнизонных полков, кои пожелают отпуску в домы свои, для исправления собственных их нужд: и их отпускать за поруками на полгода", а если полку надо быть в деле, "то у рядовых, кои отпускаются, брать вместо самих их, работников из людей их, таких, которые б могли урочную часть заработать"[14]. С 1724 г. сроки отпусков еще удлинились. Теперь рарешалось "отпускать

для домовых нужд", которые деревни имеют, воинских сухопутных по половине погодно, морских и петербургских жителей, кои не у дел, в третий год, то есть 2 года здесь жить, а третий в деревнях"[15].

Вопрос о полных отставках как для морских, так и для сухопутных категорий военных решался на основании № 58 Морского регламента, в котором говорилось, что "с теми, кто из морских и адмиралтейских служителей Российской нации будет просить о свободе от службы: то в коллегии надлежит разыскать о причине его, а именно: первое, что он болен или увечен, и от чего он службу воинскую больше исполнять не может. Второе, о его старости, дряхлости. А кроме сих причин или особливого указа, из службы не отпускать. Сие разумеется о унтерофицерах и рядовых. А обер-офицеров без именного указа его величества не отпускать"[16]. Однако Военная коллегия несколько превысила свои полномочия: ею "отставливались от службы по смотрам и по свидетельствам докторским не токмо унтер-, но и штаб- и оберофицеры" Поэтому в феврале 1723 г. она обратилась к императору с докладом, в котором спрашивала: "Впредь по-прежнему ль чинить или по Морскому Регламенту?" В резолюции Петра указывалось: "Быть попрежнему"[17].

Таким образом, предоставляя дворянину право на отпуск продолжительностью четыре, шесть и двенадцать месяцев, законодательство петровского времени позволяло полностью уволиться от дел лишь на основании медицинского свидетельства с санкции Военной коллегии или по именному указу.

После смерти Петра I намечается переход к смягчению введенных им норм службы и перераспределению прав в сфере дворянской земельной собственности, происходит значительный отход от программы развития шляхетской корпорации, задуманной в первой четверти XVIII столетия.

Отмена единонаследия правительством Анны Иоанновны при сохранении обязательной службы нарушила определенный Петром I порядок распределения шляхетских кадров в соответствии с потребностями государства, но ясно отразила слабую заинтересованность шляхетства в государственной службе при тех окладах, которые должны были возместить служившей шляхте потерю доходов с поместий. Неспособность государства удовлетворительно обеспечить солдат и офицеров (отчасти – чиновников) денежным довольствием, обмундированием и питанием, лечением, послеслужебной опекой и пенсионом была главной причиной отказа преемников Петра I от его схемы распределения дворянской собственности и дворянских кадров. Однако возобновление права собственности на землю за всеми, кто был лишен его в 1714 г., усилило тяготение к поместно-хозяйственной деятельности значительной части военных. В то же время абсолютистское государство желало по-прежнему всецело распоряжаться судьбой и жизнью дворянина и предлагало ему лишь одну жизненную стезю – службу, оставляя за ним право выбирать тот или иной полк, поступить на флот или, на худой конец, пополнить относительно немногочисленную тогда когорту канцелярских служащих. Возникшее противоречие

на протяжении 1730–1750-х гг. разрешалось в форме законодательного маневрирования со стороны правительства и перманентного сопротивления обязательной службе со стороны дворянства.

Под давлением дворянства порядок службы шляхтичей также претерпел эволюцию в направлении постепенного облегчения служебного бремени. В условиях ослабления центральной власти в эпоху "дворцовых переворотов" правительство, стремясь заручиться поддержкой широкой дворянской массы и опасаясь конфликта с ней, вынуждено было идти на уступки. Первоначально они сводились к предоставлению больших возможностей для получения отпусков. По указам 1727 г. разрешалось, "когда конъюнктуры допустят, то две части офицеров, урядников и рядовых, которые из шляхетства, в домы отпускать, чтоб они деревни свои смотреть и в надлежащий порядок привесть могли; и которые будут в отпуску, тем на то время... жалованья не давать, а в третью долю оставлять при полках иноземцев и беспоместных, которые без жалованья прожить не смогут"[18]. В 1729 г. появился указ о ежегодном увольнении в отпуск третьей части "из армейских и гарнизонных полков штаб- и обер-и унтер-офицеров и рядовых, кои из шляхетства и имеют свои деревни, для смотрения оных деревень и исправления домовых нужд"[19] В июне 1723 г. предшествующие указы об отпусках были подтверждены Сенатом[20]. Специальные постановления регулировали отпуска гвардейцев. По указу от 11 февраля 1732 г. им разрешалось уезжать в домы в начале каждого года[21]. При этом к 1 января императрице следовало подавать ведомости о желающих получить увольнение[22]. Указы 1730-х гг. об отпусках военных продолжали действовать и в последующие десятилетия и лишь периодически подтвержались. Так, например, это было сделало указом 17 мая 1744 г., по которому также разрешалось увольнять третью часть чиновников "из всякого места" Однако предпочтение в первую очередь делалось высшим сановникам: "Кто из президентов, вице-президентов и членов пожелают в домы, отпускать из каждого места президента или вице-президента, по согласию их одного и притом оставшим быть членам трем, да в конторе одному человеку, и затем прочих членов по прошениям их отпускать в домы по старшинству, разве кто из старших не пожелает, то из молодших, и давать паспорты из Сената от Герольдмейстерской конторы; а понеже трети за неровным числом членов отпускать не можно, того ради смотреть, чтоб каждый отпускаем был год, а два у отправления дел"[23]. 9 декабря 1752 г. Елизавета Петровна подтвердила этот указ. Но помимо годовых отпусков, она установила еще и месячные в декабре каждого года для всех желающих[24]. Четырехмесячные отпуска указом 1748 г. предусматривались и для учеников Кадетского корпуса[25]. Введение продолжительных отпусков не просто облегчало службу дворян, но предоставляло благоприятные возможности для уклонения от нее в рамках существовавшего законодательства.

Стремясь заинтересовать дворян в службе, правительство с января 1732 г. увеличило жалованье офицеров, сравняв его с жалованьем служивших в русском войске иностранных офицеров[26]. Создание на

протяжение 1730-х гг. системы привилегированных сословных учебных заведений – Кадетских корпусов – избавило часть дворян от необходимости начинать службу рядовыми и значительно сократило сроки получения ими обер-офицерских рангов.

Несмотря на значительные уступки, дворяне, как и в петровское время, уклонялись от служебных обязанностей. Многочисленные примеры "нетчиства" приводятся А.В. Романовичем-Славатинским[27]. В 1732 г. правительству пришлось констатировать, что указы об обязательной службе не выполняются: "Многие недоросли и поныне у герольдмейстера не явились и на службу не определены и живут в домах своих праздно; многие из морского флота, и из полков гвардии, из кавалер-гардского корпуса и из прочих полков штаб-, обер- и унтер-офицеры отставлены молодые, а к герольдмейстеру не отосланы и к делам никуда не определены"[28]. В связи с этим постановлено: "Всем шляхетским и офицерским детям, которые от 15 лет и выше, а ни в какую службу еще не определены, таковым и отставным с 1725 по 1730 г. штаб- и обер- и унтер-офицерам, которые из шляхетства, а для определения к делам к герольдмейстеру не отосланы, и сами не явились, прибыть в Санкт-Петербург сего 1732 г. в июне месяце"[29] Некоторые дворяне подчинились этому и другим подобным указам[30] и поступили на службу именно в 1730-е гг., иные продолжали укрываться от службы. Для этого они записывались в купечество[31], вступали в дворовую службу к разных чинов людям, переходили из города в город, чтобы скрыть свое звание. Среди них встречались такие, которые бывали замешаны в воровстве[32]. По предположению С.М. Соловьева, такие нетчики были из среды неимущих дворян[33].

Если одни дворяне, протестуя против обязательной службы, тем или иным способом уклонялись от нее, то и другие прямо обращались к правительству с требованиями ее отмены. Впервые вопрос об отмене обязательной пожизненной службы был поставлен в требованиях дворян, поданных в Верховный тайный совет в 1730 г. в связи с восшествием на престол Анны Иоанновны и сразу же стал предметом обсуждения в правительственных кругах. Занимавшаяся его разработкой Воинская комиссия во главе с Минихом уже в 1731 г. представила на рассмотрение Сената проект нового закона о дворянской службе. В нем допускалось ограничение срока службы 25 "урочными" годами, а также освобождение после шести лет действительной службы одного из хозяев неразделенного поместья от последующей службы для "ведения экономии" при условии поставки вместо себя рекрут или денежной компенсации казне[34]. Этот документ, заключавший для дворян возможность на определенных условиях избежать государственной службы шел вразрез с петровской политикой и отразил начало борьбы дворянских идеологов за отмену обязательной службы. Реализация этой идеи в условиях хронического недостатка материальных стимулов для службы и невозможности ее восполнить откупными выплатами краткосрочников была сочтена несвоевременной и опасной для господства самого дворянства. Поэтому она была отвергнута Сенатом на основании следующих аргументов: "Урочных лет определять не

надлежит, для того знатного шляхетства дети, которые за собою деревень, также и пожитку имеют довольное число, никогда волею своею на службу не пойдут, но с охотою давать вместо себя людей и лошадей с убором, а сами будут жить дома во всякой праздности и лености и без всяких добрых наук и обхождения, а которые столько людей и лошадей вместо себя дать не могут, то хотя и будут в службу определяться, то только на 6 лет, а потом, пожелая быть в праздности ж, хотя последние деревни продаст, да заплатит за себя в кирасирский полк 150 рублей; а до тех урочных в службе разве одни такие будут, которые самые убогие, и от той службы откупиться нечем... а ныне из отставленных от воинской службы многие по усмотрениям годные к гражданским делам определяются, а когда ж с вышеписанною за платою от воинской службы отставлено будет, то уже к гражданским делам определить их не можно"[35].

Хотя разработанный воинской комиссией проект решения по вопросу о службе дворян в 1731 г. был отклонен, однако вынужденное идти навстречу дворянским требованиям правительство спустя пять лет ограничивает сроки их службы манифестом от 31 декабря 1736 г. Инициатором его, по сообщению А.В. Романовича-Славатинского, был все тот же Миних.

В новом законе не было текстуальных заимствований из проекта 1731 г., однако в основу манифеста были положены ведущие идеи проекта Воинской комиссии об ограничении срока службы 25 годами (пункт 2 манифеста), об освобождении части дворян от службы "для содержания экономии" (пункт 1), о поставке рекрут вместо тех, которые остаются для ведения хозяйства или выходят в отставку после 25-летней выслуги (пункты 4 и 5). В законе подчеркивалась обязанность всех дворян от 7 до 20 лет "быть в науках" (пункт 2). Обязанность эта распространялась и на тех, кому вверялось ведение экономии. Кроме того, пункт 3 манифеста позволял шляхтичам получить отставки и до урочных лет на основании медицинского свидетельства о нетрудоспособности. Манифест 1736 г. относился не только к военным, но и к чиновникам: "Таким же образом, как выше сего означено, поступать и с штатскими чинами, которые свои деревни имеют" (пункт 6)[36]. В начале 1737 г. появился дополнительный указ, определяющий порядок прохождения смотров недорослями[37].

Применение закона 1736 г. откладывалось до окончания русско-турецкой войны. Но когда в 1739 г. закон вошел в силу, "начали сбываться пророчества Волынского и опасения Сената: более половины офицеров подали в отставку. Молодые дворяне, едва достигшие 30 лет и записанные в полки с 10 или с 12 лет, начали хлопотать об увольнении со службы, между ними были гроша не имеющие, которые предпочитали собственными руками пахать поле, лишь бы не служить в армии"[38].

В феврале 1740 г. Манифест был подтвержден[39] А в апреле Военная коллегия обратилась к императрице с просьбой уточнить некоторые его пункты, "понеже ныне много штаб- и обер-офицеров от полков прибыли сюда к отставке"[40]. Государыня утвердила следующие

основные положения об отставках: "1. Кто из воинских чинов пожелают в домы вовсе за ранами и неисцельными болезнями, которые они получили на службе, а не от своей продерзости и сумасбродства, или за совершенною старостию и дряхлостию, зачем уже более в воинской и статской службе быть не могут, таких, кто 25 лет выслужили, отставлять без взятия рекрут по аттестату генералитета и освидетельствованию членов Военной коллегии; а ежели явятся здоровые или с малым увечьем, которым не токмо в статской, но и в воинской службе можно быть, а рекрут с них не взято, тогда с числа имеющихся за ними душ их собственных и жен их приданых, вместо их рекрут с тех членов Военной коллегии и с обер-секретарей и с секретарей, которые то дело производили, за то, для чего они таких отставили без довольного освидетельствования; 2. А которые офицеры, выслужа 25 лет, станут просить об отставке вовсе, а они здоровы и служить еще могут, с таких рекрут брать, как с их собственных, так и с приданых жен их крестьян; с каждого 100 душ по человеку. 3. С определенных офицеров к статским делам рекрут не имать, ибо они в службе быть имеют, и домашней экономии смотреть не могут. 4. Которые хотя урочных лет и не выслужили и служить еще могут, токмо никого, кроме себя для экономии в домах не имеют, и пожелают получить отставку для оной своей экономии, таких отпускать со взятием же с них рекрут против 2 пункта... 5. При отставке от воинской службы повышать статским чином по одной ранге, дабы чрез то к употреблению в статские чины придать охоту..."[41].

7 августа того же года последовало распоряжение, чтоб отставки утверждались только в Сенате, а в кабинет подавались ежемесячные рапорты с указанием лет службы, деревень и "прочаго" Кроме того предписывалось, "понеже из подданных из Военной коллегии ведомостей усмотрено, что многие из шляхетства считают начало службы своей с малых лет своих, в которых никакой действительной службы показать им было невозможно; и для того те годы... в службу без довольного вернаго освидетельствования зачитать не надлежит; того ради чрез сие всемилостивейше повелеваем, дабы впредь считать каждого службу от 20 лет рождения его"[42]. По указу 22 августа устанавливался порядок рассмотрения прошений: каждый офицер должен был подавать челобитье "вышнему" командиру, а те передавать в вышестоящие инстанции до аншефа, и только аншеф передает прошение в Сенат[43]. Генерал-прокурору князю Н.Ю. Трубецкому было предписано "смотреть накрепко, чтоб вместо немощных здоровые, вместо экономии для одной праздности от службы никто освобожден не был", а также поставлено на вид, что указ 31 декабря 1736 г. касается только тех, "которые в продолжении 25 лет служили верно и порядочно, как верным рабам и честным сынам отечества надлежит, а не таких, которые всякими способами от прямой службы отбывали и время втуне проводить искали" При ведении дел об отставках генерал-прокурор должен был придерживаться шести обязательных "пунктов", которые надлежало "держать в секрете": 1) убедиться в подлинности указанного в документе возраста офицера;

2) следить, чтоб служебный стаж отсчитывался не раньше, чем с 20-летнего возраста, а если вступил в службу позже, "то считать с года вступления в действительную службу"; 3) дознавать, действительно ли соискатель отставки служил в армии и как служил, есть ли веские показания о домашних нуждах; 4) не отставлять тех, кто, числясь в армии, действительную службу не проходил и в "прошедших войнах" не участвовал; 5) тех, кто 25 лет отслужил добросовестно, поощрять к продолжению службы внеочередным повышением в чине на один ранг; 6) "раньше 55 лет от рождения не отставлять тех, которые в военной службе не бывали и в одних статских чинах служили, разве такие явятся, которые никакой службы отправлять будут не в состоянии"[44].

Таким образом, правительство, вынужденное пойти на сокращение срока дворянской службы, не ограничилось компенсацией своей уступки через усиленное противодействие "детским" припискам. Декларированные права были урезаны многочисленными оговорками и дискриминированы жесткими требованиями к их реализации на практике. Манифест 1736 г. оказался в значительной степени призрачной льготой, поскольку само же правительство препятствовало его реализации С.М. Соловьев по этому поводу заметил: " С одной стороны, слышались сильные жалобы, что дворяне, обязанные вечною службою, не могут заниматься устройством своих имений; с другой стороны, недостаток в людях, необходимость для государства поддержать свое значение и выгоды многочисленным регулярным войском не позволяли ему освободить дворян от обязательной службы"[45]. Непоследовательность законодательной политики по сокращению сроков службы подтверждает, что появление манифеста было вынужденной уступкой и свидетельствовало об остроте противоречий между дворянством и монархией по поводу обязательной службы.

Несмотря на противодействие правительства, идея отмены обязательной службы не была забыта. Новый этап ее обсуждения относится к правлению Елизаветы Петровны, при дворе которой в 1750-е гг. работала комиссия по составлению нового Уложения. Двадцать вторая глава его проекта была посвящена дворянству и фактически формулировала основные принципы отмены обязательного характера дворянской службы[46]. Но при дочери Петра они так и не стали реальностью и были воплощены в жизнь лишь ее преемником.

[1] *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 122–123; ПСЗ. Т. 4. № 1811, С. 74–75; № 2098. С. 344–345; № 2107. С. 350–351; № 2111, С. 352; № 2513. С. 823–824; Т. 5. № 2627. С. 3; № 2663. С. 22–23.

[2] ПСЗ. Т. 4. № 1947. С. 227; № 1960. С. 241–242; № 1978. С. 256; № 2023. С. 285; № 2108. С. 351; № 2157. С. 387–388; № 2173. С. 396–397; № 2181. С. 400; № 2257. С. 479; № 2271. С. 493–494; № 2327. С. 643; № 2337. С. 648–649; № 2492. С. 808–809; № 2497. С. 817–818; № 2492. С. 808–809; № 2497. С. 817–818; № 2569. С. 857; Т. 5. № 2625. С. 3; № 2685. С. 35–36; № 2751. С. 74–75; № 2779. С. 86–87; № 2845. С. 125; № 2988. С. 195; Т. 6. № 3803. С. 406–407; № 3897. С. 499–500.

[3] *Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С. 124; ПСЗ. Т. 6. № 3810. С. 411–412; № 3820. С. 431–432; № 3825. С. 434; № 3836. С. 441–442; № 3874. С. 478.

[4] ПСЗ. Т. 6. № 2554. С. 847.

[5] *Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С. 124; ПСЗ. Т. 4. № 2108. С. 351.

[6] ПСЗ. Т. 6. № 3896. С. 497–499; № 3897. С. 499–500.

[7] *Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С. 124; ПСЗ. Т. 4.№ 2319. С. 590–627; № 2391. С. 711.

[8] ПСЗ. Книга штатов. Т. 43, ч. 1. С. 1–7.

[9] *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 229–230.

[10] ПСЗ. Т. 6. № 3890. С. 486–495.

[11] *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 227–228; ПСЗ. Т. 4. № 2100. С. 346; № 2183. С. 400–401.

[12] ПСЗ. Т. 6. № 3656. С. 246–247.

[13] Там же. № 3696. С. 277–278.

[14] Там же. № 3837. С. 442.

[15] Там же. Т. 7. № 4595. С. 368.

[16] Там же. Т. 6. № 3937. С. 540.

[17] Там же. Т. 7. № 4166. С. 23–24.

[18] Там же. № 5016. С. 743–744; № 5017. С. 744–752.

[19] Там же. Т. 8. № 5492. С. 242.

[20] Там же. № 6085. С. 846–847.

[21] Там же. № 5957. С. 630.

[22] Там же. № 6204. С. 937.

[23] Там же. Т. 12. № 8963. С. 139–140.

[24] Там же. Т. 13. № 10056. С. 750.

[25] Там же. Т. 12. № 9552. С. 936–937.

[26] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. X. С. 466–467.

[27] *Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С. 187–192.

[28] ПСЗ. Т. 8. № 5927. С. 609.

[29] Там же.

[30] Там же. № 6949. С. 807–808.

[31] Там же. № 6945. С. 804–805.

[32] Там же. № 6949. С. 807–808.

[33] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. X. С. 467.

[34] "Молодое шляхетство должно служить только урочные годы, по прошествии которых оно может получить увольнение, с повышением одним рангом. Если отец какого-нибудь сына, или неразделенные братья какого-нибудь брата захотят оставить в доме для экономии, то таковые оставляемые должны прослужить шесть, а прочие 25 лет. После этих лет обязательной службы, кто захочет получить абшид, должен представить в кирасирские полки из своих людей и лошадей: кто прослужит 6 лет... одного человека и лошадей не похочет, тот должен заплатить в полковую казну кирасирских полков деньгами 150 рублей. Прослужившие же 25 лет – получают абшид без всякого платежа; а по прослужении 12 лет, если захотят выйти в отставку – дают только одного человека.

Расчисление это сделано на число душ менее 1000, а владеющие тысячей или более должны дать вдвое. Если отец, имеющий несколько сыновей, пожелает отдать в 25-летнюю службу только одного из них, а

других всех в шестилетнюю, то он должен отдать в кирасирские полки за каждого сына по одному человеку и по одной лошади. Буде, по прослужении 6 лет, сыновья захотят служить по 25 лет, то принятых от них людей отпустить в домы, понеже помещики их будут в долговременной службе сами. Когда же какой-нибудь шляхтич пожелает, чтобы дети его были свободны от всех служб и от урочных лет, то он должен вместо каждого сына отдать в кирасирские полки по 3 человека, с соответственным числом лошадей" (*Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С. 194–195).

[35] Там же. С. 195.

[36] ПСЗ. Т. 9. № 7142. С. 1022.

[37] Там же. Т. 10. № 7771. С. 43–45.

[38] *Романович-Славатинский А.В.* Указ. соч. С. 196.

[39] ПСЗ. Т. 11. № 8021. С. 34.

[40] Там же. № 8081. С. 93–94.

[41] Там же. С. 93–96.

[42] Там же. № 8195. С. 209.

[43] Там же. № 8208. С. 221–222.

[44] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. X. С. 470–471.

[45] Там же. Кн. XIII. С. 14.

[46] *Рубинштейн Н.Л.* Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения "О состоянии подданных вообще" // Исторические записки. М., 1951. Т. 38. С. 250.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРАКТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА К ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ И СЕРЕДИНЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В 1720–1750-х ГОДАХ

Процессы, вызванные к жизни введением в практику дворянской службы Манифеста 18 февраля 1762 г., не могут быть поняты и оценены без предварительной характеристики существенных социальных качеств российского дворянства и типичных черт его служебной практики (профессионального и карьерного роста и условий службы) в 1720–1750-х гг. Наиболее важными социальными качествами, определявшими реалии служебной практики "благородных", являются, по нашему мнению, их социальное происхождение, имущественное положение и образование.

Социальное происхождение отставных

Одним из существенных факторов, определявших успешную карьеру дворянина, было его социальное происхождение. В ходе изучения материалов текущего учета дворянской службы за 1762–1771 гг. нами выявлены массовые данные о социальном происхождении отставных, позволяющие увидеть некоторый итог политики социального обновления дворянства за 1720–1760-е гг. Они сгруппированы в приводимой ниже таблице 2, которая содержит сведения о трех категориях отставных: военных, уволенных на свое пропитание; отставных военных, перешедших на службу в управленческий аппарат и отставных чиновниках. Эти материалы достойны внимания прежде всего потому, что такое важное качество российского дворянства, как социальное происхождение в эпоху становления абсолютной монархии в XVIII столетии практически не изучено. Хотя в труде С.М. Троицкого собраны исключительно ценные сведения о социальном происхождении чиновников-дворян и некоторых групп офицерства[1], но они не могут быть распространены на дворянство в целом.

Как известно, в интересующий нас период в России не проводились переписи всего населения, а призванная вести учет "дворянских кадров" Герольдмейстерская контора не справилась с задачей составления сводных данных о дворянстве[2]. Поэтому в распоряжении историков нет целостного источника, позволяющего изучать динамику различных социальных качеств господствующего класса, и в том числе его соци-

Таблица 2. Социальное происхождение дворян, вышедших в отставку (1762–1771 гг.)*

Группа отставных	Титулованная знать	Потомственное дворянство	Выходцы из непривилегированных слоев	Нет данных	Всего
I					
Военные	150	5001	429	262	5842
%	2,6	85,6	7,3	4,5	100
II					
Переведены к статским делам	12	477	130	69	688
%	1,8	69,3	18,9	10	100
III					
Чиновники	16	336	64	145	561
%	2,8	59,9	11,4	25,9	100
IV					
Итого	178	5814	623	476	7091
%	2,5	82	8,8	6,7	100

* См. ниже, Прил. IV–VI, а также: *Фаизова И.В.* Материалы Герольдмейстерской конторы как источник по истории российского дворянства XVIII столетия. Саратов, 1990.

ального происхождения и национального состава. Восполнить этот пробел в некоторой степени позволяют материалы текущего учета дворянской службы. Они составлялись вне зависимости от воли герольдмейстера и без воздействия чрезвычайных указов, а лишь по мере поступления челобитных и представляют собой, следовательно, случайную, или естественную выборку. Если иметь в виду, что на 1858 г. численность дворянства оценивается в 900 тыс. человек[3], в первой же половине XVIII столетия предположительно – в несколько сотен тысяч, т.е., допустим, в два раза меньше, а сведения о вышедших в отставку за 1762–1771 гг. охватывают около 7 тыс. дворян, то имеющаяся в нашем распоряжении выборка составляет примерно 1,5%. Это вполне удовлетворяет условиям, необходимым для уверенного распространения выводов на все дворянство.

Социальная структура российского дворянства с начала XVIII столетия формировалась под воздействием принципов, заложенных петровскими преобразованиями и обобщенных в Табели о рангах. Введя иерархию чинов, основанную не на знатности происхождения, а на личной выслуге, заслугах и знаниях, они уравняли представителей различных категорий господствующего класса перед абсолютным монархом и создали условия для привлечения в его ряды выходцев из других сосло-



И.П. Аргунов.
Портрет императрицы
Елизаветы Петровны. 1760-е гг.



К.И. Головачевский.
Портрет великого князя
Петра Федоровича (Петра III) 1758 г.

вий. В дальнейшем это сыграло важную, если не определяющую, роль в процессе формирования аппарата управления, тесно связанного с интересами класса феодалов, с одной стороны, и в значительной степени зависевшего от государственного жалованья – с другой, который обеспечил постоянное усиление относительной независимости и самостоятельности верховной власти и живучесть феодализма и его институтов в России.

Имеющиеся в нашем распоряжении статистические данные дают некоторое представление о социальных корнях служащих представителей привилегированного сословия в 50–60-е годы XVIII столетия. В приводимой ниже таблице 2 объединены сведения о социальном происхождении дворян, уволенных в полную отставку или переведенных в управленческий аппарат в 1762–1771 гг.[4]

Материалы таблицы отражают сведения о 7091 дворянине. Происхождение 476 отставных установить не удалось. Среди остальных 6615 человек – 5992 (88%) принадлежали к потомственному дворянству. Среди общего числа 6199 отставных военных (группы I + II) 5478 (88,4%) принадлежали к потомственному дворянству. Причем среди уволенных в полную отставку они составили 90,6%, среди переведенных к статским делам – 78,1%, а в группе отставных чиновников – 81% (см. табл. 3, без учета группы "нет данных").

Титулованная знать в совокупном числе отставных составляла 2,6%, среди отставных чиновников – 3,8%, а у военнослужащих – 2,6%,

в общем числе, 2,7% в группе отставленных на свое пропитание и 1,9% – среди переведенных в управленческий аппарат.



Неизвестный художник XVIII в.
Портрет великой княгини
Екатерины Алексеевны

Выходцы из непривилегированных слоев среди совокупного числа отставных составили 623 человека (9,4%), среди отставных чиновников – 64 (15,4%), а среди отставных военных – 559 человек (9,0%). Причем среди уволившихся в полную отставку их доля оказалась всего лишь 7,7% (429 человек), а среди переведенных в управленческий аппарат – 21% (130 человек).

Примерно те же тенденции прослеживаются и на материале 1750-х гг. (см. прил. I и II).

Приведенные сведения позволяют заключить, что за пятьдесят лет действия Табели о рангах состав российского дворянства обновился за счет выходцев из непривилегированных слоев примерно на 9%, причем значительная часть новых дворян влилась в ряды бюрократии.

Социальная эволюция дворянства, активно проходившая на протяжении 1720–1760-х гг. отразилась и на процессе имущественной дифференциации привилегированного сословия.

Углубление имущественной дифференциации дворянства в 1720–1770-х годах

Другим фактором, оказывавшим действенное влияние на служебные реалии дворянства, было их имущественное положение. Материалы ревизий свидетельствуют об углублении имущественных различий между категориями дворянства в 1720–1770-е гг. По данным Н.М. Шепуковой, в 20-е годы помещики, владевшие менее 20 душами м.п. составляли 59,5% всех душевладельцев, имевшие от 21 до 100 душ м.п. – 31,8%, а среднепоместные и крупнопоместные вместе – 8,7%[5]. Спустя пятьдесят лет дворяне, владевшие менее 20 душами м.п. составляли, по подсчетам В.И. Семевского, 59% от общего числа. При этом на долю имевших менее 10 ревизских душ приходилось 32%, а владельцы 11–20 душ м.п. составляли 27%. Дворяне, за которыми числилось от 21 до 100 душ м.п. составляли 25% общего числа, а

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ ПЕТРЪ ТРЕТІИ

ИМПЕРАТОРЪ, И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

И прочая. И прочая. И прочая.

Въ безсмертной славы, премудрый Монархъ, любезный Государь, Дѣдъ Нашъ ПЕТРЪ Великій и Императоръ Всероссійскій, какую тягость и колико труды принужденъ былъ снести единственно, для благополучія и пользы отечества своего, выводя Россію въ совершенное познаніе, какъ военныхъ, гражданскихъ, такъ и политическихъ дѣлъ; тому не только вся Европа, но и большая часть свѣта неоспоримая свидѣтель.

Но какъ въ возстановленіи сего нужно было, во первыхъ, яко главный въ государствѣ членъ благородное Дворянство пріучить и показать, сколь есть велики преимущества Цивилизованныхъ державъ во благоденствіи рода человѣческаго, противъ безчисленныхъ народовъ погруженныхъ во глубинѣ невѣжества; то по сему въ тогдашнее время самая крайность настояла Россійскому Дворянству, оказывая отличные свои въ немъ знаки милосердія, побуждать вступать въ военные и гражданскіе службы; и сверхъ того обучать благородное юношество не только разнымъ свободнымъ наукамъ, но и многимъ полезнымъ художествамъ, посылая оныхъ въ Европейскія государства; и для того самаго учредить, внутрь Россіи разныя училища, дабы съ наивящшимъ поспѣшествомъ достигнуть желаемаго плода.

Правда, что таковыя учрежденія хотя въ началѣ частію казались тягостными и несносными для Дворянства лишающагося покоя, удаляющагося домовъ, продолжать принуждено было свои службы военную и другія службы, и дѣтей своихъ по онымъ записывать, отъ которыхъ нѣкоторые уклонялись, подвергая себя за то не только штрафамъ, но и лишались имѣнія своего, какъ не радѣвшіе о своемъ и потомковъ своихъ добрѣ.

Упомянутыя установленія хотя въ началѣ нѣсколько и съ принужденіемъ сопряжено было, но весьма полезные послѣдовали всѣ со времени ПЕТРА Великаго владѣющіе Россійскимъ Престоломъ, а особливо любезная Наша Тетка блаженныя памяти Государыня Императрица ЕЛИСАВЕТЪ Петровна, подражая дѣламъ Государя родителя своего, вящше политическихъ дѣлъ и разныя науки распространила и умножила подъ своимъ покровительствомъ во Россійской державѣ. И такимъ образомъ отъ всего того произошло, Мы со удовольствіемъ Нашимъ видимъ, и всякъ истинный сынъ отечества своего признать долженъ, что послѣдовали отъ того неисчетныя пользы, истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, полезное знаніе и прилѣжность къ службѣ умножило въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ Генераловъ, въ Гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставило свѣдущихъ и годныхъ людей къ дѣлу, однимъ словомъ заключить, благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ, безпредѣльную къ Намъ вѣрность и любовь, великое усердіе и отмѣнную къ службѣ Нашей ревность, а по тому и не находимъ Мы той необходимости въ принужденіи къ службѣ, какая до сего времени потребна была.

И тако Мы въ разсужденіи упомянутыхъ обстоятельствъ, по данной Намъ отъ Всевышняго власти, изъ Высочайшей Нашей Императорской милости, отъ нынѣ впредь на вѣчныя времена, и въ потомственные роды жалуемъ всему Россійскому благородному Дворянству вольность и свободу, кои могутъ службу продолжать, какъ въ Нашей Имперіи, такъ и въ прочихъ Европейскихъ союзныхъ Намъ державахъ, на основаніи слѣдующаго узаконенія.

(1е.) Всѣ находящіеся въ разныхъ Нашихъ службахъ Дворяне могутъ оную продолжать, сколь долго пожелаютъ, и ихъ состояніе имъ дозволитъ; однакожъ военные ни во время кампаніи, ниже предъ начатіемъ оной за три мѣсяца, о увольненіи изъ службы или абшида просить да не дерзаютъ; но по окончаніи какъ внутрь такъ и внѣ государства состоящіе въ военной службѣ могутъ просить у командующихъ надъ ними о увольненіи изъ службы или отставки, и ожидать резолюціи: состоящіе во всякихъ Нашихъ службахъ, въ первыхъ осми классахъ отъ Нашей всемилостивѣйшей конфирмаціи, а прочіе чины получаютъ опредѣленіе по департаментамъ, до которыхъ оные принадлежатъ.

(2е.) Всѣхъ служащихъ Дворянъ за добропорядочную и безпорочную Намъ службу награждать при отставкѣ по одному рангу, естьли въ прежнемъ чинѣ, съ которымъ въ отставку идетъ, болѣе года состоялъ, и то только тѣхъ, кои отъ всѣхъ дѣлъ увольненія просить будутъ; а кои изъ военной въ статскую службу пожелаютъ вступить, и ваканціи будутъ: то и таковыхъ по разсмотрѣнію опредѣлять награжденіемъ чиномъ, естьли три года въ одномъ рангѣ состоялъ, [illegible], съ получаемымъ жалованьемъ въ статской или другой какой Нашей службѣ.

(3е.) Кто жъ будучи въ отставкѣ [illegible] или послѣ военной находится въ статской и другихъ Нашихъ службахъ, пожелаетъ паки вступить въ военную службу, таковые приняты будутъ, естьли они въ тому достоинствы окажутся, въ какомъ чинѣ, въ каковомъ они состоятъ, съ предъявленіемъ военныхъ чиновъ, но старшинствомъ надлежащимъ предъ всѣми тѣми, кои съ ними, когда они изъ военной службы уволены, въ одинакихъ рангахъ состояли; остальнымъ же такимъ кто уже пожалованы будутъ, то нынѣшнихъ и опредѣляющихся въ военную службу старшинство получать съ того дня, какъ опредѣлятся; сіе для того постановляется, дабы служащіе нерадѣ несложившіе выгоду и пользу имѣли, равно съ образомъ кто будучи и отъ статской службы отставленъ, и потомъ по отставкѣ пожелаетъ вступить въ статскую и другія службы, кромѣ военной, а по его годности принятъ будетъ можно, то поступать по сему жъ артикулу, выключая одно перемѣненіе.

(4е.) Кто жъ будучи уволенъ изъ Нашей службы пожелаетъ отъѣхать въ другія Европейскія государства, таковымъ давать Нашей Иностранной Коллегіи надлежащіе паспорты безпрепятственно съ таковымъ обязательствомъ, что когда нужда востребуетъ, тогда находящіеся Дворяне внѣ государства Нашего явились въ свое отечество, когда только о томъ учинено будетъ надлежащее обнародованіе; то всякой въ такомъ случаѣ повиненъ со всевозможною скоростію волю Нашу исполнить, подъ штрафомъ секвестра его имѣнія.

(5е.) Продолжающіе службу, кромѣ Нашей у прочихъ Европейскихъ Государей Россійскіе Дворяне, могутъ возвратясь во отечество свое по желанію и способности вступать на ваканціи въ Нашу службу; находившіеся въ службахъ Коронованныхъ главъ таковыми же чинами, на которыя отпуски объявятъ, а служившіе у протчихъ владѣтелей съ пониженіемъ чиновъ, какъ о томъ прежнее узаконеніе установлено, и по которому нынѣ исполняется.

(6е.) А какъ по сему Нашему Всемилостивѣйшему установленію никто уже изъ Дворянъ Россійскихъ невольно службу продолжать не будетъ, ниже къ какимъ либо земскимъ дѣламъ отъ Нашихъ учрежденныхъ правительствъ употребятся, развѣ особливая надобность востребуетъ, но то не иначе кого, какъ за подписаніемъ Нашей собственной руки именнымъ указомъ повелѣно будетъ; такъ и Сенатское шляхетство напротиву того въ Петербургѣ и въ Москвѣ опредѣлено указомъ еще Государя Императора ПЕТРА Перваго при Сенатѣ, и оного Конторѣ по нѣсколько человѣкъ изъ отставныхъ Дворянъ для всякихъ случающихся надобностей. То Мы Высочайше повелѣваемъ отъ нынѣ впредь всегда погодно съ перемѣною быть при Сенатѣ по тридцати, а при Конторѣ онаго по двадцати человѣкъ, для чего Герольдіи слѣдуетъ по препорціи живущихъ въ губерніяхъ, а не въ службахъ находящихся Дворянъ и нарядъ чинить одинокимъ неимѣющимъ ни кого по имѣнію, но самимъ Дворянамъ въ Губерніяхъ и провинціяхъ имѣть собою выборы чинить, съ воли только кто выбранъ будетъ, въ канцеляріяхъ, дабы оныя могли о томъ въ Герольдію репортовать, а выбраннымъ высылку учинить.

(7е.) Хотя симъ Нашимъ всемилостивѣйшимъ узаконеніемъ всѣ благородные Россійскіе Дворяне, исключая одноднорцевъ на всегда вольностію пользоваться будутъ; но Наше въ нихъ отеческое попеченіе еще далѣе простирается и о малолѣтныхъ ихъ дѣтяхъ, коихъ отъ нынѣ повелѣваемъ для единственнаго только свѣдѣнія объявлять въ двѣнадцать лѣтъ отъ рожденія ихъ въ Герольдіи, въ Губерніяхъ, провинціяхъ и городахъ, гдѣ кому выгоднѣе и способнѣе, при чемъ отъ родителей или отъ сродниковъ ихъ увѣдомить, чему оные въ семъ время научены, чему до двенадцатилѣтняго возраста обучены, и гдѣ далѣе науки продолжать желаютъ, внутрь Нашего государства въ учрежденныхъ на основаніи [illegible] училищахъ, или въ прочихъ Европейскихъ державахъ, или въ домахъ своихъ чрезъ искусныхъ учителей, буде достаточное имѣніе родителямъ то дѣлать дозволяетъ; однакожъ чтобъ ни кто недерзалъ безъ обученія пристойныхъ благородному Дворянству наукъ дѣтей своихъ воспитывать подъ тяжкимъ Нашимъ гнѣвомъ; того для повелѣваемъ всѣмъ тѣмъ Дворянамъ, за коими не болѣе тысячи душъ крестьянъ, объявлять дѣтей своихъ прямо въ Нашемъ шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, гдѣ оные во всемъ томъ, что къ знанію благороднаго Дворянства принадлежитъ съ наиприлѣжнѣйшимъ раченіемъ обучены будутъ; а по наученіи всякій по его достоинству съ награжденіемъ чиновъ выпустится, и потомъ можетъ всякой вступить и продолжать службу по вышеупомянутому.

(8е.) Находящихся же нынѣ въ Нашей военной службѣ Дворянъ, въ солдатахъ и въ прочихъ нижнихъ чинахъ нежели Оберъ-Офицеры, кои не дослужились Офицерства, не отставлять, развѣ кто болѣе двенадцати лѣтъ военную службу продолжалъ, то таковые получатъ увольненіе отъ службы.

(9е.) Но какъ Мы сіе Наше всемилостивѣйшее учрежденіе всему благородному Дворянству, на вѣчныя времена фундаментальнымъ и непремѣннымъ правиломъ узаконяемъ; то въ заключеніе сего Мы Нашимъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Словомъ наиторжественнѣйшимъ образомъ утверждаемъ, навсегда сіе свято и ненарушимо содержать въ постановленной силѣ и преимуществахъ, и кто послѣдующіе по Насъ законные Наши Наслѣдники въ отмѣну сего въ чемъ-либо поступить не могутъ, ибо сохраненіе сего Нашего узаконенія будетъ имъ непоколебимымъ утвержденіемъ Самодержавнаго Всероссійскаго Престола; напротивъ того Мы надѣемся, что все благородное Россійское Дворянство, чувствуя толикія Наши къ нимъ и потомкамъ ихъ щедроты, по своей къ Намъ всеподданнической вѣрности и усердію побуждены будутъ не удаляться, ниже укрываться отъ службы, но съ ревностію и желаніемъ въ оную вступать, и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную по крайней возможности продолжать, не меньше и дѣтей своихъ съ прилѣжностію и раченіемъ обучать благопристойнымъ наукамъ, ибо всѣ тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли, но только какъ сами въ лѣности и праздности все время препровождать будутъ, такъ и дѣтей своихъ въ пользу отечества своего ни въ какія полезныя науки не употреблять, тѣхъ Мы яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ презирать и уничтожить, всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже ко Двору Нашему пріѣздъ, или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ. Данъ въ Санктпетербургѣ Февраля 18 дня 1762 года.

Подлинной подписанъ собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою, тако: ПЕТРЪ.



Контрасигнировалъ Генералъ-Прокуроръ Александръ Глѣбовъ.

Печатанъ въ Санктпетербургѣ при Сенатѣ. Февраля 20 дня 1762 года.

Манифест о вольности дворянства.
Типографский оттиск. 1762 г.

среднепоместные и крупнопоместные вместе – 16%[6]. Иными словами, за пятьдесят лет почти в два раза увеличилось число средних и крупных помещиков и на 6,8% сократилась доля мелкопоместных владельцев 21–100 ревизских душ. На протяжении первой половины XVIII в. появляется и расширяется категория бескрестьянских землевладельцев, а также безземельных дворян. Тип безземельного дворянина, лишенного недвижимой собственности, возникает в ходе реализации указа о единонаследии и внедрения в практику Табели о рангах, допускавшей проникновение разночинцев в ряды дворянства[7] При изучении биографий офицеров полевой армии М.Д. Рабиновичу удалось установить, что уже в начале 1720-х годов беспоместные и бескрестьянные офицеры составляли 53,5% командного состава русской армии[8]. После отмены в 1730 г. ограничительных статей указа о единонаследии ускорился процесс дробления, а в конечном счете, обезземеливания мелкопоместных дворян[9], пополнявших ряды бескрестьянных и безземельных своих собратьев. Материалы Герольдмейстерской конторы и законодательные акты за 1750–1760-е гг. содержат многочисленные сведения о нищих дворянах, которые бродяжничали, "скитались меж двор" в поисках пропитания, кормились "мирским подаянием", переходили от монастыря к монастырю в надежде обрести пристанище.

Углубление имущественной дифференциации нашло отражение не только в поляризации дворянства и численном увеличении, с одной стороны, наиболее богатых, с другой – неимущих и бескрестьянных дворян, но и в усилении различий между отдельными категориями дворян одной группы. С этой точки зрения весьма существенным представляется решение вопроса о группировках помещиков. В исторической литературе этот вопрос рассматривается не в свете углубления имущественной дифференциации, а в несколько формальной плоскости – с точки зрения принципов классификации. Существующие группировки основаны как на подводной, так и на подушной системах налогообложения. В подворной группировке, предложенной Е.Н. Кушевой, выделены три группы помещиков: мелкопоместные с числом дворов от нескольких до нескольких десятков; среднепоместные, владевшие от нескольких десятков до 100 дворов, и крупнопоместные с числом дворов от 100 до 500 (первая подгруппа), от 500 до 1000 дворов (вторая подгруппа) и больше 1000 дворов (третья подгруппа)[10]. С этой группировкой совершенно не сопоставимы подушные классификации. Одним из первых такую классификацию предложил В.И. Семевский. Он отнес "к мелкопоместным владельцам всех, имевших менее 20 душ, к средним – владевших 20–100 душами и к крупным – более 100 душ"[11]. В советской историографии система В.И. Семевского нашла отражение в работе Ю.Я. Когана[12]. Иную группировку предложила Н.М. Шепукова, отнесшая к мелкопоместным дворянам владельцев 1–100 душ м.п. с выделением двух подгрупп от 1 до 20 душ м.п. и от 20 до 100 душ м.п.; к среднепоместным – от 100 до 500 душ м.п. и к крупнопоместным – более 500 душ м.п. с подгруппами от 500 до 1000 душ м.п. и больше 1000 душ м.п.[13] Как видим, предлагаемые классификации мало связаны между собой. Хотя последняя из них представляется

наиболее разработанной, однако и она не учитывает фактически существовавшую степень дробности категорий мелких помещиков по размерам душевладения.

Неправомерность объединения в одной подгруппе мелких помещиков, владельцев 21–100 ревизских душ, подтверждается законодательными актами и мемуаристами. Например, в указе 1740 г. предписывалось требовать рекрута с увольняемого в отставку дворянина, если последний имел от 70 до 100 ревизских душ, если же он имел от 50 до 70 ревизских душ, то разрешалось заменять рекрута деньгами в размере 30 рублей, а при количестве от 30 до 50 душ – 20 рублями[14]. Четко прослеживается в законодательстве и граница, отделявшая, по представлениям современников, состоятельных помещиков от неимущих. Она составляла 20 душ м.п. и учитывалась при распределении недорослей на службу[15]. После отмены обязательной службы она нередко являлась препятствием для свободного выхода в отставку[16]. Статистические выкладки В.И. Семевского и архивные данные позволяют также выделить в самостоятельную категорию и владельцев 1–10 ревизских душ.

Учитывая все вышесказанное, мы выделяем в составе российского дворянства XVIII в. две категории бескрестьянных дворян (не имеющие ни крестьян, ни земли и имеющие только поместную землю), шесть категорий мелких помещиков (1–10, 11–20, 21–30, 31–50, 51–69 и 70–100 душ м.п.), группу средних помещиков (101–500 душ м.п.) и две категории крупных (501–1000 и более 1000 душ м.п.). Эти классификации используются в работе как основные критерии для сопоставления служебных реалий до и после "освобождения" Однако для облегчения математико-статистического анализа три группы мелких помещиков условно рассматриваются как одна "21–69 душ м.п."

Как видим, ведущей тенденцией эволюции имущественного состояния российского дворянства в первой половине и середине XVIII столетия был быстрый процесс измельчания поместий и обнищания господствующего сословия, что находило непосредственное отражение на особенностях его службы.

Имущественный статус в преобладающем большинстве случаев определял и уровень образования дворян.

Образование дворян

С начала XVIII столетия положение дворянина и успех его карьеры стали во многом зависеть от уровня полученного образования. Привлекавшиеся до настоящего времени для изучения этого вопроса источники позволяли говорить лишь о постановке сословного образования в XVIII в. и дают самое общее представление об образовании различных категорий привилегированного сословия. Материалы Герольдмейстерской конторы содержат уникальные массовые сведения об образовании дворянства. Как отмечалось выше, за 1760-е гг. они имеются в среднем в 12% дел и, представляя собой естественную выборку, позволяют судить об уровне образования как дворянства в целом, так и его

Таблица 3. Соотношение имущественного положения и уровня образования отставных военны
(1762–1771 гг.)*

Имущественная группа									
Нет данных	Бескрестьянные	Владельцы поместной земли	Владельцы ревизских душ						
			1–10	11–20	21–69	70–100	101–500	501–1000	б 1
12	7	4	17	12	4	1			
7	9,7	25	20,2	6,7	3,1	2			
87	43	11	55	38	66	12	11	2	
50	59,7	68,8	65,5	52,8	52	24,5	13,8	15,4	2
29	9	1	4	13	21	9	14	2	
16,6	12,5	6,2	4,8	18	16,5	18,4	17,5	15,4	
46	13		8	9	36	27	55	9	
26,4	18,1		9,5	12,5	28,3	55,1	68,7	69,2	7
174	72	16	84	72	127	49	80	13	
100	100	100	100	100	100	100	100	100	1

Оп. 14. Кн. 505–508, 513–516, 520–522, 526–530, 534, 535, 540–542, 546, 550–552, 557, 558, 562, 567.

отдельных групп. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы сгруппированы в таблице 3.

Данные таблицы показывают, что в 1760-е гг. примерно 8% отставных дворян были неграмотными, около половины (47,2%) получили начальное образование, то есть "читать и писать умели и арифметику знали", около 15% окончили специализированные средние учебные заведения и третья часть прошла подготовку в кадетских корпусах. Очевидно, в масштабе всего дворянства уровень образования был значительно ниже. Это подтверждает проведенный Р. Джонсом анализ депутатских наказов в екатерининскую комиссию по составлению Нового уложения. По подсчетам ученого, общее число неграмотных составляло 160 из 951, или 1 из 6, то есть 16%, а по отдельным уездам – выше 50%[17].

Мемуаристы также подтверждают, что значительная часть дворянства и в армии, и в гвардейских полках была не просто мало образована, но едва владела азами грамоты как в 30–40-е, так и в 60–70-е годы XVIII в.[18] "Смотря на бедняков и мизерных, составляющих две трети благородного сословия, весьма ясно видел изо всех их приемов поступков и речей, что они были сущие мужики; приближаясь иногда к достаточнейшим, я примечал, что большая часть и от них, даже воспитанные иностранцами, весьма ограничены в званиях... Жившее же в деревнях дворянство, по грубости своей и бедности редко даже бывавшее в своих уездных городах, с нуждою наученное читать и писать, не справедливо ли я назвал чернью?"[19]

Материалы Герольдмейстерской конторы позволяют существенно углубить и уточнить картину, намеченную современниками, поскольку делают возможным выявление зависимости уровня образования от имущественного положения дворян. Как видно из таблицы 3, наибольшая доля неграмотных отмечается в группе владельцев поместной земли и в двух беднейших подгруппах мелких помещиков; малограмотных – в группах бескрестьянных дворян, владельцев поместной земли, а также в трех подгруппах мелких помещиков. Среди лиц, получивших высшее образование, напротив, около половины (42%) составили средние и крупные помещики, доля которых в составе дворянства в это время равнялась примерно 15% (соотношение долей – 2,8:1); 39% – мелкопоместные владельцы 21–100 ревизских душ, их удельный вес в составе дворянства в конце 1760-х гг. насчитывал около 26% (соотношение долей – 1,5:1); и лишь 11% – мелкопоместные владельцы 1–20 душ м.п., составлявшие 59,1% всех помещиков (соотношение долей – 0,19:1). Таким образом, средние и крупные помещики получали высшее образование примерно в два раза чаще, чем владельцы 21–100 душ м.п. и в 15 раз чаще владельцев 1–20 ревизских душ.

Причем, если в группах мелких помещиков доля неграмотных последовательно сокращается по мере увеличения размеров душевладения (слева направо) с 25 до 2%, а процент имевших высшее образование с той же последовательностью увеличивается с 9,5 до 55, то в группах средних и крупных помещиков наблюдается иная картина: неграмотные не зафиксированы вовсе, а доля получивших высшее

образование колеблется на уровне 68–75%. Наличие связи между этими признаками подтверждает и математическая обработка с помощью критерия "хи-квадрат" Его полученное значение при 1%-м уровне существенности и 12 степенях свободы значительно превышает максимальное значение в таблицах нормального распределения вероятностей[20].

Детерминированность образовательного уровня имущественным положением при громадном преобладании беднейших слоев в составе дворянства объясняет, почему и к началу XIX в. низкий уровень образования был характерной чертой российского дворянства, о чем в 1801 г. на заседании секретного комитета сообщал граф Строганов: "Дворянство составилось у нас из множества людей, сделавшихся дворянами только службою, не получивших никакого воспитания... Это сословие самое невежественное, самое ничтожное и... наиболее тупое... Большая часть дворянства, состоящего на службе... ищет в исполнении распоряжений правительства свои личные выгоды и очень часто служит плутуя"[21].

РЕАЛИИ СЛУЖЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВОЕННЫХ

Порядок определения на службу

Имущественный статус не только обеспечивал привилегии при получении образования, но также определял характер и условия службы. Мельчайшим помещикам, за которыми числилось не больше 20 душ, надлежало нести воинскую службу в провинциях, в то время, как более обеспеченные дворяне имели преимущественное право устраивать своих сыновей в привилегированные гвардейские полки, охранявшие императорский двор, а также зачислять в престижные статские ведомства. Указ 1737 г. предлагал на службу в Сенат определять дворян, имевших свыше 100 душ, в коллегии и канцелярии – имевших от 25 до 100 душ, "дабы они могли не только жалованьем, но и собственными средствами содержать себя честно, чисто и неубого"[22]. Ряд постановлений 1730-х гг. прямо предписывал определять дворян, за которыми меньше 20 душ, в армейские и гарнизонные полки, а в гвардию не распределять и в Петербург на смотры не присылать[23]. Таким образом, менее обеспеченная часть провинциального дворянства просто исключалась из источников пополнения гвардии[24] и столичных учреждений. И хотя указом от 21 марта 1741 г. ограничения в приеме в гвардию мёлких помещиков были отменены, а единственным критерием отбора дворянских недорослей в привилегированные полки стали признаваться внешние данные[25], однако на практике преимущественное положение более обеспеченных продолжало сохраняться.

Такое положение вещей было санкционировано общественным мнением, и многие считали его само собой разумеющимся. В этой связи примечательно высказыванье Г.С. Винского: "У нас людей со сведениями весьма немного тогда было, потому что одни лучшие и достойней-

Таблица 4. Привилегии по характеру службы различных имущественных групп дворян, вышедших в отставку (1762–1771 гг.)*

Имущественная группа									
Нет данных	Бескрестьянные	Владельцы поместной земли	Владельцы ревизских душ						
			1–10	11–20	21–69	70–100	101–500	501–1000	6 1
21				1	1	1	1	1	
1,4				0,1	0,07	0,3	0,2	2,4	
319	45	7	40	40	92	19	56	5	
21,6	9,6	7,9	5,2	5,3	6,7	6	12,3	12,2	
47	14	1	12	8	24	11	19	4	
3,2	3,0	1,1	1,6	1,1	1,7	3,4	4,2	9,8	
387	59	8	52	49	117	31	76	10	
26,2	12,6	9	6,8	6,5	8,5	9,7	16,7	24,4	
1476	467	89	767	754	1382	319	454	41	
100	100	100	100	100	100	100	100	100	1

. Оп. 14. Кн. 505–508, 513–516, 520–522, 526–530, 534, 535, 540–542, 546, 550–552, 557, 558, 562, 567.

5. Удельный вес дворян из числа отставных военных, имевших привилегии по характеру службь
образования (1762–1771 гг.)*

Имущественная группа									
Нет данных	Бескре-стьянные	Владель-цы по-местной земли	Владельцы ревизских душ						
			1–10	11–20	21–69	70–100	101–500	501–1000	б 1
387	59	8	52	49	117	31	76	10	
26,2	12,6	9,0	6,8	6,5	8,5	9,7	16,7	24,4	
75	22	1	12	22	57	36	69	11	
5,1	4,7	1,1	1,6	2,9	4,1	11,3	15,2	26,8	
462	81	9	64	71	174	67	145	21	
31,3	17,3	10,1	8,3	9,4	12,6	21,0	31,9	51,2	
1476	467	89	767	754	1382	319	454	41	
100	100	100	100	100	100	100	100	100	1

. Оп. 14. Кн. 505–508, 513–516, 520–522, 526–530, 534, 535, 540–542, 546, 550–552, 557, 558, 562, 567.

шие домы чрез воспитание доставляли знания, что из сих домов наполнялись двор, гвардия и важнейшие места в столицах, и что в губерниях таковых особ было весьма мало"[26].

Статистика подтверждает наблюдение мемуариста, но дает более точное представление о служебных реалиях. Таблица 4 характеризует удельный вес лиц, служивших в привилегированных полках или на адъютантских должностях среди различных имущественных групп военнослужащих, вышедших в отставку в 1762–1771 гг.

Данные таблицы показывают последовательное увеличение удельного веса дворян, служивших в привилегированных условиях по мере увеличения размеров душевладения.

Еще более выразительную картину дает суммирование данных о привилегиях по уровню образования и роду службы, обобщенных в таблице 5.

Приведенные материалы позволяют говорить о наличии устойчивой тенденции в распределении служебных привилегий в пользу наиболее обеспеченных слоев дворянства. В группах помещиков доля лиц, имевших преимущества по службе, последовательно увеличивается, достигая максимума в группах средних и крупных душевладельцев.

Усиление роли имущественного ценза на протяжении 1720–1730-х гг. при комплектовании гвардии показывают и сведения, приводимые Ю.Н. Смирновым об имущественном составе гвардейцев Семеновского полка в 1724 г. и Преображенского – в 1740 г.[27]

Иными словами, в среде средних и крупных помещиков от одной трети до половины всех, поступавших в воинскую службу, имели основания рассчитывать на особые условия при прохождении службы. Те же данные дают основание выделить в группах мелких помещиков владельцев 70–100 душ, из которых примерно пятая часть фактически пользовалась аналогичными преимуществами.

Практика чинопроизводства

Дворяне различных имущественных групп имели неодинаковые возможности и при продвижении по службе. Иерархия чинов российского дворянства и основные правила чинопроизводства, действовавшие в середине и второй половине XVIII столетия регламентировались Табелью о рангах, в которой военные, гражданские и придворные должности (чины) были распределены по 14 классам, охватывавшим строго определенный перечень чинов. Ведущим принципом продвижения по службе считалась выслуга и исправное несение службы, но количество лет, необходимое для получения следующего чина, не было определено. Поэтому на практике придерживались принципа "старшинства": в следующий чин при наличии вакансии после истечения установленного традицией срока переводился тот, кто имел наибольший стаж пребывания в предшествующем чине. В то же время законодательство ставило карьеру в зависимость от имущественного положения. Например, указ от 15 декабря 1738 г. рекомендовал "таким произвождение в гвардии чинить, которые весьма в гвардии быть достойны, и чтоб





Неизвестный художник. Бомбардир артиллерийского полка. 1731 г.
Фузелеры артиллерийского полка. 1731 г.

достаток имели, чем себя, будучи в гвардии, чисто содержать; а с прочими надлежит так поступать, кто не весьма в гвардии быть способен, тех представлять в выпуск в другие полки"[28]. Преимущества в чинопроизводстве состоятельных слоев дворянства обеспечивала и появившаяся еще при Петре I и особенно широко распространившаяся в 1740–1750-е гг. система сверхкомплектного (без жалованья) прохождения дворянами службы в низших чинах. Она создавала, с одной стороны, резерв для пополнения полков дворянами, а, с другой – ускоряла карьеру состоятельных помещиков, поскольку в этом случае для получения следующего чина не требовалось вакансии[29]. Известно, например, что



Г. Гроот (?) Портрет секунд-майора кирасирского полка Т.Ю. Лесли. 1749 г.



Неизвестный художник. Портрет офицера артиллерии. 1750-е годы.

А.В. Суворов прошел все низшие чины на службе в Семеновском полку, числясь сверхкомплектным[30]. Убедительные факты зависимости карьеры в гвардии от имущественного положения приводит Ю.Н. Смирнов. В 1740 г. в Преображенском полку владельцы 101–500 душ м.п., как ему удалось установить, составляли самую многочисленную группу среди унтер-офицеров (45,6%) и офицеров (41,1%), а владельцы более 500 ревизских душ – соответственно 15,1% и 32,1%[31]. Подобное же положение, по наблюдению исследователя, сохраняется и в середине XVIII столетия. "Помещики, владевшие 100 душами м.п. и менее, составляли в гвардейских полках 83–96% рядовых дворян, 68–80% капралов, 42–72% унтер-офицеров и только 15–16% офицеров-дворян... Если беспоместные и наименее обеспеченные мелкопоместные дворяне в большинстве своем заканчивали военную карьеру в нижних чинах гвардии, то большинство средних и крупных помещиков, наоборот, продолжало ее офицерами армии"[32]. По своему имущественному положению верхушка гвардейских полков принадлежала к богатым и средним слоям российского дворянства[33].

Зависимость военной карьеры от имущественного положения прослеживается и по документам отставных военных Герольдмейстерской конторы. В приводимой ниже таблице 6 обобщены данные о соотношении чинов отставных различных имущественных групп за 1750-е и 1760-е гг., это итог служебной карьеры тех дворян, действительная служба которых приходилась на разные периоды первой половины и середины столетия.

Таблица 6. Динамика соотношения чинов военных, вышедших в полную отставку в 1753, 1755 и 1762–1771 годах*

Чины	Имущественная группа							
	Бескре-стьянные	Владельцы поместной земли	Владельцы ревизских душ					
			1–10	11–20	21–69	70–100	101–500	50
-офицеры и рядовые	16,6	80	35,5	16,7	5		22	
фицеры	73,4	20	64,5	73,3	88,1	92,9	82,6	
офицеры	10			10	6,9		13	
алитет						7,1	22	
-офицеры и рядовые	16,2	50	18,2	15,3	8	2,4	5,6	
фицеры	78,4	50	81,8	83,3	88	85,4	80,5	
офицеры	5,4			1,4	4	12,2	12,5	
алитет							1,4	
-офицеры и рядовые	12,5		27,6	13,5	9,7	8,35		
фицеры	85,5		69	86,5	88,9	91,65	100	
офицеры			3,4		1,4			
алитет								
-офицеры и рядовые	50	21,4	70	42,2	29,1	10,2	1,5	
фицеры	47,4	78,6	29,5	57,2	69,1	88,1	95,5	
офицеры	2,6		0,5	0,6	1,8	1,7	3	
алитет								

Таблица 6 (продолжение)

Чины	Имущественная группа							
	Бескре-стьянные	Владельцы поместной земли	Владельцы ревизских душ					
			1–10	11–20	21–69	70–100	101–500	50
-офицеры и рядовые	63,6	50	62,5	43,6	30,9	14,3	7,7	
офицеры	34,9	50	37,5	55,9	68	84,1	92,3	1
офицеры	1,5			0,5	1,1	1,6		
алитет								
-офицеры и рядовые	28,6	36,3	44,4	43,4	32,9	30	13,4	
офицеры	66,6	63,7	52,6	55,3	65,9	70	80,9	
офицеры	4,8		3	1,3	1,2		5,7	
алитет								
-офицеры и рядовые	50	33,4	47,1	32,7	32,1	20	7,7	
офицеры	45	66,6	50,9	63,5	64	75	84,6	1
офицеры	5		2	3,8	3,9	5	7,7	
алитет								
-офицеры и рядовые	14,3	25		14,3	7,1			
офицеры	71,5	75	100	85,7	89,3	100	100	1
офицеры	14,2				3,6			
алитет								
-офицеры и рядовые	45,8	12,5	36,2	32	24,5	23,9	14,9	
офицеры	50	87,5	63,8	66,6	75	76,1	85,1	
офицеры	4,2			1,4	0,5			
алитет								

Таблица 6 (окончание)

Чины	Имущественная группа							
	Бескре-стьянные	Владельцы поместной земли	Владельцы ревизских душ					
			1–10	11–20	21–69	70–100	101–500	501
ер-офицеры и рядовые	14,3	33,3	33,4	30,8	34,3		33,3	
о-офицеры	85,7	66,7	66,7	69,2	60	100	55,6	
б-офицеры					5,7		11,1	
ералитет								
ер-офицеры и рядовые	31,2	38,0	37,5	28,35	21,36	10,9	8,6	
о-офицеры	64	62,0	61,6	69,65	75,63	86,3	85,7	
б-офицеры	4,8		0,9	2,0	3,01	2,1	5,3	
ералитет						0,7	0,4	
ер-офицеры и рядовые	33,3		23,75	12,1	9,05	7,6	1,4	
о-офицеры	66,7	100	72,65	87,9	86,1	83,0	89,8	
б-офицеры			3,6		4,85	9,4	8,8	
ералитет								

Оп. 14. Кн. 505–511, 513–525, 527–532, 534–538, 540–543, 546–548, 557–560, 562–565, 567.

Средние данные за 1750-е и 1760-е гг. высвечивают определенную закономерность: к концу военной карьеры в разных группах отставных удельный вес младших офицеров оказывался обратно пропорционален, а обер- и штаб-офицеров, а также генералитета – прямо пропорционален их имущественному положению. Поэтому унтер-офицеры и рядовые представлены главным образом среди бескрестьянных дворян и беднейших слоев мелких помещиков; в подгруппе владельцев 70–100 ревизских душ их удельный вес значительно меньше; у средних и крупных помещиков они практически не встречаются. Если беднейшие слои помещиков в концу военной карьеры достигали в лучшем случае младших обер-офицерских чинов, редко поднимались до старших обер-офицеров и уж тем более до штаб-офицеров, то владельцы 70–100 душ м.п., средние и крупные помещики к моменту отставки приобретали преимущественно старшие обер-офицерские чины и выходили в отставку штаб-офицерами. Среди желающих уйти от дел высших военных чинов (генералитет) выявлены исключительно эти категории дворян.

Между тем, основой чинопроизводства, как того требовала традиция, должен был являться служебный стаж. Поэтому неизбежно возникает вопрос о том, существовала ли разница в сроках выслуги дворян различных имущественных групп для получения одного и того же чина и какова была теснота связи между выслугой и чинами в различных имущественных группах дворян? Ответ на первый вопрос поможет получить сопоставление среднего стажа отставных различных имущественных групп, состоявших в одном чине, на второй – анализ корреляционного отношения между стажем и чином в тех же группах. Проанализируем эти показатели на примере материалов за 1755 г. обобщенных в таблицах 7 и 8.

Приведенные данные позволяют говорить о наличии связи между выслугой, чином и имущественным положением отставных. Наибольшая выслуга – 26 лет – фиксируется в группе переведенных к статским делам из числа бескрестьянных дворян, наименьшая – 19,7 лет – у той же категории средних помещиков. Среди уволенных на свое пропитание максимальная средняя выслуга – 24,5 года – отмечается в группе мельчайших владельцев 1–10 ревизских душ, минимальная – 22,7 – у мелкопоместных владельцев 70–100 душ. Отчетливо наблюдается обратная зависимость между средней выслугой и объемом душевладения (слева направо) в графах "унтер-офицеры", "прапорщики", "поручики", "капитаны" В то же время, не всегда присутствует, казалось бы, неизбежное с точки зрения буквы закона, увеличение выслуги по мере повышения чина. Наиболее последовательно этот показатель увеличивается по мере повышения чина у владельцев 70–100 душ м.п., что подтверждает и устойчиво высокий показатель отношений корреляции (0,66). Та же тенденция, хотя и не столь последовательно, выявляется и в группе средних помещиков и подтверждается наличием корреляции между чином и выслугой (0,58 и 0,75). У бескрестьянных же дворян одинаковой продолжительности стаж от 23 до 29,5 лет отмечается и у унтер- и у обер-офицеров

Таблица 7. Средний стаж военных различных имущественных групп, вышедших в полную отста
и переведенных к статским делам в 1755 г.*

	Категория отставных	Имущественная группа				
		Бескре-стьянные	Владельцы ревизских душ			
			1–10	11–20	21–69	70–100
	Отставлены на свое пропитание		3			
	Переведены к статским делам	18				
	Отставлены на свое пропитание			19,7	13	10,5
	Переведены к статским делам	28,5	15,5	17	10,5	8
	Отставлены на свое пропитание		13	21,9	23,8	15,5
	Переведены к статским делам	18	18	16	11,3	11,3
	Отставлены на свое пропитание			21	23,4	19,7
	Переведены к статским делам	24,7	18	18	14,7	
	Отставлены на свое пропитание		29,7	22	23,4	20
	Переведены к статским делам	23	26,3	21,7	16,1	18

Таблица 7 (окончание)

	Категория отставных	Имущественная группа				
		Бескре - стьянные	Владельцы ревизских душ			
			1–10	11–20	21–69	70–100
	Отставлены на свое пропитание		25,5	25,8	25,0	27,1
	Переведены к статским делам	29,5	25,5	25,5	24,3	22,2
	Отставлены на свое пропитание		38		28	33
	Переведены к статским делам	33	31,3	26,3	34,4	30,1
	Отставлены на свое пропитание		38		28	33
	Переведены к статским делам	33	31,3	26,3	34,4	30,1

6. Оп. 14. Кн. 505–511, 513–525, 527–532, 534–538, 540–543, 546–548, 557–560, 562–565, 567.

Таблица 8. Отношение корреляции чина и выслуги военных различных имущественных групп, уволенных со службы в 1755 г.*

Имущественная группа	Отставлены на свое пропитание	Переведены к статским делам	Вся группа отставных
Бескрестьянные		0,38	0,38
Владельцы			
1–10 душ м.п.	0,95	0,68	0,89
11–20	0,23	0,64	0,38
21–69	0,33	0,85	0,58
70–100	0,66	0,66	0,66
101–500	0,58	0,75	0,65

*РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 505–511, 513–525, 527–532, 534–538, 540–543, 546–548, 557–560, 562–565, 567.

(группы "подпоручики", "поручики" и "капитаны"). Нет существенных различий в сроках выслуги разных категорий обер-офицеров, уволенных на свое пропитание из числа мелкопоместных владельцев 11–20 и 21–69 ревизских душ, что подчеркивается и незначительной величиной показателя отношений корреляции (0,23 и 0,33). Примечательно ровно выраженное приближение показателя стажа (23,8, 23,4, 23,4) к официально определенному двадцатипятилетнему минимуму у отставных прапорщиков, подпоручиков и поручиков из числа владельцев 21–69 ревизских душ. В данном случае показатель стажа можно рассматривать как некую среднюю величину, в которой более удачная и менее удачная карьеры оказались соотнесенными друг с другом и на которой компромиссно сошлись жизненные интересы наиболее многочисленной группы дворян-военных и "высшие" интересы военно-бюрократического государства. Близость сроков выслуги дворян-военных из числа владельцев 11–69 ревизских душ, находившихся к моменту отставки в разных обер-офицерских чинах (от прапорщика до капитана) говорит о большой зависимости их карьер не только от заслуг, но и от "случая" Выделить же доминирующий фактор ускорения карьеры, отделить "случай" от реальной заслуги не представляется возможным.

Выслуга была наиболее управляемым фактором службы. За счет зачисления в полки в раннем возрасте и ускоренного прохождения лестницы чинов отпрыски более обеспеченных и влиятельных семейств к концу военной карьеры имели не менее продолжительный стаж и более высокие чины, чем предки капитана Копейкина, честно отрабатывавшие свой долг перед отечеством.

Статистика выявляет нарушение порядка чинопроизводства. Мемуаристы поясняют действие его механизма. О большой роли протекции в чинопроизводстве сообщают А.Т. Болотов, Г.Р. Державин, Ф.Ф. Вигель, Г.С. Винский и другие современники.

Многочисленные примеры практики чинопроизводства, относящиеся к 1740–1750-м гг. приводит А.Т. Болотов[34]. Примечательна в

этом отношении и его собственная служебная биография. Добросовестно излагая историю своей семьи, мемуарист сообщает о том, что отец его, став полковником, перевел в свой полк обоих зятьев с повышением чинов. Сам Андрей Тимофеевич был записан в полк отца в десятилетнем возрасте. А уже через месяц родителю стало угодно сына "произвесть в капралы" Определение на службу малолетних, по словам А.Т. Болотова, было тогда "не таково легко, как ныне, и родителю моему самого сего бездельного дела не можно б было сделать, если б на тот раз не находились мы за границей и вне своего отечества... Сверх того помогло ему к тому много и то, что имел он фельдмаршала себе приятелем"[35] В том же 1748 г., "хотя отец был скуп на чины, но по просьбе офицерства" произвел сына в подпрапорщики, а потом в каптенармусы[36]. Однако до конца первого года службы ребенок получил повышение еще раз. "Когда в Бовск, где стоял полк приехал генерал, и был отцом угощаем, он пожаловал мальчика в сержанты. Генерал сделал сие учтивство в знак благодарности за угощение хозяину"[37] Спустя два года отец Болотова скончался. Но в действительную службу юноша вступил лишь в 1755 г. и сразу почувствовал разницу в своем положении. "Тогда я был в нем (полку – *И.Ф.*) под хорошею опекою, и меня не считали сержантом, а сыном полковничьим, и все офицеры да и самые штабы меня любили и ко мне ласкались. Отец мой был моею защитою и покровителем, а в сей раз (Болотов. – *И.Ф.*) был не что иное, как простой и молоденький сержантик, следовательно, представлял фигуру весьма малую и не важную..."[38] В изменившейся ситуации А.Т. Болотов стал искать себе нового покровителя и нашел "в лице бывшего знакомца отца" г. Яковлева, с помощью которого вскоре по приезде в полк был произведен в подпоручики, в 1760 г. поручики, а спустя всего год – капитаны[39].

Отношение общественного мнения к подобной практике чинопроизводства поясняет любопытная характеристика, данная А.Т. Болотовым отцовским качествам своего соседа – отставного генерала Н.М. Болотова. Его единственный сын, как сообщает мемуарист, "записан был в гвардию, но попечение об нем отца... было столь малое, что он не мог даже выхлопотать ему унтер-офицерского чина..."[40] Сам же Андрей Тимофеевич потратил немало времени и сил на обеспечение быстрого чинопроизводства своему малолетнему сыну[41].

Протекция была важнейшим фактором чинопроизводства не только в 1740–1750-е гг. но и впоследствии. Г.Р. Державин, зачисленный солдатом в лейб-гвардии Преображенский полк в марте 1762 г.[42], сообщает следующее: "Находясь без покровителей, он оставался всегда обойденным по службе", в то время как многие младше его солдаты, по рекомендациям своих сродников и милостивцев, произведены в капралы"[43]. "Для ускорения повышения его в чины он решил прибегнуть к покровительству майора своего Алексея Григорьевича Орлова, написал ему письмо с прописанием наук и службы своей, наименовав притом обошедших его сверстников... В наступивший праздник коронации Екатерины II он был произведен в капралы"[44]. В дальнейшем при

покровительстве полкового секретаря Неклюдова, его уже не обходили"[45]. Г.С. Винский начал военную службу в 1770 г. Он полагал, что "покупка ...чинов, мест, должностей вельми еще тогда была необыкновенна. Правда, получалися и сии не весьма законно, но доставляло их одно покровительство вельможей, которых тогда еще не подкупали, да и знакомство с ними не для всех было удобовозможно"[46].

Протекция, подобно имущественному цензу, была залогом успешной карьеры. Ее процветанию в России способствовала неопределенность формулировок законодательных норм, допускавших произвольную интерпретацию. Так, закон от 13 января 1753 г. допускал в обход старшинства, повышение чина "по достоинству" или "по заслугам" Поэтому, как отметил С.М. Троицкий, "когда глава учреждения представлял чиновника к следующему чину "по достоинству", а не на основании выслуги, то его собратья считали такое повышение результатом протекции"[47].

Реальная продолжительность военной службы дворян и частота отставок

Как отмечалось выше, до 1762 г. юридическим основанием оформления отставок служили два законоположения – Морской Регламент, разрешавший отпускать со службы лишь дряхлых, увечных и больных, и манифест 31 декабря 1736 г., формально ограничивший службу 25 годами, однако сопровождавшие его инструкции содержали такое количество запрещений, что оставляли для большинства служащих единственным реальным основанием для увольнения от дел опять-таки нетрудоспособность. Характерно, что ни в одном деле об отставке в рассматриваемый период наличие 25-летнего стажа не фигурировало как обоснование отставки. Современники сообщают, что в 1730–1750-е гг. получить дворянину отставку было чрезвычайно трудно[48]. "В деревнях живали одни только престарелые старики, не могущие более нести службу или за болезнями и дряхлостью, по какому-нибудь особливому случаю отставленные, и всех таких было немного..."[49]

Как же соприкасались воплощавшие политику правительства правовые нормы и инициатива дворян и дворянства в вопросе об отставке? Как выглядела продолжительность службы и как она соотносилась с имущественным положением различных категорий отставных?

В нашем распоряжении имеются сведения об отставных за 1753 и 1755 гг. Их состав по возрасту и стажу обобщен в таблице 9.

Из таблицы видно, что продолжительность службы либо намного превышала определенные законом двадцать пять лет, либо была значительно меньше, а возраст отставных колебался от пятнадцати до семидесяти пяти лет в группе военнослужащих и от двадцати пяти до семидесяти пяти лет – в группе чиновников. Но если почти половина чиновников (47,2% в среднем, а в 1753 г. даже 62,5%) уволилась со службы после 55 лет, имея за плечами продолжительный служебный стаж, то в группе военных картина иная: почти две трети служащих в среднем ежегодно получали отставку до сорока пяти лет (когда уволь-

Таблица 9. Средний возраст и стаж военных, уволенных со службы в 1753 и 1755 гг.*

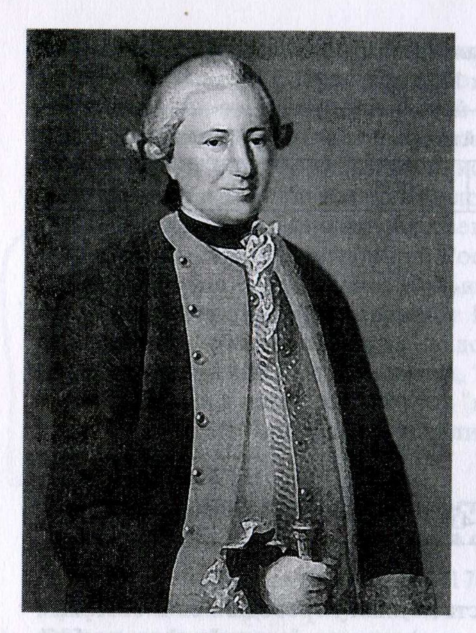
Имущественная группа	Средний возраст		Средний стаж	
	1753	1755	1753	1755
Бескрестьянные	45		28	
Владельцы поместной земли		45,5		23
1–10 душ м.п.	49,6	46,2	24,2	21,8
11–20	51,8	44,3	30,4	22,4
21–69	45,4	47	25,2	24,4
70–100		40,9		21,6
101–500	42,2	43,7	19,2	23,3
501–1000	34,3	30,5	19,25	13
более 1000	34	40,5	15,5	23

*РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 403–405, 433–435.

нение разрешалось законодательством) или переводились к статским делам (64,5% и 60,8% соответственно); из них по крайней мере 53% служили менее двадцати лет. Иными словами, закон о двадцатипятилетней выслуге почти половиной военных не выполнялся. В их число, безусловно, входили и те, кто не мог служить далее из-за ранений, увечий или болезни. В этой связи интересно сопоставить возраст и стаж отставных с их имущественным положением (табл. 9).

Табличный материал обнаруживает значительную разницу в среднем возрасте и стаже отставных различных имущественных групп. Максимальная разница в возрасте составляет в 1753 и 1755 гг. соответственно 17,8 и 16,5 лет, в стаже – 14,9 и 11,4 года. Зависимость от душевладения отчетливо выявляется и при анализе по имущественным группам соотношений возраста отставных до и после 45 лет (примерного возраста, к которому дворянин выслуживал двадцать пять лет, вступив в службу в установленные законом 20 лет), а также соответствующих интервалов стажа (табл. 10).

Как видим, доля выходивших в отставки до 45 лет в 1753 и 1755 гг. в среднем прямо пропорциональна объему душевладения, а выходивших в отставку после 45 лет ему обратно пропорциональна. При этом средний стаж, превышавший 25-летний рубеж, выявляется исключительно в группах бескрестьянных, мельчайших и мелких помещиков. И, напротив, стаж менее 20 лет фиксируется только в группах средних и крупных помещиков. Сопоставление показателей стажа и возраста позволяет предполагать, что от 10 до 20% служащих всех имущественных групп поступали на службу позже установленного возраста, поэтому выслуживали урочные годы после 45 лет. Для выслуги же определенной категории средних и крупных помещиков немалую роль, по всей видимости, играл "детский" стаж, полученный в малолетстве, ранее 20 лет.

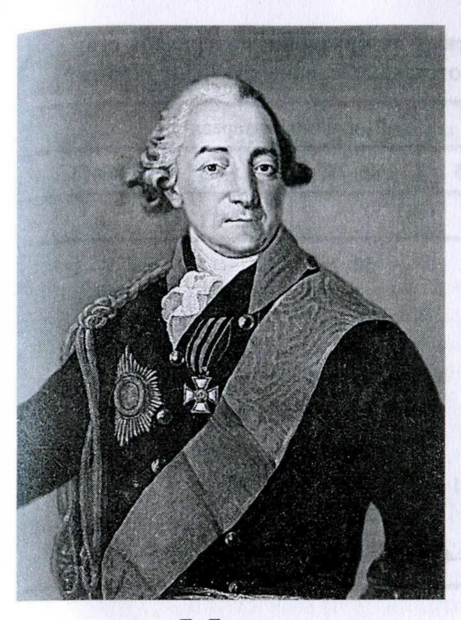


И. Васильев.
Портрет офицера лейб-гвардии
Измайловского полка
П.И. Ниротморцева. 1774 г.



К. Христинек.
Портрет майора
армейской пехоты. 1766 г.

Для понимания реалий дворянской службы чрезвычайно важным представляется решение вопроса о частоте отставок служащих различных имущественных групп, то есть о соотношении количества отставных той или иной категории с количеством пребывавших на службе дворян. Провести необходимый анализ возможно при наличии данных о соотношении интересующих групп дворян в составе военных и чиновников. Однако таких сведений нет. Зато существуют материалы об их соотношении в составе всего российского дворянства. Опираясь на теорию вероятностей, можно предположить, что частота появления на свет мальчиков в различных слоях дворянства была примерно одинаковой. А если учесть, что обязанность нести государственную службу для всего господствующего класса была единой, то следует заключить, что в составе служащих соотношение различных категорий дворянства было примерно таким же, как и в составе всего сословия. При этом в среде военных, очевидно, несколько меньшим был процент средних и крупных помещиков, имевших больше шансов быть определенными в статскую службу. Таким образом, выяснить сравнительную частоту отставок служащих можно путем сопоставления соотношений имущественных групп отставных с аналогичными данными об имущественном составе дворянства в изучаемом году. В данном случае предметом нашего внимания будут материалы за 1753 и 1755 гг. Сведения о составе дворянства за эти годы нами рассчитаны на основе имеющихся в литературе данных по I и III ревизиям [50]



Д. Людерс.
Портрет офицера конной гвардии
князя И.И. Лобанова-Ростовского. 1758 г.



Неизвестный художник.
Портрет генерала.
Ок. 1796 г.

(см. табл. 11). Поскольку сведений об удельном весе беспоместных дворян в литературе не имеется, при анализе пропорциональных соотношений эта группа не учитывалась, что потребовало скорректировать соотношения имущественных групп отставных (см. ниже примеч. 6 и табл. на с. 96).

Данные таблицы выявляют взаимосвязь между душевладением дворян и частотой их выхода в отставку. Наибольшая частота наблюдается в группах средних и крупных помещиков, которые на практике пользовались возможностью уволиться со службы в среднем в 1,1 раза чаще владельцев 21–100 душ м.п. (в 1753 г. – в 1,5 раза), в 3,1 раза чаще владельцев 11–20 душ м.п. и в 5,3 раза – владельцев 1–10 душ м.п. Обращает на себя внимание значительная частота отставок мелкопоместных владельцев 21–100 ревизских душ. Очевидно, она достигалась за счет подгруппы владельцев 70–100 душ м.п., которые, как показал проведенный выше анализ, по своим социальным качествам приближались к группе средних помещиков.

В соответствии с требованиями законодательства, юридическими основаниями отставок признавались "болезнь", раны, "старость, дряхлость", "болезень, старость"[51]. Однако фактически в большинстве случаев основным аргументом в пользу увольнения от дел дворянина, вполне состоятельного, но не прослужившего положенного срока, очевидно, выступали те же взятки и протекция. Об их определяющей роли при получении отставок сообщают многие современники[52].

Таблица 10. Соотношение возрастных интервалов и интервалов стажа различных имущественных групп отставных военных (1753 и 1755 гг.)*

Имущественная группа	Возрастной интервал			
	15–45	46–75	15–45	46–75
	1753		1755	
Бескрестьянные	50	50		
Владельцы поместной земли			50	50
1–10 душ м.п.	29,2	70,8	28,6	71,4
11–20	31,8	68,2	61,8	38,2
21–69	45,9	54,1	45	55
70–100			77,3	22,7
101–500	69,4	30,6	61,3	38,7
501–1000	85,7	14,3	100	
более 1000	80	20	100	

*РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 403, 405, 433–435.

Таблица 11. Пропорции различных категорий отставных военных по отношению к пропорциям соответствующих имущественных групп дворянства (1753 и 1755 гг.)*

Имущественная группа	1753		
	Отставные	Все дворянство	Соотношение пропорций
Владельцы			
1–10 душ м.п.	14,3	32,1	0,44
11–20	13,1	27,1	0,48
21–100	44	28	1,57
более 100	28,6	12,8	2,23

Имущественная группа	1755			В среднем за 1753 и 1755 гг.
	Отставные	Все дворянство	Соотношение пропорций	
Владельцы				
1–10 душ м.п.	8,1	32,1	0,25	0,35
11–20	19,65	27,1	0,72	0,60
21–100	52,6	27,7	1,89	1,73
более 100	19,65	13,1	1,5	1,86

* РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 403, 405, 433–435.

Интервал стажа					
1–20	21–25	26–55	1–20	21–25	26–55
1753			1755		
25		75			
				100	
40	12	48	35,7	43	21,3
26,1	17,4	56,5	50	29,4	20,6
27	27	46	30,4	34,8	34,8
23,5	35,3	42,2	36,4	36,4	27,2
61	22	17	41,9	32,2	25,9
62,5	25	12,5	100		
75	25			100	

Историю своей отставки подробно изложил сын мелкопоместного дворянина, владевшего 30 душами м.п., М.В. Данилов. Родившийся в 1722 г., он с семилетнего возраста обучался грамоте сначала у пономаря, затем – у отставного попа[53]. В 1737 г. мемуарист начал службу с обучения в артиллерийской школе. В 1746 г. он получил чин сержанта, в 1754 г. – обер-фейерверкера с рангом поручика, в 1758 г. – капитана[54]. После рождения дочери в 1758 г. он начал хлопотать об отставке: писал к И.Ф. Глебову и М.А. Яковлеву, чтобы представительством влиятельных особ "уволен был от полевой и гранизонной службы и непорочную мою жизнь на своем пропитании окончить мог"[55]. "Генерал Глебов приказал экзекутору Бороздину, чтоб я прислал челобитную не через армейских генералов, у которых я тогда находился по списку в команде, но прямо в Санкт-Петербург к нему, Глебову. Я... послал оную челобитную, в которой прописал свою службу и раны и настоящую свою болезнь и слабость, в которой я находился"[56]. На эту челобитную поступил приказ отправить его в Петербург для отставки, где его "освидетельствовали один доктор, два штаб-лекаря и один лекарь доктор Бехерах, который прежде меня лечивал и был мне хороший приятель" "Он уверил меня, – повествует мемуарист, – что моя болезнь не опасна и что это не чахотка... Они все подписали мне аттестат "в моей болезни" Затем документы были представлены Военной коллегии, которая отставила его тем же чином[57].

Служащие Медицинской канцелярии, судя по архивным документам, оказывали содействие в получении отставок под видом болезней, выдавая справки, в которых использовались неопределенные формулировки типа "болезни быть могут", "в службе быть ненадежен" и др. Об этих фактах, очевидно, широко известных, Военная коллегия неоднократно доносила Сенату. В связи с этим 18 января 1762 г. последовал

специальный указ Медицинской канцелярии, требовавший "наикрепчайше при осмотрах наблюдать и болезни точно писать, имеют ли они те болезни или нет, а так, что болезни быть могут, отнюдь не писать, а притом подтвердить, чтоб при таковых осмотрах поступано было по самой справедливости, помня присяжную должность, под опасением в противном случае взыскания по указам[58].

Рассмотрение статистических и биографических реалий, связанных с отставками дворян, позволяет сделать вывод о том, что в ходе практической реализации порядок выхода в отставку нарушался в пользу наиболее и в ущерб наименее обеспеченным слоям дворянства, сроки службы которых значительно продлевались. Предпринимавшиеся правительством меры для ограничения дворянских отставок на деле в наибольшей степени ущемляли интересы малообеспеченных и наименее влиятельных категорий помещиков.

Практика предоставления отпусков

Меры правительства по ограничению "могущих быть болезней" отчасти и ненадолго успешные, наталкивались на перманентно действующую разрушительную силу тяготения шляхты к отчинам. Одной из наиболее успешных форм явочной реализации права шляхты на спор с государством по поводу объема свобод дворянина было использование отпусков. Нормативные акты 1730–1750-х гг. создавали благоприятные возможности для уклонения от службы в рамках существующего законодательства. Практика их применения отразилась как в архивных, так и в опубликованных материалах.

Архивные сведения о пребывании в отпусках сконцентрировались в служебных биографиях отставных. Они, как правило, встречаются в делах средних и крупных помещиков. Приведем некоторые из них.

В конце 40-х – начале 50-х годов XVIII в. в Герольдмейстерской конторе неоднократно рассматривались челобитные прапорщика Петра Жалобова, владельца 1300 душ м.п., 1728 г. рождения[59]. С 1740 г. он обучался в Кадетском корпусе. В 1746 г. "за болезнями по представлению... генерала-адъютанта князя Репнина из Кадетского корпуса выключен и для излечения болезней отпущен в дом на два года. А в 1748 г. поданным челобитьем просил о награждении его рангом и об отпуске в дом для излечения... 6 июня того ж года осмотром из Медицинской канцелярии показано, что у него правая рука была переломлена, отчего наружные знаки зажилых ран оказались, и жилы засохли и уповательно, что тою рукою свободного владения не имеет, и других болезней... в скором времени усмотреть невозможно. И рассуждается, что надлежит его уволить для лутчаго пользования и утверждения в его руке в дом для излечения"[60]. В 1748 г. П. Жалобову так и не удалось получить полной отставки. Пришлось удовлетвориться годичным отпуском. Через год этот отпуск был продлен, а затем Медицинская канцелярия признала его годным к продолжению службы. Однако настойчивый помещик продолжал писать челобитные. В течение весны –

лета 1753 г. его дело несколько раз слушалось в Сенате. В конце концов какой-то доброжелательный медик все-таки обнаружил у пациента требуемые "болезни" 7 июля 1753 г. в журнале Сената появилась следующая запись: " А по осмотру явилось: в той руке от перелому жилы засохли и от того нужное владение имеет, при том же знаки цынготной застарелой болезни, от чего внутренние конституции повредились, и затем при делах быть ненадежен. Приказали: оного Жалобова за болезнями от всех дел отставить вовсе и, дав паспорт, отпустить в дом и ни к каким делам не определять, а за службу дать чин подпоручический..."[61]

В том же 1753 г. в чине прапорщика Герольдмейстерской конторой был отставлен и двадцатидвухлетний М.Н. Шиншилов, владелец 600 душ м.п. Начав службу в 1746 г. с обучения в Кадетском корпусе, он в 1751 г. был отпущен в дом для излечения и с этого времени к делам не определялся[62].

Немногочисленные сведения об отпусках в делах отставных 1755 г. также обнаружены исключительно в документах состоятельных помещиков. Капитан Г.А. Полозов, за отцом которого числилось 453 ревизских души, начал службу пажем и камер-пажем при императорском дворе в девятилетнем возрасте в 1737 г. А уже в 1749 г. был переведен капитаном в Невский пехотный полк, через два года "для излечения" был отпущен в дом на два года. По окончании срока отпуск был продлен еще на два года, по истечении которых 21 марта 1755 г. проситель был отставлен на свое пропитание "за болезнью" секунд-майором в возрасте 27 лет в самый канун Семилетней войны[63]. Корабельного флота капитан 2 ранга К.П. Прончищев, за которым в разных уездах числилось 350 ревизских душ, начал службу с обучения в Морской академии в 1715 г. и служил на флоте гардемарином, мичманом, унтер-лейтенантом и лейтенантом. В домовых отпусках пребывал несколько лет: с 1727 по 1730 г., а затем в течение десяти лет с 1745 г. до тех пор, пока 13 декабря 1755 г. будучи 53 лет от роду не получил отставку на свое пропитание "за болезнью" с награждением ранга[64]. Одновременно с ним был отставлен на свое пропитание "за болезнью" тридцатичетырехлетний владелец 150 ревизских душ подпоручик А.Г. Розанов, служивший в армейских полках с 1740 г. 10 декабря 1751 г. он был отпущен в дом "для излечения" на два года. В январе 1754 г. отпуск был продлен на два года, после чего последовала отставка[65]. В восемнадцатилетнем возрасте рядовым лейб-гвардии Преображенского полка начал службу Н.Г. Березин, за которым в Новгородском уезде числилось 95 душ м.п. В 1748 г. он был выпущен прапорщиком в армейские полки. А через год "за болезнями" переведен к статским делам подпоручиком и отпущен в дом на год. Вернувшись на службу в феврале 1751 г., он пробыл у дел до 1 декабря, затем был вновь отпущен в дом на два года. 30 октября 1752 г. Герольдмейстерская контора определила его в Санкт-Петербургскую гарнизонную канцелярию "для смотрения... заповедных лесов и рощ" Однако 21 января 1753 г. Березин "челобитной просил его от всех дел осво-

бодить" "для домашних нужд" 15 марта 1755 г. "за болезнью" он был отставлен на свое пропитание поручиком[66]. Двадцатичетырехлетним юношей был зачислен учеником в Морскую академию М.В. Шипилов, за которым в Курмышском и Нижегородском уездах числилось 120 душ м.п. В ноябре 1748 г. он был произведен гардемарином и с этого времени три с половиной года служил во флоте. 20 мая 1752 г. в ранге сухопутного прапорщика он был переведен к статским делам, а 20 июня того же года отпущен в дом на год. По окончании отпуска, в ноябре 1753 г. Шипилова написали на житье в Санкт-Петербург, но он челобитьем стал просить об отпуске в дом на два года "для поправления деревень" 10 января 1754 г. он был из "житья" выключен и отпущен в дом на год, а 16 декабря определен на Монетный двор камиссаром. Однако в феврале следующего, 1755 г., Шипилов вновь челобитной просил об увольнении от должности "за болезнями" 7 июня 1755 г. служащий был очередной раз отпущен в дом "для излечения"[67]. В 1765 г. "по Манифесту" уволился из воинской службы тридцатишестилетний поручик П. Толбугин, за которым в Новгородской губернии числилось 76 душ м.п. Службу свою он начал в 1742 г. с обучения в Кадетском корпусе. "В бытность его в Кадетском корпусе отпущен был в дом для излечения болезней с 1743 г. по 1749 г., да в 1760 г. 28 июня за состоянием сверх комплекта отпущен до востребования. К полку явился к команде 12 ноября 1763 г."[68] Таким образом, из двадцати трех лет службы девять лет он пребывал в отпуске в доме. С обучения в Кадетском корпусе в 1743 г. начал службу и И.А. Кашинцев, владелец 340 ревизских душ; в 1747 г. он был выпущен прапорщиком к статским делам, но у дел не был, так как для излечения на три года был отпущен в дом. 6 марта 1751 г. и 3 мая 1754 г. отпуск дважды продлевался на три года. А когда 26 января 1759 г. он, наконец, вернулся из отпуска, то, явившись в Герольдмейстерскую контору, стал просить "за болезнию" об отставке. Для свидетельства болезней челобитчика направили в Медицинскую канцелярию, но ответа на запрос не последовало. Спустя полтора года, 23 мая 1760 г. он объявил, что получил от болезней свободу и желает службу продолжать при статских делах. Поэтому 12 января 1761 г. Кашинцев был отослан для определения экзекутором в Главную межевую канцелярию, где и служил немногим более года. Отмена обязательной службы позволила ему, вопреки мнению Медицинской канцелярии, 4 июня 1762 г. в числе первых "за болезнью" и "по Манифесту" уволиться на свое пропитание[69]. Манифест Петра III помог узаконить статус вечного отпускника и сорокавосьмилетнему помещику А.Ю. Бахметеву, за которым в Саранском уезде числилось 400 ревизских душ. Вступив в воинскую службу в 1737 г., спустя двадцать лет он был переведен к статским делам из капитанов коллежским асессором, но в течение шести лет пребывал в отпуску в доме. 20 мая 1763 г. "за слабостью здоровья" он был отставлен на свое пропитание[70].

Длительные домовые отпуска предоставлялись и детям, зачислявшимся в воинскую службу, как мы это видели уже на материале ста-

тистики. Практика зачисления на службу малолетних, хорошо известная по мемуарной литературе, широко распространяется после отмены обязательной службы, однако зарождается она уже в первой половине XVIII столетия. За время таких отпусков дворянские дети нередко проходили все унтер-офицерские чины, обгоняя впоследствии по службе своих одногодков. В документах Герольдмейстерской конторы встречаются подтверждения этой практики. Приведем лишь один пример. М. Тараканов, за которым в Одоевском, Кромском и прочих уездах значилось 1800 ревизских душ, был зачислен в воинскую службу в десятилетнем возрасте в 1741 г., сразу пожалован чином подпоручика, но "по малолетству проживал в отпуску в доме" В 1754 г., то есть в возрасте 23 лет, он вступил в действительную службу в первый московский полк. В том же году его произвели поручиком и капитаном. Через шесть лет, 2 июня 1760 г. "за болезнью" он был от полевой службы отставлен и определен в Московский гарнизон секунд-майором, а после отмены обязательной службы, 4 января 1763 г. премьер-майором тридцати двух лет от роду был уволен в отставку на свое пропитание[71].

Архивные свидетельства перекликаются с сообщениями мемуаристов и фактами, приводимыми в законодательных актах. Рассказывая о трудностях получения отпусков в 1750-е гг., А.Т. Болотов упоминает немало случаев предоставления их за взятки и по протекции[72]. Например, зять его пользовался такого рода льготами через любовницу полковника, выданную своим покровителем замуж за поручика Зеллера. "Зятю моему еще в прежнюю свою при полку бытность посчастливилось приобресть дружбу и благоволение к себе от его супруги, а через них и от полковника: достаток его помог ему в том весьма много, и ежели признаться, то как полковник, так и любимец его с женою любили зятя моего наиболее за его богатство и за то, что он не упускал при всяком случае им кой-чем служить и всячески подольщаться. Он и в последнем своем отпуске был и всю зиму дома прожил не инако, как по милости Мартыновны, ибо она убедила полковника, без ведома главной команды и самому собою, отпустить его на несколько месяцев в деревни"[73]. Выразительный пример приводит и М.В. Данилов: "Одному из мелких помещиков, Астафьеву, служившему солдатом в гвардейском Семеновском полку, досталось наследство 900 душ... Получа большое наследство, неприлежно стал уже в полку служить, и как в тогдашнее время отставки от службы не было или трудно ее получить было, то он нашел милостивца в полковом секретаре, который его отпускал в годовые отпуска за малые деревенские гостинцы. Секретарь доволен был, когда за пашпорт получит душек двенадцать мужеска пола с женами и детьми с обязательством таковым, когда Астафьев на срок оных подаренных крестьян не вывезет, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою к двенадцати душам. Чтоб не потерять дружбы, таковым полезным от секретаря отпуском Астафьев пользовался каждый год по договору... Полковой секретарь гораздо был совестнее секретаря своего: он брал

только по одному человеку за пашпорт... Напоследок, за великою его слабостью усовестился секретарь гвардии держать Астафьева на своей шелковинке: отставили его из полку, только на провожаньи недешево ему стало"[74].

На подобные злоупотребления обращало внимание и правительство. "Известно нам учинилось, – говорится в указе от 15 декабря 1738 г., что в некоторых полках нашей пехотной лейб-гвардии ротные командиры, також полковые адъютанты, секретари с унтер-офицеров, капралов и солдат, как при отпуске в домы их и при выпуске в другие полки в обер-офицеры, так и при повышении чинов в лейб-гвардии берут немалые взятки деньгами и другими вещами, и для таких взятков иных и без всяких заслуг, к тому ж и недостойных, по таким страстям и по свойству аттестуют и своим полковым командирам представляют"[75].

Материалы об отпусках военнослужащих показывают, что и в этой сфере служебных отношений ведущим фактором была отнюдь не буква, а дух закона, защищавшего в первую очередь тех, кто был ближе к трону, чей достаток и связи позволяли манипулировать законом в нужном направлении.

Нетрудоспособность – юридическое основание и ведущий мотив отставок дворян в 1730–1750-х годах

Представления о военной службе и об отношении к ней дворян не будут сколько-нибудь полными, если хотя бы приблизительно мы не представим себе физическое состояние уходивших в отставку военных. Анализ челобитных отставных и заключений Медицинской канцелярии убеждает, что состояние здоровья для большинства военных являлось вполне реальной причиной увольнения со службы. Помимо травм и ранений у офицеров российской армии при отставке выявлялись многочисленные заболевания: "чахотная", "цынготная", "почечуйная" болезни, заболевания системы пищеварения, почек, мочевыводящих путей, болезни суставов, сердечно-сосудистой и нервной систем, параличи, расстройства зрения и слуха, "гипохондрия", сумасшествие и "французская болезнь". Для изучения реалий быта имперской армии, безусловно, необходим грамотный статистический анализ болезней военнослужащих. В рамках же настоящей работы ограничимся рассмотрением лишь некоторых документов, небезынтересных для историка.

Наиболее яркий массовый материал о состоянии здоровья отставных обнаружен в делах за 1760-е гг. Он показывает, что самыми распространенными недугами военных были туберкулез легких и цинга. Больных чахоткой несложно определить по жалобам на боль в голове и боках, слабость, жар, кашель, кровохарканье. Например, вышедшие в отставку в 1762 г. подпоручик С.И. Языков имел "лом в голове, слабость в груди с произвождением мокроты и временем из гортани кровь, лом в боку и жар и всем корпусом слаб"[76], а подпоручик Ф. Наумов – "сухой кашель, в левом боку боль, и колотье, склонность к чахотной

болезни"[77], у капитана Ф. Колокольцова было "в легких затвердение с великой одышкой и кашлем и харкает кровью"[78]. Характерные признаки называли и больные цингой, среди которых встречались отставные самых разных возрастов. Прослуживший двадцать пять лет в воинской службе поручик И.С. Есипов, выходя в отставку в возрасте 61 года, сослался на "старость, дряхлость, маловидение глазами" и то, что "от застарелой цынготной болезни зубов во рту мало и спиною болен"[79]. "Цынготную болезнь", от которой "жилы под коленями жесткие и пухнут и на них черные пятна от бывших чирьев видны", указал уволившийся в том же, 1762 г., двадцатидевятилетний капитан П. Черевин, владевший 30 душами м.п. в Галицком уезде[80]. Больные цингой нередко страдали геморроем (почечуем). Так, пятидесятилетний подполковник А.Г. Губарев, владелец 48 душ м.п., писал в челобитной, что "одержим цынготною болезнию, отчего все зубы повреждены и в костях лом, а от глухой почечуйной болезни боль в животе и спине, одышка и лом в голове, всем корпусом сыр, отдут и слаб"[81]. Пребывавший в воинской службе с 1730 г. премьер-майор Нармоцкий жаловался на "застарелую цынготную болезнь, отчего ломота в теле, ногами дряхл; под коленями жилы сведены, ноги не сгибаются и не двигаются, почечуйную болезнь, частую животом скорбность, головную боль"[82].

Широкое и устойчивое распространение в полках туберкулеза и цинги поддерживалось, несомненно, злоупотреблением алкогольными напитками. Косвенным подтверждением пьянства можно считать жалобы на геморрой, болезни почек и гипертонию. Капитан П. Протасов, например, имел "в голове, в ногах и в пояснице лом, отчего в беспамятстве бывал, глазами худо видел и беспрестанный сухой почечуй имел, грудь закладывало и биение сердца бывало, урин не держался и всем корпусом слаб"[83]. У двадцатисемилетнего поручика Выборгского гарнизона А. Игнатьева Медицинская канцелярия выявила "застарелую почечную болезнь, отчего в голове непрестанный лом и великие обмороки бывают и животом скорбен"[84]. Пьянством можно объяснить и ранний цирроз печени, расстройство системы пищеварения, сосудистой системы и почек у тридцатитрехлетнего подпоручика П. Ушакова, у которого обнаружено: "в правом боку затвердение печени, отчего желчью беспрестанным поносом с кровью одержим, лицом желт, удушье, одышка, колотье в груди, всегдашний лом и опухоль в ногах, всем корпусом слаб и в совершенной чахотке находится, кровотечение из гортани"[85]. В челобитных военных нередко встречаются жалобы на "гипохондрию" Например, сорокасемилетний И.И. Игнатьев, служивший поручиком в Санкт-Петербургском гарнизоне, в прошении об отставке указал, что "от бывшей горячки в голове шум и лом и частые обмороки, в груди колотье и великая одышка, в сердце частое трепетанье, в руках и ногах ломота" Медицинский осмотр показал, что проситель "одержим гипохондриею, отчего страхи и трепетанье сердца часто приходит"[86]. У поручика Воронежского гарнизона В. Попова были обнаружены "великий лом, беспамятство, в голове лом и кро-

вавый понос"[87]. На "великую опохондрию, мокротную лихорадку, лом в голове, трепетание сердца и забвение памяти" жаловался при оформлении отставки капитан ведомства Низовой соляной конторы И.А. Ивин[88].

Участие в походах, сражениях, командировках было причиной многочисленных травм и ранений. Двадцатишестилетний владелец 100 ревизских душ И. Киреевский, служа в драгунском эскадроне, получил "бомбой удар по черепу и пулевую рану ноги, от внутреннего почечуя в голове шум, а в ногах лом и обмороки, от убоя в курьерской езде в груди утеснение и одышка"[89]. У прапорщика Смоленского гарнизона М. Бабарыкина "выше левого виска голова разрублена и повреждена жила, отчего в голове имеет великую боль и шум и обеими глазами малое зрение, левая рука из плеча вышиблена, отчего рукою и ногою владеть не может"[90]. В апреле 1765 г. на свой кошт уволился прапорщик Смоленского гарнизона пятидесятилетний Ф. Агалин. В 1737–1739 гг. он участвовал в боях под Очаковым, Бендерами и Хотином, где "левая рука пулею насквозь была прострелена и кость раздроблена ниже локтя, а выше кисти из руки были вынуты кости" Кроме того, он имел "чахотку, от которой в голове великий лом, жар и шум и ушами мало слышит"[91]. У владельца 25 ревизских душ В. Полозова, уволившегося со службы в ноябре 1766 г., "правая рука в плече вышиблена и сустав поврежден, которою и владеет мало, сверх того от лошадиного убою грудь и нога повреждены и от того часто горлом кровь и всегдашнюю чувствует в груди и в костях ломоту"[92].

Отмеченные недуги, как правило, встречались у отставных не каждый в отдельности, а сразу несколько в комплексе. Так, например, у сорокашестилетнего поручика И. Карамышева, владельца 80 ревизских душ, "от цынготной болезни на ногах от ран знаки видны, отчего лом в костях быть мог и некоторые зубы выкрошились, внутренний почечуй, от которого... запоры, и глисты происходить могут, и урин закладывает, от лошадиного убою правой рукой несвободно владеет, а от раздавления груди одышка быть может"[93]. Сорокалетний капитан С.Г. Витизев в прошении от отставке отметил, что у него "в голове и ногах ломота, из ушей течет материя и в грудях лом же и великий заклад духу, а в животе великая резь и харкает кровью и притом бывает великий обморок, от которого беспамятство имеет, на правом плече мускульная рана, от которой с великой трудностию и одеваться может и всем корпусом слаб и едва движение имеет"[94]. Поручик драгунского эскадрона Московского гарнизона Г.М. Давыдов имел "грудную болезнь и великую одышку с великим кашлем, после которого происходит желтая мокрота и гипохондрия, от великого лошадиного убою по лбу знаки, от которых в голове бывает беспрестанный лом и частые обмороки, отчего глазами худо видит, в ногах кровавые жилы прогрызло, которая болезнь называется варицес, отчего в ногах завсегда лом и в хождении немалая трудность и всем корпусом слаб"[95].

Условия военной службы, порождавшие многочисленные тяжелые заболевания, делают понятным желание большинства дворян после отмены обязательного характера государственной службы покинуть воен-

ную стезю, даже если это и не было связано с какими-то конкретными жизненными планами, а порой не подкреплялось даже наличием определенных источников существования.

* * *

Краткий анализ практики привлечения российского дворянства к государственной службе по материалам отставок военнослужащих позволяет заключить, что в первой половине и середине XVIII столетия действенность основных положений законодательства о службе для разных слоев дворянства была неодинакова и зависела от социального происхождения и имущественного статуса, определяющим образом влиявших на уровень образования, условия, характер и продолжительность службы, скорость и перспективы чинопроизводства и, наконец, возможность выхода в отставку. Основная масса неимущих слоев мелких помещиков за время "пребывания в науках" едва могла освоить азы грамоты, и вопреки Манифесту 1736 г., десятилетиями тянула лямку тяжелой воинской службы, а к моменту выхода в отставку достигала лишь нижних обер-офицерских чинов. Таким оразом, предпринимавшиеся правительством меры для ограничения дворянских отставок в наибольшей степени ущемляли интересы именно этих групп помещиков.

Несколько успешнее складывалась карьера владельцев 21–69 ревизских душ. Примерно половине из них удавалось получить среднее специальное или высшее образование, около 8% попадали в привилегированные полки. Среди мелкопоместных владельцев 70–100 душ примерно 50% оканчивали кадетские корпуса, около 20% – специализированные средние учебные заведения и примерно десятая часть проходила службу в привилегированных полках. Благодаря этому дворяне указанных групп имели несколько больший успех в чинопроизводстве. Значительная их часть стремилась уйти в отставку сразу по выслуге установленного срока.

Подавляющее большинство среднепоместных и крупнопоместных дворян, получив блестящее образование, начинало службу в привилегированных полках, быстро продвигалось по служебной лестнице и, не обременяя себя продолжительной службой, находило немало возможностей для досрочного выхода в отставку. "Привилегии знатного происхождения и богатства создают массу исключений"[96]. В эпоху "дворцовых переворотов" одним из таких исключений стала своеобразная привилегия на нарушение законодательства о службе.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОТСТАВНЫХ ДВОРЯН И МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ ДО ОТМЕНЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ДВОРЯНСКОЙ СЛУЖБЫ

Получение дворянином отставки не всегда гарантировало полный уход от государственной службы. Неразвитость местной системы управления приводила к острому недостатку "дворянских кадров" в провинциях[97]. Возможно, в связи с этим правительственные указы допускали отзыв из отставки уволенных со службы дворян. Причем отзывала не только Герольдмейстерская контора, гораздо чаще сами местные власти силой привлекали отставных к делам. По этой причине нередко возникали конфликты между помещиками и провинциальной администрацией. В 1730–1740-е гг. дела такого рода составляли примерно третью часть материалов текущего делопроизводства. Приведем некоторые из них.

В январе 1738 г. в Сенат подал челобитную дворовый человек отставного майора П.И. Неелова с просьбой защитить от произвола местной администрации своего помещика, который честно служил с 1702 г. и был на многих баталиях. А в 1732 г. был отставлен, поскольку Медицинская канцелярия обнаружила у него "цынготную болезнь, и из ушей временами идет гной, в голове шум, а в ногах подагра, он же стар и дряхл" "Ныне, – указано в прошении, – Новгородская губернская канцелярия требует его в Новгород для определения к делам"[98]. Примерно в то же время другой челобитчик, отставной драгун Н.Ф. Вараксин, пятидесяти трех лет от роду, имевший 44 души м.п. в Вологодском и Белозерском уездах, жаловался на произвол Вологодского воеводы Еропкина, который потребовал его к делам, "в чем, – отмечал проситель, – люди и крестьяне отписаны от него Еропкина на Ваше императорское Величество и слушать оным меня не велено, а иные во оной канцелярии содержатся под караулом, отчего я нижайший пришел в крайнее разорение". Все это происходило несмотря на то, что в 1718 г. "по смотру докторскому за болезнию моею, – продолжал отставной, – бывшим князем Меншиковым от полевой службы отставлен..., а вместо меня в службу взято людей моих 4 человека" По указу от 26 января 1738 г. деревни ему возвратили и было "не велено определять к делам"[99]. Жесткая политика местной администрации в некоторых случаях являлась причиной возвращения отставных на службу. Так, отставной подпоручик И.И. Кувязев с 1714 г. служил в лейб-гвардии Семеновском полку, в 1727 г. за болезнями был отставлен. В 1732 г. по указу он явился в Сенат на смотр и был вновь отпущен на свой кошт. "А ныне, – писал Кувязев в Герольдию, – в Московской губернии и той губернии в провинциях требуют меня в посылки на своем коште"[100]. Весной 1738 г., когда происходили эти события, челобитчику было 48 лет, за отцом его в Рязанском и Переславль-Залесском уездах числилось 48 душ м.п. Не желая служить на своем коште и надеясь, по крайней мере, получать за службу жалованье, отставной просил определить его к каким-нибудь статским делам "или по-прежнему о неопределении к делам дать указ"[101].

24 марта 1738 г. он был отослан для определения в канцелярию от строений[102].

Аналогичный случай произошел и с отставным капралом П.Б. Суровцевым, уволенным на свое пропитание в 1733 г. Весной 1738 г. он жаловался в Сенат: "А ныне в городах воеводы посылают в дальние посылки непрестанные; а я нижайший в дальних посылках за болезнию моею быть неспособен..." При этом он замечал с обидой, что многие его сослуживцы с награждением рангами определены к статским делам с жалованьем или воеводами, и просил, чтоб "указом в дальние посылки не повелено было его посылать или повелено было с награждением рангом определить к делам статским"[103]. По указу Сената челобитчик был зачислен прапорщиком в канцелярию конфискации[104].

Среднепоместный дворянин М.Л. Чебышев в 1747 и 1748 гг. "за неимением отставных к статским делам... от Калужской провинциальной канцелярии определяем был при Калужском магазейне камисаром у приема и раздачи покупного провианта на полки и команды"[105].

Еще один выразительный случай произошел спустя полтора десятка лет. В 1752 и 1753 гг. в Сенат поступили две челобитные отставного прапорщика Н.И. Тихомирова с жалобой на незаконное привлечение его к делам. Родившийся в 1707 г. проситель проживал в Симбирском уезде, где за ним значилось 20 душ м.п. Дворянин просил Сенат подтвердить выданный ему документ об отставке и в Казанскую губернскую и Симбирскую провинциальную канцелярии послать указы. И такие указы были посланы, но ответа на них (то есть отчета в том, к каким делам и на каком основании Тихомиров привлекался) не последовало. 5 октября 1754 г. новой челобитной Тихомиров объявил, что Симбирская провинциальная канцелярия "мстя ему... злобу еще определила его в Симбирский провинциальный магистрат к розыскным делам депутатом, в котором заключила: ежели де он Тихомиров будет укрываться, держать под караулом людей его. По которому нападению во оную Симбирскую провинциальную канцелярию и взят человек его Матвей Козминский и содержится под караулом, которому поручен был в Симбирске смотрением домишко его и всякая пажить. Да по резолюции де Симбирская провинциальная канцелярия предложила собою в болезни его освидетельствовать сверх свидетельств Военной коллегии доктора и штаплекаря, чего им и делать не подлежало. От которого... утеснения и нападок уже ему на своем коште жить стало невозможно... чинятся ему напрасные убытки и разорения и приходит в бедность, которых убытков в несмотрении домовой экономии, в недосеве хлеба и в найме подвод для прошения в Санкт-Петербург стал ему до ста рублев. А в городе Симбирске и в Симбирском уезде не один он имеется. Многие его братья отставные офицеры и дворяне живут в домах своих, а он имеется и ныне в тяжкой и неисцельной болезни и почасту идет кровь и материя, отчего приходит в беспамятство и лежит недели по две и больше и движения никакова не имеет..." 22 февраля 1753 г. указ о неопределении его к делам был подтвержден Сенатом[106].

На притеснения со стороны Симбирской канцелярии в 1755 г. поступили еще две жалобы. Одну из них прислал в Сенат шестидесятисемилетний отставной капитан М.М. Ивин, уволенный от дел "за болезнью" в 1747 г. В мае 1755 г. эта канцелярия неоднократно присылала за ним "для провожания до Астрахани и до Кизляра казенного вина" Но поскольку хозяин был в отъезде, вместо него взято два его человека, которые "и поныне, – отмечал челобитчик, содержатся под караулом"[107]. Другую жалобу подал отставной сержант лейб-гвардии Преображенского полка сорокопятилетний И.М. Матюнин, уволенный от службы в 1747 г. "за болезнью" И в том же году, 22 августа, как сообщил челобитчик, "полковник и Симбирской провинциальной канцелярии воевода Калударов, невзирая на данный мне тот свободный паспорт определил меня неволею, дав мне инструкцию, по которой велено мне проводить до города Владимира набранных вновь в той Симбирской провинции рекрутов сто одиннадцать человек... Которые рекруты до упомянутого города мною все отведены..." В 1750 г. он был отправлен в таможню "для свидетельства о винной и кабацкой продаже по указанным ценам"; в 1751 г. от Казанской губернской канцелярии послан был "для следствия и допроса свидетелей по находящемуся тогда делу отставного капитана Д. Алексина"; в 1752–1753 гг. – "отослан к следствию о живущих в Симбирской Кирбуженской волости пришлых из разных жительств крестьян и при этом деле был безотлучно" Отставной просил наградить его рангом и определить к статским делам, в чем ему было отказано "за неспособностью к службе"[108].

На власти Тверской провинции прислал в Сенат жалобу отставной прапорщик С.Г Давыдов, владевший 438 ревизскими душами. В 1755 г. ему было 53 года. В отставку вышел "за болезнями" в 1733 г. "со взятьем в службу людей... двух человек" В 1734 и 1740 гг. указы о неопределении дважды подтверждались. "А сего 1754 августа, – сообщал проситель, – оная Тверская провинциальная канцелярия незнаемо чего ради в противность означенного присланного из Правительствующего Сената указа, в тверскую мою вотчину в село Судниково с деревнями в рабочую пору чинит непрестанные посылки и требует меня нижайшего для определения к делам и забирает для содержания под караулом людей моих и крестьян, от чего я нижайший принужден претерпевать крайнюю обиду, а люди мои и крестьяне немалое разорение"[109].

С жалобой на то, что Новгородская губернская канцелярия хочет привлечь к делам и "чинит великое разорение", обратился в Сенат в 1754 г. мелкопоместный дворянин Новгородского уезда Т.Е. Лупандин, отставленный в октябре 1746 г. "за падучею болезнью"[110]. Проживавший в том же Новгородском уезде среднепоместный дворянин Г.И. Коновницын, владевший 450 душами м.п., был отставлен в чине капитана в 1741 г. "для содержания экономии", а вместо него был взят один рекрут и 30 рублей денег. Однако после отставки к делам он был принуждаем неоднократно: в 1743 г. его отозвали на службу и определили воеводою в г. Гдов; в 1752 г. написали на житье в Санкт-Петербург, но

он не явился, а доношением от гдовской воеводской канцелярии объявил, что из-за болезни в пути быть не может. В связи с этим в октябре 1754 г. последовал приказ немедленно выехать в столицу под угрозой отписки на императрицу недвижимости. Отставной был определен на житье в Санкт-Петербург на 1754 г. по очереди и на 1755 г. вне очереди[111].

Подобные же жалобы в 1754 г. поступили от испомещенного в Псковском уезде отставного прапорщика П.Т. Карцева[112], испомещенного в Переславль-Рязанском и других уездах отставного подпоручика В.П. Измайлова[113], испомещенного в Сызранском уезде отставного губернского секретаря А. Кандалеева[114] и других. Аналогичные ситуации возникали и в начале 1760-х гг. Например, испомещенный в Казанском уезде отставной секунд-майор Д.Л. Хвостов, отпущенный в дом в 1758 г., в ноябре1761 г. принуждался Казанской губернской канцелярией к статским следственным делам, "за что содержался он во оной канцелярии под караулом восемнадцать дней без выпуску"[115].

Принуждение отставных к делам, как видно из приведенных материалов, не было единичным явлением, но охватывало разные регионы России. Только в процитированных документах упоминаются Московская, Казанская и Новгородская губернии; Тверская, Калужская, Переяславль-Рязанская, Вологодская, Гдовская, Псковская, Симбирская и Сызранская провинции.

Отставные дворяне требовались для исполнения самых разных дел, но в первую очередь временных, неоплачиваемых поручений. Их использовали для посылок, для осуществления контрольно-ревизионных функций на таможнях, для ведения розыскных, следственных и судебных дел и, наконец, назначали на воеводские должности. Весьма показательно и отношение местных представителей власти к дворянству до 1762 г.: не как к элитарному привилегированному классу, а как к служилым, крепким государеву тяглу, неповиновение которых допустимо было пресекать насильственными методами.

ПЕРЕВОДЫ В СТАТСКУЮ СЛУЖБУ

Отставные военные, переводимые к статским делам, в материалах Герольдмейстерской конторы в 1740–1750-е гг. составляли вторую многочисленную категорию отставных (после отставленных "на свое пропитание").

На протяжении первой половины и середины XVIII столетия отставные военные были основным источником формирования бюрократического аппарата. В эпоху "дворцовых переворотов" на фоне общей тенденции облегчения служебного бремени дворянства переводы в статскую службу становятся регулярным явлением. Для малообеспеченных слоев дворянства, которые выслужили урочные годы и по состоянию здоровья не могли продолжать военную службу, переводы в управленческий аппарат превращались в средство получения постоянного заработка до преклонного возраста, а для средних и крупных

Таблица 12. Средние возраст и стаж военных, переведенных к статским делам (1753 и 1755 гг.)*

Имущественная группа	Средний возраст		Средний стаж	
	1753	1755	1753	1755
Бескрестьянные	39,6	47,2	22,2	27,4
Владельцы поместной земли		47,2		23
1–10 душ м.п.	39,5	45,8	21,4	25,6
11–20	41,8	40,9	23,7	21,4
21–69	41,5	43,6	22,6	22,5
70–100	42,6	40	20,5	21,5
101–500	38,1	40,1	20,9	24
501–1000	35,5	40,5	18	24,2
более 1000		45,5		25,5

* ГРАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 403–405, 433–435.

помещиков это был удобный способ избавления от воинских трудов нередко уже в начале служебной карьеры.

Изучение практики переводов отставных к статским делам проводилось по документам за 1753 и 1755 гг. Наиболее общие сведения о численности, социальном происхождении, возрасте, выслуге, чинах и мотивах изменения служебного положения обобщены в приводимой ниже таблице (см. прил. I). Ее данные показывают, что 96,4% переведенных в управленческий аппарат принадлежало к привилегированному сословию. Из них 4,8% представляли титулованную знать, по крайней мере 79,1% – потомственное дворянство и 16,1% – выходцев из непривилегированных сословий.

Примерно 40% переводившихся к статским делам составляли неимущие дворяне, то есть либо бескрестьянные, либо владевшие 1–20 ревизскими душами. Хотя возрастной диапазон отставных этой группы был широк – от 15 до 75 лет, – однако более 50% составляли служащие в возрасте от 35 до 55 лет. Значительная часть влившихся в управленческий аппарат – 56,3% – была представлена кадровыми военными со стажем действительной службы от 16 до 35 лет. Их абсолютное большинство – 64,1% – состояло в старших обер-офицерских (37,9%), штаб-офицерских (22,4%) и генеральских (3,8%) рангах.

Сравнительное изучение материала о возрасте и стаже дворян разных имущественных групп (см. табл. 12, 13 и 14) высвечивает тенденцию к сокращению среднего возраста и к более частому переходу в статскую службу до 45 лет у относительно обеспеченных категорий дворянства. Однако столь значительной разницы в средних возрастах, как в группе увольнявшихся на свое пропитание, не наблюдается, а максимальная составляет семь лет. Сопоставление интервалов стажа обнаруживает, что наиболее состоятельные слои переводились в статскую службу с меньшими сроками выслуги. Удельный вес прослужив-

Таблица 13. Соотношение возрастных интервалов различных имущественных групп военных, переведенных к статским делам в 1753 и 1755 гг.*

Имущественная группа	Возрастной интервал			
	15–45	46–75	15–45	46–75
	1753		1755	
Бескрестьянные	62,5	37,5	50,8	49,2
Владельцы поместной земли			33,3	66,7
1–10 душ м.п.	59,1	40,9	52,6	47,4
11–20	59,1	40,9	67,8	32,2
21–69	71,4	28,6	53,3	46,7
70–100	55,6	44,4	70	30
101–500	73,1	26,9	68,9	31,1
501–1000	100		75	25
более 1000			50	50

* РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 403–405, 433–435.

Таблица 14. Соотношение интервалов стажа различных имущественных категорий военных, переведенных к статским делам в 1753 и 1755 гг.*

Имущественная группа	Интервал стажа					
	1753			1755		
	1–20	21–25	26–55	1–20	21–25	26–55
Бескрестьянные	50	5,6	44,4	26	14,8	59,2
Владельцы поместной земли					100	
1–10 душ м.п.	40,9	18,2	40,9	31,6	26,3	42,1
11–20	30	30	40	50	10,7	39,3
21–69	42,8	25	32,1	50,1	13,6	36,3
70–100	50	37,5	12,5	55	10	35
101–500	58,3	12,5	29,2	41,4	20,7	37,9
501–1000	100			25	50	25
более 1000					50	50

* РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 403–405, 433–435.

ших от 26 до 55 лет в их составе был значительно ниже, расхождения по категориям колеблются от 7 до 34%. В то же время существенных различий в среднем стаже между имущественными группами не отмечается.

Математическая обработка того же материала на примере 1755 г. выявляет высокую степень тесноты связи между чином и выслугой

Таблица 15. Показатель отношений корреляции между чином и выслугой в группах отставных военных, уволившихся в 1755 г.*

Имущественная группа	Уволены в полную отставку	Переведены к статским делам	Группа отставных в целом
Бескрестьянные		0,38	0,38
Владельцы			
1–10 душ м.п.	0,95	0,68	0,89
11–20	0,23	0,64	0,38
21–69	0,33	0,85	0,58
70–100	0,66	0,66	0,66
более 100	0,58	0,75	0,65

* РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 403–405, 433–435.

Таблица 16. Показатель отношений корреляции между возрастом и выслугой в группах отставных военных, переводившихся к статским делам в 1755 г.*

Имущественная группа	Показатель отношений корреляции	Имущественная группа	Показатель отношений корреляции
Бескрестьянные	0,85	21–69 душ м.п.	0,77
Владельцы		70–100	0,88
1–10 душ м.п.	0,91	более 100	0,83
11–20	0,84		

* РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 403–405, 433–435.

отставных (табл. 15), а также гораздо более единообразную и высокую, чем в группах уволенных в полные отставки, степень корреляции между выслугой и возрастом (табл. 16). Очевидно, в эту категорию попадали дворяне, изначально прочно связавшие свою судьбу с государственной службой и ориентировавшиеся на соблюдение порядка чинопроизводства. Сравнение данных о чинах отставных различных имущественных групп показывает, что наибольший удельный вес штаб-офицеров приходится на средних и крупных помещиков, а также на группу владельцев 70–100 ревизских душ. На эти же категории приходится и абсолютное большинство переводившихся к статским делам генералов (табл. 17).

Сопоставление частоты переводов в статскую службу служащих различных имущественных категорий (табл. 18) позволяет сделать вывод, что наибольшими преимуществами при переводе к статским делам пользовались средние и крупные помещики, которые переводились в управленческий аппарат в 1,4 раза чаще, чем мелкопоместные владельцы 21–100 ревизских душ, в 2,6 раза – владельцев 11–20 душ м.п. и в 3,7 раза – владельцев 1–10 ревизских душ.

17. *Соотношение чинов различных категорий военных, переведенных к статским делам в 1753 и*

ая группа	Чины						
	1753				1755		
	Унтер-офицеры и рядовые	Обер-офицеры	Штаб-офицеры	Генералитет	Унтер-офицеры и рядовые	Обер-офицеры	Штаб-офицеры
	37,5	54,2	8,1		46,8	46,8	6,4
стной земли						100	
п.	22,7	63,7	13,6		10,6	57,9	31,6
	18,2	81,8			17,9	60,7	21,4
	11,1	85,2	3,7		8,9	66,7	24,4
	11,1	77,8	11,1		10	55	35
	7,7	80,8	11,5		3,5	51,7	37,9
		50	50			25	50
							100

. Оп. 13. Кн. 403–405, 433–435.

лица 18. Пропорции различных категорий военных, переведенных к статским делам в 1753 и 175
по отношению к пропорциям соответствующих имущественных групп дворянства России*

руппа	1753			1755		
	В составе отставных	В составе всего дворянства	Соотношение пропорций	В составе отставных	В составе всего дворянства	Соотношение пропорций
.	20,4	32,1	0,63	13,0	32,1	0,40
	20,4	27,1	0,75	19	27,1	0,70
	33,3	28	1,2	44,2	27,7	1,6
	25,9	12,8	2,02	23,8	13,1	1,82

. Оп. 13. Кн. 403–405, 433–435.

Все вышеизложенное подкрепляет сделанные нами наблюдения об основных чертах воинской службы дворян в первой половине и середине XVIII столетия, но позволяет утверждать, что далеко не все военные спешили расстаться с государственной службой. На протяжении 1720–1750-х гг. в составе дворянства формируется значительная группа служащих, которые не могли существовать без государственного жалованья и тесно связывали свою жизнь со службой монархии. В соответствии с существовавшими законодательными нормами они последовательно проходили нижние ступени лестницы чинов, а затем в рангах старших обер-офицеров и штаб-офицеров переводились в статские ведомства и местное управление. В результате пополнение бюрократического аппарата дворянскими кадрами происходило главным образом за счет неимущих и малоимущих представителей сословия. Примерно седьмую часть из них составляли выходцы из непривилегированных слоев населения. Прошедшие хорошую школу военной выучки, прочно усвоившие писаные и неписаные законы службы и всецело зависимые от государства, они становились надежными звеньями бюрократической машины абсолютизма.

Темпы пополнения управленческого аппарата новыми кадрами в середине 1750-х гг. несколько превышали его реальные кадровые потребности. Как видно из материалов таблицы (прил. I), в 1753 и 1755 гг. к статским делам было переведено соответственно 123 и 320 военнослужащих. В те же годы из числа чиновников вышли в отставку соответственно 62 и 71 человек. Таким образом, приток кадров значительно превысил отток, и управленческий аппарат пополнился на 61 человека в 1753 и на 249 человек в 1755 г. Герольдмейстерская контора не была в состоянии трудоустроить всех желающих продолжать службу, поэтому некоторые из них "за отсутствием вакансий" получили отпуска домой "до указа" или "до появления вакансий" Обращает на себя внимание, что в 1755 г. приток отставных к статским делам в два раза превысил данные 1753 г. Поскольку в 1755 г. Россия стояла на пороге Семилетней войны, темпы притока отставных в этот год не могут быть показательны для всего десятилетия, поэтому для уточнения наших наблюдений требуется привлечение дополнительных материалов. Однако это не противоречит заключению о том, что в 1750-е гг. темпы притока новых кадров в аппарат управления превышали темпы увольнения чиновников и начинает появляться избыточное количество претендентов на службу в рядах бюрократии. Не исключено, что этот фактор учитывался в процессе подготовки манифеста о вольности как сторонниками, так и противниками освобождения дворянства от обязательной службы.

ОТСТАВНЫЕ СТАТСКИЕ СЛУЖАЩИЕ

Чиновники, служба которых проходила в более спокойных условиях, уходили в отставку значительно реже, чем военные. Из огромной армии российского чиновничества – 12,5 тыс. человек[116] – в 1753 г. уволилось 62, а в 1755 г. – 71 человек. Сведения об их составе приве-

Таблица 19. Соотношение возрастных интервалов и интервалов стажа чиновников различных имущественных категорий, вышедших в оставку в 1753 и 1755 гг.*

Имущественная группа	Возрастной интервал					
	1753			1755		
	15–45	46–55	56–75	15–45	46–55	56–75
Нет данных	25		75		50	50
Бескрестьянные			100	83,3		16,7
Владельцы поместной земли					50	50
1–10 душ. м.п.		50	50	37,5	25	37,5
11–20	14,3	42,8	42,9	33,3	33,3	33,4
21–69		28,6	71,4	23,8	23,8	47,6
70–100	42,8	28,6	28,6	50	50	
101–500	18,2	31,8	50	21,1	42,1	36,8
501–1000			100		100	
В среднем	14,6	29,0	56,4	29,6	32,4	38

Имущественная группа	Интервал стажа					
	1753			1755		
	1–25	26–35	36–55	1–25	26–35	36–55
Нет данных	50		50		25	75
Бескрестьянные			100	83,3		16,7
Владельцы поместной земли					50	50
1–10 душ м.п.		75	25	37,5	37,5	25
11–20	14,3	57,1	28,6	16,7	33,4	49,9
21–69		42,9	57,1	23,8	14,3	61,9
70–100	28,6	57,1	14,3	33,3	66,7	
101–500	22,7	22,7	54,6	26,3	36,8	36,8
501–1000			100		100	
В среднем	16,1	35,5	48,4	28,6	28,6	42,8

* РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 406, 407, 436–438.

дены в таблице (прил. II). Ее данные позволяют говорить, что 93,2% отставных представляли привилегированное сословие, из них 63,85% происходили из потомственного дворянства и не менее 18,8% были выходцами из разночинцев. 66,1% чиновников – т.е. абсолютное большинство – вышли в отставку в возрасте от 45 до 75 лет, в том числе 45,1% были старше 55 лет. Их средний возраст оказался примерно на десять лет больше, чем у военных, и составлял 53 года (табл. 19 и 20) и примерно на десять лет продолжительнее, чем у военных, – средний стаж достигал почти 34 лет. Колебания средних возраста и стажа по имущественным группам незначительны и не связаны с имущественным положением отставных (табл. 20). Большинство увольнявшихся в пол-

Таблица 20. Средние возраст и стаж чиновников, вышедших в отставку в 1753 и 1755 гг.*

Имущественная группа	Средний возраст			Средний стаж		
	1753	1755	В среднем	1753	1755	В среднем
Нет данных	55,5	55,5	55,5	35,5	36,7	36,1
	65,5	42,2	53,8	40,5	25,5	33
Владельцы поместной земли		55,5	55,5		35,5	35,5
1–10 душ м.п.	55,5	49,3	52,4	36,7	28	32,4
11–20	54,8	50,5	52,6	33	33,8	33,4
21–69	51,8	53,4	52,6	38	34,7	36,3
70–100	49,1	43	46,0	31,6	28	29,8
101–500	55	53,1	54,0	35,7	33	34,3
501–1000	60,5	50,5	55,5	43	28	35,5
В среднем	56,1	50,2	53	35,9	32	33,9

* Ф. 286. Оп. 13. Кн. 406, 407, 436–438.

Таблица 21. Относительная частота отставок чиновников*

Имущественная группа	1753		Соотношение пропорций
	В составе отставных	В составе всего дворянства	
Владельцы 1–10 душ м.п.	8,93	32,1	0,28
11–20	10,72	27,1	0,40
21–100	35,71	28	1,28
более 100	44,64	12,8	3,49

Имущественная группа	1755			Соотношение пропорций в среднем
	В составе отставных	В составе всего дворянства	Соотношение пропорций	
Владельцы 1–10 душ м.п.	13,5	32,1	0,42	0,35
11–20	10,2	27,1	0,38	0,39
21–100	42,4	27,7	1,53	1,4
более 100	33,9	13,1	2,6	3,03

* РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 406, 407, 436–438.

ную отставку (около 75%) имели достаточно высокие ранги, в том числе 45% принадлежало к штаб-офицерскому корпусу и генералитету. Весьма примечательно, что увольнялись из государственного аппарата главным образом помещики, имевшие собственные источники пропитания. Примерно 70% служащих данной категории принадлежало к мелким (34,6%), средним (32,3%) и крупным (2,3%) душевладельцам. Именно по этим категориям выявляется и наибольшая частота отставок.

Расчеты, приведенные в таблице 21 выявляют, что средние и крупные помещики уволнялись из рядов бюрократии в 2,2 раза чаще мелких помещиков, владевших 21–100 ревизскими душами; в 7,8 раза чаще владельцев 11–20 душ м.п. и в 8,6 раза чаще владельцев 1–10 душ м.п. Следует отметить, что доля бескрестьянных чиновников в составе отставных невелика – всего лишь 6%, хотя именно они составляли 61,8% в рядах бюрократии[117] Это свидетельствует о том, что большинство чиновников редко пользовались правом выхода в отставку, и подтверждает наблюдение С.М. Троицкого об огромной зависимости основной массы российского чиновничества от государственной службы, которая была для них основным источником существования[118]. Многие представители этой категории служащих выбывали из рядов бюрократии посмертно, о чем свидетельствуют многочисленные доношения, присылавшиеся в Герольдмейстерскую контору из провинций.

Все вышесказанное, а также рассмотрение мотивов отставок позволяет заключить, что увольнение от дел чиновников объяснялось не стремлением освободиться от бремени службы, а прежде всего нетрудоспособностью вследствие старости и болезни.

* * *

Формирование и эволюция шляхетской корпорации на протяжении первой половины и середины XVIII столетия проходили под воздействием непоследовательного изменения правительственной политики: от жесткого курса на мобилизацию максимального числа трудоспособных дворян на пожизненную военную и гражданскую службу в условиях введения единонаследия и доступа разночинцев в ряды привилегированного сословия до законодательного ограничения сроков службы, предоставления многочисленных льгот, облегчавших ее условия и сокращавших продолжительность, и, наконец, до отмены ее обязательного характера.

Наиболее существенными чертами эволюции, повлиявшими на особенности службы дворянства в этот период нам представляется его социальное обновление и имущественное расслоение. В результате реализации принципов "Табели о рангах" состав дворянства примерно на 9,4% обновился за счет выходцев из непривилегированных слоев, что отразилось на эволюции имущественной структуры сословия, увеличив в его составе число беспоместных и малопоместных дворян. Процесс имущественной дифференциации дворянства в 1730–1750-е гг. усиливался также после отмены майората и последовавшего за этим дробления поместий и их разорения вследствие отъезда призванных на службу хозяев. С другой стороны, имущественная поляризация усугуб-

лялась в результате крупных земельных пожалований эпохи дворцовых переворотов, итогом чего стало значительное увеличение доли средних и крупных помещиков в 1720–1770-е гг.

С отменой майората служебные обязанности многих дворян оказались в противоречии с их хозяйственными интересами и привели к конфликту между помещиками и правительством. Позиция правительства отразилась в жесткости законодательства об обязательной службе и многочисленных грозных указах против уклонявшихся от нее, в организации Сенатом строгой системы учета "дворянских кадров" и проведении их регулярных смотров; в затягивании не только на годы – на десятилетия обсуждения дворянских проектов о служебных привилегиях и, наконец, в попытках затормозить практическую реализацию вырванных уступок. Со стороны дворянства протест против официального курса проявился в массовом "нетчестве", случаях перехода в другие сословия после введения обязательной постоянной службы; в стремлении многих всеми правдами и неправдами сократить срок пребывания на службе, главным образом военной; в злоупотреблении отпусками и использовании всех способов для скорейшего перехода к статским делам; в настоятельных требованиях отмены обязательной службы, выдвигавшихся в проектах как рядового дворянства при восшествии на престол Анны Иоанновны, так и его придворных идеологов, ратовавших за интересы своего класса в Воинской комиссии Миниха и Уложенной комиссии Елизаветы Петровны и, наконец, в единодушной реакции на Манифест 31 декабря 1736 г. и впоследствии на Манифест Петра III.

Право личной свободы – естественная потребность любого гражданина. Однако применительно к служебным обязанностям не все категории дворян в одинаковой степени были заинтересованы в "освобождении" Анализ документов об отставках убеждает, что дворяне-чиновники, значительная часть которых зависела от получаемого жалованья, оставляли службу главным образом по старости и болезни при наличии собственных источников пропитания и вряд ли особенно тяготились служебными обязанностями.

Военнослужащие, напротив, представляются нам наиболее активной силой сопротивления правительственному курсу. Обязательная служба, даже ограниченная двадцатью пятью годами, на десятилетия отрывала помещика от дома и хозяйства, которое из-за его отсутствия приходило в упадок; опасные условия службы, особенно во время походов, создавали постоянную угрозу жизни дворянина, а неустроенность быта и скудный рацион питания приводили к широкому распространению в русской армии таких тяжелых болезней, как, например, чахотка и цинга. Поэтому большинство военных выходили в отставку израненными, изувеченными, страдающими рядом тяжких недугов. Хотя военная служба и позволяла быстрее подниматься по лестнице чинов и легче делать карьеру, однако для тех, кто не имел достаточных средств или связей, получение престижного ранга на этом поприще либо было бесперспективным, либо давалось слишком дорогой ценой. В обретении свободы от тяжелого военного тягла, безусловно, были

заинтересованы все без исключения категории служащих вне зависимости от их имущественного положения. Но, если более состоятельные категории и при сохранении служебных обязанностей изыскивали способы их облегчения, то для мелких помещиков, имения которых в отсутствие хозяев разорялись, "освобождение" было особенно актуальным.

В то же время отмеченные черты социальной эволюции дворянства – проникновение в его ряды разночинцев, не связанных в большинстве случаев хозяйственными интересами, а также интенсивное обнищание помещиков и появление значительного числа беспоместных и бескрестьянных дворян уже к середине XVIII столетия способствовали формированию кадрового резерва абсолютной монархии, что и предопределило основные черты реализации Манифеста о вольности в практике дворянской службы.

[1] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 180–222.

[2] Там же. С. 157.

[3] *Кабузан В.М., Троицкий С.М.* Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // История СССР. 1971. № 4. С. 164.

[4] О социальном происхождении отставных подробнее см. ниже, с. 112–113, 129, 145–146, прил. IV–VI.

[5] *Шепукова Н.М.* Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: 1963. Вильнюс, 1964. С. 390.

[6] *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1909. Т. 2. С.31–32.

Сведения о соотношении различных имущественных групп дворянства России, имеющиеся в трудах Н.М. Шепуковой и В.И. Семевского, позволяют заключить, что на протяжении 5 лет (с условно взятого 1722 по 1777 г.) доли различных категорий мелких помещиков ежегодно сокращались соответственно на 0,0049% (владельцы 1–10 душ м.п.), 0,0041% (владельцы 11–20 душ м.п.), и 0,124% (владельцы 21–100 душ м.п.) в то время, как доля средних и крупных помещиков ежегодно увеличивалась на 0,133%. Это позволяет вычислить пропорции различных слоев дворянства за каждый из рассматриваемых нами годов, что используется в настоящей работе при проведении статистического анализа. Расчетные материалы сгруппированы в приводимой ниже таблице.

[7] *Кушева Е.Н.* Дворянство // Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. М. 1954. С. 200.

[8] *Рабинович М.Д.* Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 160.

[9] *Голубцов И.А.* Дворянство // Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй четверти XVIII в. С. 80–81.

[10] *Кушева Е.Н.* Дворянство. С. 186–187.

[11] *Семевский В.И.* Указ. соч. Т. 2. С. 32.

Динамика пропорций различных имущественных групп русского дворянства за 1753, 1755, 1762–1771 гг.

Год	Имущественная группа, владельцы ревизских душ			
	1–10	11–20	21–100	более 100
1753	32,1176	27,1008	27,9664	12,8152
1755	32,1078	27,0924	27,7192	13,0806
1762	32,0735	27,063	26,854	14,0095
1763	32,0686	27,0588	26,7304	14,1422
1764	32,0637	27,0546	26,6068	14,2749
1765	32,0588	27,0504	26,4832	14,4076
1766	32,0539	27,0462	26,3596	14,5403
1767	32,049	27,042	26,236	14,673
1768	32,0441	27,0378	26,1124	14,8057
1769	32,0392	27,0336	25,9888	14,9384
1770	32,0343	27,0294	25,8652	15,0711
1771	32,0294	27,0252	25,7416	15,2038

[12] *Коган Ю.Я.* Дворянство // Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. М., 1956. С. 80.

[13] *Шепукова Н.М.* Об изменении размеров душевладения... С. 388.

[14] *Голубцов А.И.* Дворянство С. 82–83; *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 130, 141.

В мемуарах А.Т. Болотова есть любопытный рассказ о предыстории его женитьбы. Рассуждая о преимуществах брака с одной из двух представленных ему девушек, он, владелец 50 ревизских душ, полагал, что приданое в 50 душ, отдаваемое за одной, слишком уж мало, а в 100 душ, обещанное за другой, пусть и не очень велико, но вполне достаточно. См.: *Болотов А.Т* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков. СПб., 1871. Т. 2. С. 373, 429.

[15] ПСЗ. Т. 10. № 7201. С. 43–45.

[16] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 529. Л. 63–64, 370–371.

[17] *Jones R.* Rhe imancipation of the Russian Nobility: 1762–1785. Princenton, 1974. P. 59–60.

[18] *Болотов А.Т.* Указ. соч. С. 355; *Данилов М.В.* Записки артиллерии майора, написанные им в 1771 г.: 1722–1762. Казань, 1913. С. 13–14; *Винский Г.С.* Мое время: Записки. СПб., 1914. С. 27.

[19] *Винский Г.С.* Указ. соч. С. 28.

[20] *Дружинин Н.К.* Логика оценки статистических гипотез. М., 1973. С. 121–147.

[21] Цит. по: *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973. С. 76.

[22] ПСЗ. Т. 10. № 7201. С. 43–45.

[23] ПСЗ. Т. 8. № 5976. С. 643; № 6127. С. 887; № 6188. С. 928–930.

[24] *Смирнов Ю.Н.* Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989. С. 90.

[25] ПСЗ. Т. 9. № 6468. С. 643; Т. 10. № 7707. С. 671–672; № 7771. С. 742–743; Т. 11. № 8344. С. 366–367; *Смирнов Ю.Н.* Указ. соч. С. 91.

[26] *Винский Г.С.* Указ. соч. С. 44.
[27] *Смирнов Ю.Н.* Указ. соч. С. 89.
[28] ПСЗ. Т. 9. № 6468. С. 193.
[29] *Смирнов Ю.Н.* Указ. соч. С. 11, 88, 94, 96.
[30] *Геруа А.* Суворов-солдат. СПб., 1900. С. 9–11.
[31] *Смирнов Ю.Н.*.Указ. соч. С. 89.
[32] Там же С. 100.
[33] Там же. С. 80.
[34] См. например: *Болотов А.Т* Указ. соч. Т. 1–4.
[35] Там же. СПб., 1870. Т. 1. С. 76.
[36] Там же. С. 78.
[37] Там же. С. 98.
[38] Там же. С. 273.
[39] Там же. С. 278, 309–310, 325–326, 990; Т. 2. СПб., 1871. С. 131–133, 136.
[40] Там же. Т. 2. С. 338.
[41] Там же. Т. 4. СПб., 1873. С. 70, 73–74, 87–88.
[42] *Державин Г.Р* Записки. М., 1860. С. 16.
[43] Там же. С. 19.
[44] Там же. С. 27.
[45] Там же. С. 36.
[46] *Винский Г.С.* Указ. соч. С. 47.
[47] *Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 127.
[48] *Болотов А.Т.* Указ. соч. Т. 1. С. 147, 974; *Данилов М.В.* Указ. соч. С. 25–26.
[49] *Болотов А.Т.* Указ. соч. Т. 1. С. 147.
[50] РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 403–405, 433–435.
[51] ПСЗ. Т. 6. № 3937. С. 540; Т. 7. № 4166. С. 23–24; Т. 11. № 8701. С. 762–764; № 7142. С. 1022. С. 34.
[52] *Болотов А.Т.* Указ. соч. Т. 1. С. 974; *Данилов М.В.* Указ. соч. С. 26.
[53] *Данилов М.В.* Указ. соч. С. 28–29, 32, 36, 39.
[54] Там же. С. 44, 65, 67.
[55] Там же. С. 69, 72–73.
[56] Там же. С. 72–73.
[57] Там же. С. 76, 77.
[58] ПСЗ. Т. 15. № 11408. С. 889.
[59] `РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 404. Л. 353–369.
[60] Там же. Л. 360.
[61] Там же. Л. 365.
[62] Там же. Л. 1011–1025.
[63] Там же. Кн. 434. Л. 1066–1067, 1101.
[64] Там же. Кн. 435. Л. 1247–1250.
[65] Там же. Кн. 434. Л. 1086–1087, 1101.
[66] Там же. Кн. 434. Л. 666–683.
[67] Там же. Кн. 434. Л. 913–920.
[68] Там же. Кн. 527. Л. 239.
[69] Там же. Кн. 507. Л. 190–202.
[70] Там же. Кн. 519. Л. 222–223об., 226об., 228–230, 306–311.
[71] Там же. Кн. 514. Л. 217, 218.
[72] *Болотов А.Т.* Указ. соч. Т. 1. С. 137–138, 265–266.
[73] Там же. С. 275.
[74] *Данилов М.В.* Указ. соч. С. 25–26.

[75] ПСЗ. Т. 10. № 7707. С. 671–672.
[76] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 507. Л. 685–686об.
[77] Там же. Л. 506, 328–329об.
[78] Там же. Кн. 511. Л. 90–91, 93, 95–96.
[79] Там же. Кн. 506. Л. 565–566.
[80] Там же. Кн. 507. Л. 265–266.
[81] Там же. Кн. 506. Л. 652–654, 662–663, 666.
[82] Там же. Л. 463.
[83] Там же. Л. 197–198об.
[84] Там же. Кн. 515. Л. 226.
[85] Там же. Кн. 506. Л. 218–218об.
[86] Там же. Кн. 514. Л. 440.
[87] Там же. Кн. 515. Л. 963–964 об.
[88] Там же. Л. 329–344.
[89] Там же. Л. 790–791об.
[90] Там же. Кн. 527. Л. 778–780.
[91] Там же. Л. 236.
[92] Там же. Кн. 542. Л. 419; Кн. 551. Л. 494, 495.
[93] Там же. Кн. 506. Л. 215–216об.
[94] Там же. Л. 554–555.
[95] Там же. Л. 567–568.
[96] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 4. С. 395.
[97] *Демидова Н.Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 227. 238–239.
[98] РГАДА. Ф. 286. Оп. 10: 1737. Кн. 205. Л. 22–26.
[99] Там же. Л. 48–56.
[100] Там же. Л. 527–530.
[101] Там же. Л. 527.
[102] Там же. Л. 529.
[103] Там же. Л. 572.
[104] Там же. Л. 580.
[105] Там же. Оп. 14. Кн. 516. Л. 56–62, 64–68.
[106] Там же. Оп. 13: 1753. Кн. 433. Л. 435–448.
[107] Там же. Кн. 535. Л. 190–197.
[108] Там же. Кн. 533. Л. 457–469.
[109] Там же. Л. 104–105об.
[110] Там же. Л. 25–298.
[111] Там же. Кн. 536. Л. 126–147.
[112] Там же. Кн. 535. Л. 38–51.
[113] Там же. Кн. 434. Л. 389–398.
[114] Там же. Кн. 511. Л. 356–374.
[115] Там же. Кн. 506. Л. 193–194.
[116] *Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 176.
[117] Там же. С. 266.
[118] Там же.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕАЛИЗАЦИЯ МАНИФЕСТА О ВОЛЬНОСТИ В ПРАКТИКЕ ДВОРЯНСКОЙ СЛУЖБЫ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

ПЕРВЫЙ ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ МАНИФЕСТА

18 февраля 1762 г. спустя неполных два месяца после вступления на престол императора Петра III, увидел свет знаменитый манифест "О даровании вольности и свободы всему дворянству", которым император жаловал "отныне и впредь на вечные времена и в потомственные роды всему российскому благородному дворянству вольность и свободу"[1].

С этого времени дворянин стал независимым от государства в выборе своей судьбы. Он мог предаваться наукам и искусствам, заниматься сельским хозяйством или творческой деятельностью, поступать на военную или статскую службу и пребывать в ней "сколь долго пожелает", и никто не мог принуждать его "ни к каким земским делам", кроме как за подписанием императорской руки. Несколько десятков человек, однако, должны были избираться местными дворянскими обществами для постоянного пребывания при Сенате и коллегиях. Новый закон позволял дворянам свободно выезжать в любые европейские страны и служить у коронованных особ или прочих владетелей. Отставные дворяне по желанию могли вновь вернуться к делам.

Упраздняя на деле принудительный характер службы, Манифест призывал дворян продолжать служить отечеству и сделать "радение о добре общем" краеугольным камнем кодекса дворянской чести. Он повелевал "уклоняющихся от службы презирать и уничтожать всем нашим верноподданным и истинным сынам отечества, и ниже ко Двору Нашему приезд, или в публичных собраниях и торжествах терпимы будут", а также сохранял обязанность получать "пристойное благородному дворянству", образование и требовал от родителей информировать местные власти и Герольдию о ходе обучения детей с двенадцатилетнего возраста[2].

Удовлетворив многолетние чаяния высшего сословия, Петр Федорович вправе был рассчитывать на его благодарность и успел почувствовать искреннюю признательность основной массы дворян. Другие же его начинания: указ о свободе внешней торговли, запрет покупать деревни к фабрикам и заводам, секуляризация церковных и монастырских имений, означавшая перевод крепостных крестьян в категорию государственных, запрет притеснять раскольников – могли обеспечить ему прочные симпатии и непривилегированных сословий российского общества. Но те же начинания наталкивались на противодейст-

вие части высшего чиновничества, офицерства и преобладающего большинства клириков.

Грубые ошибки во внешней политике, неосторожное вмешательство в каноническую жизнь православной церкви, демонстрация симпатий к лютеранству, вызывавшие нарушение этических норм дворцовой жизни, вызывали чувство разочарования даже у доброжелателей нового императора, а открыто заявленная им идея реорганизации гвардейских полков предопределила поддержку гвардейцами ангальтцербской принцессы в дни переворота 28 июня – 6 июля 1762 г.

Екатерина II, подобно Петру I, считала службу монарху главной обязанностью дворянина и была против отмены ее обязательного характера[3]. В то же время она опасалась идти на конфликт с дворянством и не могла решиться на отмену такой исключительно важной для шляхетства привилегии, какой являлся Манифест Петра III. Поэтому в первые месяцы своего правления императрица пыталась обойти молчанием вопрос о дворянской вольности, не отменяя и не подтверждая ее, но декларируя в указах свою приверженность защите прав и привилегий дворянства[4]. Даже в манифесте от 22 сентября 1762 г. "О подтверждении российскому войску прав и преимуществ, дарованных императрицей Елизаветой Петровной" эта важнейшая для правящего сословия привилегия оказалась преданной забвению. В то же время сентябрьский манифест недвусмысленно осуждал тех, кто, забыв о чести и долге перед государством, спешил уйти в отставку, ослабляя армию[5].

Первые декларации Екатерины позволили ей повременить с признанием вольности, но не могли снять проблему. В среде дворянства зрело недовольство. Осенью 1762 г. об этом сообщали в своих депешах иностранные дипломаты[6]. Подтверждала это и сама императрица – в записке Н.И. Панину: "Я запамятовала давеча Вам сказать, что не много роптания меж дворянства о неконфирмации их вольности и надлежит о том не позабыть приступ сделать"[7] По предположению С.М. Троицкого, эта недатированная записка была написана в начале 1763 г.[8]

11 февраля 1763 г. императрица подписала именной указ об учреждении Комиссии о вольности дворянства, с тем, чтобы она рассмотрела "акт, которым император Петр III дал вольность благородному российскому дворянству" Однако, предлагая членам Комиссии подумать "о приведении его содержания в лучшее совершенство"[9], Екатерина II призывала "учредить такие статьи, которые бы наивящше поощряли... честолюбие к пользе и службе нашей и нашего любезного отечества"[10].

Созывая Комиссию и включая в ее состав наиболее влиятельных защитников сословных привилегий помещиков, тесно связанных со столичным дворянством, императрица стремилась показать общественному мнению, что сочувственно относится к дворянским притязаниям и "не только сохраняет российское дворянство при той свободе, которую уже оно от бывшего императора Петра III получило", но и намерена предпринять меры по расширению его вольностей[11]. На деле же она пыта-

лась осторожно противодействовать реализации новой нормы. На ограничение массовых отставок была нацелена резолюция Сената от 20 августа 1762 г., запрещавшая определять к делам вечно отставных и, следовательно, дискриминировавшая пункт 3 Манифеста[12]. Первую годовщину "вольности" Екатерина отметила выступлением в Сенате 17 февраля 1763 г., в котором запретила представлять к отставке чиновников, которые не предъявят "аттестата о беспорочной службе"[13]. А 8 марта того же года последовал указ, запрещавший производить в офицеры малолетних, что ограничивало выход в отставку тех, кто не имел обер-офицерского чина и по п. 8 Манифеста должен был служить 12 лет[14].

Члены Комиссии, идя вразрез с пожеланиями императрицы, высказались за необязательность дворянской службы и предложили ограничиться лишь моральными средствами для ее стимулирования. Деятельность представителей дворянства была оценена императрицей отрицательно. "Права дворянства российского", сформулированные Комиссией, не были утверждены Екатериной, а само высокое совещание было распущено[15]. Право "вольности" вновь не было конфирмовано. Однако единодушная его защита Комиссией показала невозможность дальнейшего противодействия его применению. С молчаливого согласия Екатерины с 1763 г. новая норма стала активно реализовываться в практике делопроизводства Герольдмейстерской конторы. Окончательный отказ Екатерины II от противодействия отставкам военных приходится на сентябрь 1763 г., когда она вынуждена была согласиться и "высочайше утвердить" доклад вице-президента Военной коллегии З.Г. Чернышева о необходимости перевода армии в положение "мирного времени" и о сокращении ее на 9200 человек[16]. Вопрос о привилегиях дворянства (их расширении и окончательном законодательном оформлении) оставался открытым. Его обсуждение было продолжено сначала в созданной в декабре 1763 г. Комиссии о коммерции, затем в Уложенной комиссии и, наконец, спустя двадцать три года, в 1785 г. завершилось изданием Жалованной грамоты дворянству.

Если дворянство не увидело практических результатов работы Комиссии о вольности дворянства, то для новой правительницы ее восьмимесячная деятельность имела немалый смысл, поскольку позволила познакомиться с настроениями и пожеланиями дворянства, успокоить общественное мнение и благодаря этому выиграть время для подготовки мероприятий, способных "поощрять честолюбие к пользе и службе любезного отечества" К таким мероприятиям следует отнести утверждение новых, расширенных штатов центральных и местных учреждений, увеличение жалованья государственным служащим, назначение жалованья служащим всех категорий (декабрь 1763 г.)[17], расширение полномочий и укрепление власти губернатора (апрель 1764 г.)[18], а также утверждение новых пенсионов для генералитета (апрель 1763 г.)[19], введение пенсионов для отставных офицеров (февраль 1764 г.) и чиновников, прослуживших 35 лет (июнь 1764 г.)[20]. Совсем не случайно подготовка этих мероприятий совпадала по вре-

мени с обсуждением вопроса о секуляризации монастырских вотчин[21], ведь именно из средств вновь созданной Коллегии экономии предполагалось выплачивать пенсионные суммы[22] и средства на содержание малоимущих штаб- и обер-офицеров и их семей, а также вдов и сирот военнослужащих, инвалидных домов и приютов[23]. Защита интересов и укрепление позиций дворянства осуществлялись за счет перераспределения материальных богатств между государством и церковью в пользу государства.

* * *

Отмеченные обстоятельства привели к тому, что в первые месяцы процесс внедрения нового указа проходил противоречиво. С одной стороны, как отмечают некоторые челобитчики, уже весной 1762 г. в армейских полках собирали прошения у всех, желавших получить отставку или изменить характер службы[24]. С другой стороны, Сенат явно воздерживался от широкого предоставления отставок на основании Манифеста. Возможно, именно поэтому из общего числа военных, уволившихся со службы в 1762 г., лишь 18 человек (3,8%) аргументировали увольнение новой нормой. Остальные объясняли отставку другими причинами (см. прил. III). Примечательно, что в делах, оформлявшихся явно по протекции, сами ходатаи редко апеллировали к "вольности" Например, Манифест не был упомянут в деле М. Рыкачева, обер-штер-кригс-комиссара, бывшего в заграничной армии при походном комиссариате, владельца 150 ревизских душ. Об его отставке с награждением чином и пенсионом 21 марта 1762 г. хлопотал перед Петром III генерал-прокурор А.И. Глебов. На следующий день М. Рыкачев был пожалован в отставку генерал-майором[25]. Не упоминался Манифест и в деле мелкопоместного дворянина, тридцатичетырехлетнего флигель-адъютанта штаба М.М. Голицына Ф.Ф. Вындомского, который в мае 1762 г. был представлен Сенату самим М.М. Голицыным для отставки "за цынготною и почечно-каменной болезнями" 7 августа Вындомский был отставлен на свое пропитание коллежским асессором[26]. Чиновники Герольдмейстерской конторы опускали ссылки на Манифест и в тех случаях, когда они имелись в прошениях самих челобитчиков. Так, в марте 1762 г. сорокадвухлетний прапорщик С.М. Козлов, пребывавший "в отпуску в доме", челобитьем просил об отставке за болезнями и "в силу именного указа сего 1762 г." Прошение было удовлетворено, и С.М. Козлов получил отставку на свое пропитание "за болезнями". Однако при ее обосновании Герольдией Манифест упомянут не был[27]

А.Т. Болотов отмечает в своих мемуарах, что весной и летом 1762 г. "получить отставку было не можно и необходимо долженствовало дожидаться наперед месяца сентября, с которого дозволено только проситься в отставку"[28]. Сам же Андрей Тимофеевич подал свое прошение значительно раньше – в мае 1762 г. – и получил "добро" Правда, он воспользовался при этом покровительством одного из членом Военной коллегии[29].



А. Рослен.
Портрет генерал-фельдмаршала.
З.Г. Чернышева. Ок. 1776 г.



Неизвестный художник
второй половины XVIII в.
(круг Ф.С. Рокотова):
Портрет А.И. Глебова. 1770-е гг.

Но даже такой педантичный мемуарист, как А.Т. Болотов, ошибается, утверждая, что лишь с сентября 1762 г. Манифест о вольности вступил в силу. Уже 27 марта 1762 г. Герольдмейстерская контора оформляет отставку сорокалетнего прапорщика З.Т. Дурасова, владельца 240 ревизских душ, на основании нового положения о службе[30].

Понять механизм оформления отставок в этот период для тех, кто не имел двадцатипятилетней выслуги, помогает рассказ А.Т. Болотова, который, узнав о вольности дворянской, решил как можно скорее уволиться со службы. Для подкрепления челобитья он предусмотрительно заручился поддержкой своего покровителя, члена Военной коллегии генерала Яковлева. Процедура отставки состоялась 24 мая 1762 г., "когда, – как пишет Болотов, – назначен был для нас всех, просившихся тогда в отставку, смотр, и мы должны были поодиночке входить в присутственную комнату и показывать себя господам членам. Смотр сей для некоторых из означенных к оному был неблагоприятен. Они выходили из судейской с огорченными и печальными лицами и сказывали, что им было для разных причин отказано. Я трепетал тогда духом, боясь, чтобы не последовало того же и со мною, и минута, в которую предстал я пред господ решителей моего жребия, была для меня самая тяжкая: я стоял ни жив ни мертв, когда они меня осматривали с головы до ног, и бывший первым членом, генерал-поручик Караулов, стал говорить другим, что мне в отставку бы еще и рано, и я слишком еще молод.



Неизвестный художник
первой половины XIX в.
Портрет Д.И. Фонвизина



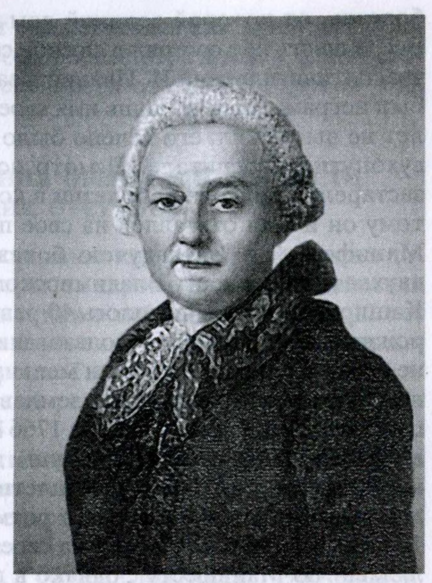
А.А. Василевский.
Портрет Г.Р. Державина.
Нач. XIX в.

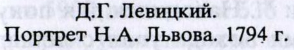
Вся кровь во мне взволновалась при услышании сего слова, а сердце затрепетало так, что хотело выскочить из груди моей, но по счастию, г. Яковлев не долго дал мне страдать в сем мучительном состоянии. Он, обратясь к г. Караулову, сказал: "Он ведь просится на свое пропитание, так для чего ж не отпускать нам его?" И не дождавшись его ответа, а обратясь ко мне, спешил громко произнесть то важное и толико ободрившее меня слово: "С богом! С богом! когда на свое пропитание!" А как то же повторил уже и господин Караулов, то я, сделав им преннизкий поклон, вышел из судейской, сам себя не вспомнив от радости и удовольствия". 14 июня 1762 г. А.Т. Болотов получил документы об отставке и таким образом в возрасте двадцати четырех лет в чине капитана, имея за плечами четырнадцатилетнюю выслугу, "сделался свободным и вольным навсегда человеком"[31].

Дело Дурасова и приведенный рассказ А.Т. Болотова позволяют говорить о том, что Манифест о вольности дворянской, по существу, начал действовать сразу после обнародования. Но в 1762 г. право пользоваться им еще выступало своеобразной привилегией, доступной лишь избранным.

Освобождение было воспринято дворянством как безусловная норма, хотя формально таковой не являлась. Действие Манифеста ограничивалось для военных на время кампаний и за три месяца до их начала, а также для тех, кто не имел обер-офицерского чина и для получения отставки должен был прослужить двенадцать лет[32]. Докумен-





Д.Г. Левицкий.

Портрет Н.А. Львова. 1794 г.

Неизвестный художник XVIII в.
Портрет А.Т. Болотова

ты Герольдмейстерской конторы показывают, что на деле Военная коллегия без труда обосновывала отставки всех желающих. Приведем несколько примеров. 23 декабря 1764 г. на свое пропитание были отпущены двадцатичетырехлетний каптенармус Астраханского карабинерного полка, имевший четырехлетнюю выслугу П. Карамышев, за отцом которого значилось 64 души м.п.[33], а также служащие Нарвского карабинерного полка тридцатипятилетние владельцы 5 ревизских душ, состоявшие оба в службе по одиннадцать лет карабинер И. Бакшеев[34] и гефрейт-капрал Х. Елшин[35]. При оформлении документов всех троих обязали найти такие обоснования отставки, как болезни, слабость здоровья и т.д. Особых оговорок потребовало и увольнение в декабре 1764 г. сорокапятилетнего ротного квартирмейстера Киевского кавалерийского полка Л. Глебова, за отцом которого числилось 16 душ м.п. Имевший лишь десятилетнюю выслугу, он, хотя и был отпущен на свое пропитание, однако "так как не выслужил еще указанного времени и неясно, почему оставляет службу, то его следует освидетельствовать при команде"[36]. Аргументировать отставку не только ссылкой на Манифест, но и состоянием здоровья потребовалось и сорокадвухлетнему капралу Нотебургского пехотного полка, владельцу 6 душ м.п. Я. Калмыкову, уволенному в декабре 1765 г. "за цинготною болезнью и что языком картав"[37]. В резолюции об отставке сержанта Великолуцкого пехотного полка С. Раменкова, состоявшего в службе восемь лет, значилось: "Хотя положенных по Манифесту о вольности дворянской лет еще не выслужил, от воинской и статской службы отставить вовсе на свое пропитание, так как имеет скрытую застарелую цинготную

болезнь, от которой великий лом в руках и ногах имеет и удушье"[38]. Всего шесть лет состоял в службе сержант Киевского пехотного полка, двадцатипятилетний И. Иванчин, за которым числилось 15 душ м.п. Он был неграмотным и "лишь имя свое подписывал". А поскольку указных лет не выслужил, его велено было освидетельствовать в Генеральном сухопутном госпитале. Осмотр показал, что "от раны на ноге и по застарелой цинготной болезни в костях лом и одышка происходит", по тому он и был отставлен на свое пропитание[39]. 17 декабря 1766 г. "по Манифесту" и "за падучею болезнью" получил отставку двадцатидвухлетний сержант Владимирского полка И. Лихарев, за которым в Каширском уезде числилось 40 ревизских душ[40]. Подобного рода осторожные оговорки при использовании Манифеста Петра III обнаружены не только в делах мелких и мельчайших помещиков унтер-офицеров, но и в документах крупных землевладельцев, состоявших в обер-офицерских рангах. Так, в апреле 1766 г. Герольдией рассматривалось дело владельца 2700 ревизских душ, девятнадцатилетнего З. Хитрова, вступившего в службу в шестилетнем возрасте в 1753 г. Спустя десять лет юноша был произведен в ротмистры лейб-кирасирского полка, а 10 апреля 1766 г. отставлен на свое пропитание. Хотя отставка оформлялась "по Манифесту", однако в данном случае потребовалось обосновать ее и слабым состоянием здоровья: "...Находился для покупки подъемных для полку лошадей. Во время похода упал с лошади и разбил себе грудь, имеет великую болезнь, от которой хотя и пользован, но свободы не получил и службу нести не в состоянии"[41]. Подобное же, хотя и менее конкретное обоснование потребовалось представить и другому крупному помещику, владельцу 1800 душ м.п. А. Нарышкину, который начал службу при императорском дворе в 1757 г. через пять лет был выпущен в армейские полки поручиком, а 19 мая 1766 г. в двадцатилетнем возрасте был отставлен "по Манифесту о вольности дворянской и за слабостью здоровья" капитаном[42].

Требование двенадцатилетней выслуги унтер-офицерам для получения отставки не отменялось на протяжении всего правления Екатерины II, однако, как утверждал Г.Р. Державин, "дворянство себя утесненным не считало, и выходило из службы под видом болезней, когда хотело..."[43].

Еще одно, столь же условное ограничение вольности связано с появлением большого количества отставных неимущих дворян после издания Манифеста. Не имея собственных источников существования и потеряв государственное жалованье, они осаждали Сенат просьбами определить к делам для пропитания или скитались и бродяжничали по стране. С целью ограничить поток таких отставных в 1764 г. издается указ, который требовал, чтобы неимущих помещиков, имевших за собой менее 20 ревизских душ, отпускали в отставку при условии предоставления подписки "о непрошении впредь пропитания"[44]. Однако, как это будет показано ниже, это не сократило поток неимущих, возвращающихся к делам.

Несмотря на отмеченную противоречивость реализации новой нормы на первых порах и некоторые ограничения, Манифест о воль-

ности постепенно входил в жизнь и осмысливался как важнейшая сословная привилегия дворянства. Этот процесс отразился, с одной стороны, на изменении ежегодной численности отставок, с другой – на эволюции их аргументации.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ И ОБОСНОВАНИЯ ОТСТАВОК

Общие результаты движения дворянских кадров, отраженные в документах Герольдмейстерской конторы, за первые десять лет действия "вольности" обобщены в приводимых ниже таблицах. Таблица 22 позволяет представить основные итоги изменения численности различных категорий отставных в изучаемое время. Таблица 23 дает возможность сопоставить эту картину со средними результатами обработки аналогичных материалов за 1753 и 1755 г.

Из таблиц видно, что волна отставок начинает подниматься уже в год обнародования Манифеста, достигает своего гребня в 1764–1766 гг., а затем к началу русско-турецкой войны постепенно снижается и лишь в 1770 г. вновь идет вверх. За период с 1762 по 1771 г. с государственной службы уволилось в общей сложности 7496 человек. Из них 5902 военных и 636 чиновников уволились на свое пропитание; 688 дворян, уволенных из воинской службы, были переведены в управленческий аппарат, а 31 отставной чиновник выразил желание служить в армии; 114 человек были определены на пропитание к монастырям и 125 человек отставлены с пенсионом. Таким образом, основную массу отставных (87,9%) составили военные. В первые шесть лет действия Манифеста количество их отставок ежегодно в 2,6–5,6 раза превышало уровень 1750-х гг., и за десять лет составило почти шесть тысяч человек. Такие кадровые потери не могли не оказаться чувствительными для вооруженных сил России. По нашим приблизительным подсчетам численность офицерского корпуса, включая генералитет, в первой половине 1760-х гг. составляла около 10 000 человек в сухопутных войсках и 1320 – на флоте и в Адмиралтействе[45] при общей численности армии 303 529 и флота – 17 588 человек[46]. Как показано выше, среди военных, вышедших в полную отставку с 1762 по 1771 г., офицеры составили 5413 человек, т.е. 47,8% офицерского корпуса (см. прил. IV). Поэтому опасения правительства, и в первую очередь Екатерины II, относительно отрицательных последствий Манифеста Петра III для государства вполне объяснимы, так же как и стремление государства ограничить на практике действие "вольности" 12-летней выслугой.

Тот же документальный материал заставляет считать преувеличением сообщения мемуаристов и утверждения историков о бегстве со службы чиновников после 1762 г. Максимальное число уволившихся из бюрократического аппарата наблюдалось в 1764 г. и составило 110 человек, что всего лишь на 43 человека, или в 1,7 раза, превысило средний уровень 1750-х гг. Статистика свидетельствует, что Манифест о вольности не только не мог стать причиной "притока разночинцев в государственный аппарат"[47], но, напротив, усилил наметившуюся еще в



Таблица 22. Динамика численности отставных в 1762–1771 г.*

тставных	1762	1763	1764	1765	1766	1767	1768	1769	1770	17
ную отставку										
	473	708	820	917	1010	754	322	141	619	13
	58,4	78,9	68,2	87,5	88,6	80,3	79,9	73,8	93,2	6
	77	70	110	86	76	84	60	27	26	2
	9,5	7,8	9,2	8,2	6,7	9	4,9	14,1	3,9	
денные и	219	86	208	22	34	64	8	16	5	2
	26,9	9,6	17,3	2,1	3	6,8	2	8,4	0,8	1
веденные и	10	3		9	2	3	2		2	
	1,2	0,3		0,9	0,2	0,3	0,5		0,3	
пропитания огадельни	24	14	64	3	4	3	2			
	3	1,6	5,3	0,3	0,3	0,3	0,5			
нсионом	8	16		11	14	31	9	7	12	1
	1	1,8		1	1,2	3,3	2,2	3,7	1,8	
	814	897	1202	1048	1140	939	403	191	664	19
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	10
лужбе	21	49	45	44	54	136	83	86	63	6
	3,8	6,3	4,8	4,4	5,0	16,2	21,7	51,2	9,8	3

б. Оп. 13. Кн. 403–407; Оп. 14. Кн. 505–511, 513–525, 527–532, 534–538, 540–543, 546–548, 550–555, 557–560, 562

Таблица 23. Сравнительная динамика численности отставных в 1762–1771 гг. относительно численности отставных в 1750-е гг.

Группа отставных	1762	1763	1764	1765	1766	1767
Военные	2,6	3,9	4,5	5,0	5,6	4,1
Чиновники	1,2	1,1	1,8	1,4	1,2	1,4
Переведены к статским делам	1,5	0,6	1,4	0,15	0,24	0,44
Определены в монастыри	3	1,75	8	0,38	0,5	0,38
Всего	2,0	2,3	3	2,6	2,9	2,4

Группа отставных	1768	1769	1770	1771	В среднем за год
Военные	1,8	0,8	3,4	0,7	3,24
Чиновники	0,56	0,44	0,42	0,32	1,03
Переведены к статским делам	0,06	0,11	0,04	0,18	0,48
Определены в монастыри	0,25				1,43
Всего	1,2	0,48	1,7	0,5	1,89

середине 1750-х гг. политику ограничения их проникновения в состав бюрократии, поскольку вызвал значительные масштабы пополнения последнего за счет отставных военных.

За десять лет действия Манифеста в отставку вышли 636 чиновников. За то же время к статским делам были переведены 688 военнослужащих и возвратились к делам 642 отставных, что составило 1330 человек. Таким образом, в аппарате управления выразили желание служить дополнительно 694 бывших офицера. Если до конца 1750-х гг. правительство допускало насильственное привлечение отставных к делам местного управления, то в ходе реализации дворянской вольности оно столкнулось с необходимостью решения не менее сложной проблемы – трудоустройства всех "волонтеров" Попытки правительства ограничить переводы военных в статскую службу, о чем будет сказано ниже, привели к тому, что эта категория дел постепенно исчезла из документов Герольдмейстерской конторы и слилась с делами о возврате к делам из отставки.

* * *

По мере реализации Манифеста о вольности в практике государственной службы менялась аргументация отставки дворянами. До отмены обязательной службы, как отмечалось выше, уволиться в отставку можно было лишь на основании медицинского свидетельства о нетрудоспособности из-за болезней, ран, "старости и дряхлости", а также по особому ("именному") указу императора; в случае совершения должностных проступков или служебной непригодности дворянина

могли отстранить от дел и принудительно. Манифест 18 февраля 1762 г. ввел новое юридическое основание для увольнения от дел. На протяжении первой половины 1760-х гг. оно постепенно входит в практику делопроизводства Герольдии. Проследить этот процесс позволяют статистически обработанные данные "Герольдмейстерской конторы" Чиновники, как мы видели, не воспользовались столь широко "освобождением" и значительно реже обосновывали им увольнение от дел[48], поэтому в своем анализе мы обратимся к документам военнослужащих.

Из общего числа 5902 дел об отставках военных за 1762–1771 гг. обоснование увольнений содержится в 4366 делах (74%). Эта совокупность, рассматриваемая нами как естественная выборка, и является предметом исследования. Результаты обработки материала сгруппированы в таблице (см. прил. III). Они показывают, что с 1762 по 1771 г. по новому закону отставку оформили 3021 человек (69,2%); на нетрудоспособность сослались 762 человека (17,4%); совокупной нормой – и нетрудоспособностью, и "Манифестом" – аргументировали увольнение 541 человек (12,4%); 14 военных (0,32%) были уволены именными указами и 17 человек (0,38%) – принудительно. Таким образом, ведущим основанием выхода в отставку военных в 1760-е гг. стало право вольности.

Однако процесс осмысления новой нормы проходил постепенно. В 1762 г., когда она только начинала входить в силу, ею аргументировали отставку лишь 18 человек, т.е. 3,8% всех отпущенных на свое пропитание; на нетрудоспособность сослались 66,2% отставных; 22% выдвинули обе причины.

В 1763 г. отменой обязательной службы воспользовались уже около 40% уволенных, третья часть (33%) выдвигала совокупное основание – "болезнь, Манифест", и лишь четвертая часть (25,2%) сослалась на "болезнь, старость и дряхлость"

В дальнейшем, с 1764 по 1768 г. от 75 до 92%, т.е. абсолютное большинство военнослужащих, уволилось со службы "по Манифесту"; доля ссылавшихся на "старость" или "болезнь" сократилась в среднем за год до 2–11%; а на "болезнь, старость, Манифест" – до 4,8–14,7%. Следовательно, о массовой аргументации дворянских отставок вольностью можно говорить начиная с 1764 г., а 1763 г. стал переходным в этом процессе.

Сопоставление обоснования отставок у дворян различных имущественных групп обнаруживает их определенную зависимость от размеров душевладения. Быстрее, активнее и решительнее других отреагировали на Манифест средние и крупные помещики, а также мелкопоместные владельцы 70–100 ревизских душ. Даже в 1762 г., когда абсолютное большинство военных уволилось "за старостью и недугами", от 25 до 33% этих категорий дворян, хоть и в совокупности с "болезнью", но уже ссылались на Манифест для получения отставок. В последующие годы именно в этих группах соотношение причин увольнений быстрее всего сдвигается в пользу "вольности", колеблясь от 76,3% до 95,2% в группах владельцев 70–100 ревизских душ, от 78 до 100% – у средних и на уровне 100% – у крупных помещиков. В годы

массового использования Манифеста средние помещики и владельцы 70–100 ревизских душ совокупную норму использовали крайне редко, крупные помещики к ней не прибегали вовсе.

Иная картина наблюдается в группах мелких и мельчайших помещиков. В 1762 г. 62–90% их числа обосновывали отставку нетрудоспособностью; 7,7–26% – "болезнью, старостью, Манифестом" и лишь единицы ссылались на право вольности. В 1763 г. к этому праву они апеллировали еще с большой осторожностью. 20–32,7% мелких помещиков, 42,9% беспоместных и 100% владельцев поместной земли по-прежнему объясняли свою отставку недугами; 28,5–37,3% – "болезнью и Манифестом" и 22–45% – "вольностью" На протяжении следующих пяти лет большинство служащих этих групп (47–96%) пользовались Манифестом, однако сохранилась и значительная доля тех, кто так или иначе объяснял увольнение недугами. В группе бескрестьянных дворян по "старости и болезни" оформили отставку 15–38% служащих, "по старости, болезни и Манифесту" – 14,3–18,4%; в группе владельцев поместной земли 7–20% ссылались на недуги и 7–11% – на недуги и "вольность"; в группах мелких помещиков удельный вес ссылок на недуги колебался от 1,1% до 17,4%, на "болезнь и манифест" – от 2,1% до 30%.

В годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. сокращается общее количество отставок, а наметившаяся в середине 1760-х гг. картина их мотивации изменяется в связи с ограничением действия Манифеста на время военных кампаний. Поэтому в 1769–1771 гг. в качестве ведущего юридического основания для отставок дворяне вновь начинают использовать "нетрудоспособность" В 1769 г. этой нормой аргументировали увольнение со службы 61,4% служащих, в 1770 г. – 83,7%. По группам отставных прослеживаются колебания от 25% до 100%. Соответственно доля ссылок только на Манифест сократилась до 7,2% в 1769 г. и до 4,9% – в 1770 г., а на Манифест в совокупности с болезнью – до 15,7% в 1769 г. и 11,4% в 1770 г. При этом связь нормативной мотивации отставок с имущественным положением не прослеживается. Интересно, что хотя прямого использования вольности в эти годы дворяне старались избегать, однако, привыкшие к новой привилегии, они невольно обращались к ней косвенно, когда объясняли необходимость увольнения "домашними нуждами" Вот почему сразу после начала военной кампании в 1769 г. в большинстве групп служащих появляется новая совокупная аргументация отставки – "болезнь и домашние нужды", составившая 15,7% в общем числе дел.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что на протяжении первых семи лет после обнародования Манифест о вольности прочно входит в практику дворянской службы и становится неотъемлемой частью сословной психологии дворянства. Начиная с 1764 г. и до начала русско-турецкой войны правом не служить аргументировало увольнение со службы абсолютное большинство всех слоев военных. При этом темпы восприятия новой привилегии и частота ее реального использования в первые годы в значительной степени определялись размерами душевладения.

ОТСТАВНЫЕ ВОЕННЫЕ

В феврале 1762 г. Петр III "восхотел поднять вольным обхождением воинский чин"[49], – писал М.М. Щербатов. Его менее знатный, но не менее известный современник А.Т. Болотов тоже выделил военнослужилый адрес февральского акта, когда с не угасавшей до конца его дней восторженностью, заметил в мемуарах, что дворянство в силу "благодетельного манифеста" получило именно "от воинской службы увольнение"[50]. И первый, и второй отзывы не случайны. Они отражают и более высокий статус воинской службы в системе ценностей шляхетского сословия, и численное преобладание военных над статскими в единой шляхетской корпорации, и, пожалуй, самое главное, – явственно выраженное доминирование военных среди тех, кто уходил со службы в период после 18 февраля 1762 г. Если в 1750-е гг. из воинской службы в среднем ежегодно увольнялось 250 человек, то в 1760-е гг. картина наблюдается иная: в 1762 г. – 473 человека, в 1763 г. – 708, в 1764 г. – 820, в 1765 г. – 917, в 1766 г. 1010, в 1767 г. – 754, в 1768 г. – 322, в 1769 г. – 141, в 1770 г. – 619, в 1771 г. – 135 человек.

Для изучения процесса реализации новой нормы существенно выяснить, в одинаковой ли степени ею воспользовались различные категории дворянства. Обратимся к анализу состава отставных военных. В приводимой ниже таблице (см. прил. IV) зафиксированы наиболее общие характеристики отставных: социальное происхождение, имущественное положение, возраст, стаж и чин до увольнения со службы. Они позволяют получить обобщенное представление о различных категориях отставных военных 1760-х гг.

Из 5902 служащих, уволенных Военной коллегией в полную отставку в 1762–1771 гг. 5842 человека, или 99%, принадлежали к привилегированному сословию. Из них 150 человек (2,5%) происходили из аристократических родов: восемь отставных представляли графские фамилии[51], двадцать два – баронские[52] и сто восемь – княжеские[53].

5001 человек, или 86%, принадлежали к потомственному дворянству. В их состав мы включили не только тех, чье происхождение прямо отражено в документах Герольдии, но и лиц, чьи социальные корни определялись косвенным путем. Одиннадцать человек отнесены нами в число потомственных дворян на основании сведений об обучении в сословных учебных заведениях[54], двое – из-за наличия указаний на их пребывание на должностях коллегии-юнкеров[55], 25 человек из числа тех, кто получил назначение на должности воевод, что, по мнению С.М. Троицкого, свидетельствовало об их дворянском происхождении[56]. Придворные должности также заполнялись выходцами из потомственных дворян, что позволило установить социальный статус Г.Е. Побединского, который в 1752 г. из унтер-офицеров Астраханского полка был взят в кабинет-фурьеры ко двору[57]. По методике, обоснованной С.М. Троицким, основанием для причисления к дворянству мы считали и службу в гвардии до 1731 г., почему и причислили к привилегированному сословию премьер-майора А.А. Волкова, который в 1723 г. был

принят на службу в лейб-гвардии Семеновский полк[58], и полковника В.М. Безобразова, начавшего службу в том же полку в 1730 г.[59], а также четверых отставных, получавших быстрое повышение членов[60]. Шесть отставных, в делах которых отсутствовали сведения о социальном происхождении, представляли известные дворянские фамилии. Это также дало нам основание причислять их в категорию потомственных дворян[61]. Косвенным подтверждением принадлежности к привилегированному сословию мы посчитали оформление отставки по Манифесту о вольности дворянству унтер-офицерами или рядовыми, выявленные в делах семи отставных[62], а также указание на использование Манифеста 31 декабря 1736 г., которое было обнаружено в документах вернувшегося к делам в 1767 г. отставного прапорщика П.И. Растригина, уволенного со службы в 1739 г. на основании этого манифеста со взятием рекрут[63]. В десяти случаях социальное происхождение было установлено по книгам смотров недорослей[64]. Выходцы из непривилегированных слоев составили 429 человек, или 7,7%. Из них 368 человек (85,8%) состояли в обер-офицерских рангах, а 61 (14,2%) дослужились до штаб-офицеров.

В целом сколько-нибудь существенная динамика в социальном происхождении отставных военных по сравнению с 1750-ми гг. не прослеживается.

Рассмотрение практики привлечения российского дворянства к государственной службе в первой половине и середине XVIII столетия позволило заключить, что обязательная служба особенно болезненно сказывалась на положении мелких и мельчайших помещиков, у которых не было реальных возможностей сократить сроки службы, а их небольшие поместья в отсутствие хозяев разорялись. Изучение состава отставных 1760-х гг. подтверждает это наблюдение. После отмены обязательной службы именно широкие слои мелких помещиков активнее других воспользовались правом не служить (см. прил. IV и табл. 24). В 1760-е гг. среди уволенных со службы военных значительно увеличилась численность (в 2,4 – 3,5 раза) и удельный вес различных групп. Подобным же образом изменились количество и доля бескрестьянных дворян. Напротив, масштабы увольнений средних помещиков не были столь значительны и лишь в 1,3 раза (т.е. на 11 человек) в среднем за год превышали уровень 1750-х гг. Обращает на себя внимание равнодушие к отмене обязательной службы крупных помещиков, выходивших в отставку в 1760-е гг. в среднем лишь по четыре–пять человек в год. Удельный вес этой группы отставных за десять лет оказался в 4,5 раза ниже аналогичного показателя за 1750-е гг.

Сопоставление соотношений различных категорий отставных военных с пропорциями соответствующих имущественных групп российского дворянства в те же годы (табл. 25) показывает определенную устойчивость частоты выхода в отставку в каждой имущественной группе. Минимальной она оказалась в группах мельчайших помещиков, максимальной – у владельцев 21–100 ревизских душ. Удельный вес последних в среде дворянства составлял 26%, а в группах отставных колебался от 37% до 48%. Доля средних и крупных помещиков в составе

Таблица 24. Динамика соотношения имущественных групп военных, отставленных на свое пропитание в 1762–1771 гг.*

	Имущественная группа						
	Бескрестьянные	Владельцы поместной земли	Владельцы ревизских душ				
			1–10	11–20	21–69	70–100	101–500
	10,7	3,6	11,1	10,7	36,1	10	16,4
	7,3		12,6	17,1	34,6	9,7	16,8
	3	0,5	13,4	19,3	33,5	12,7	16,9
	4,6	1,7	23,5	20	33,9	7,1	8,0
	7,5	2,0	19,9	23,1	32,2	7,1	7,3
	4,5	2,4	21,3	16,4	34,7	8,6	11,2
	7,6	4,6	19,4	19,8	29,6	7,6	9,9
	7,2	4,1	16,5	14,4	28,9	9,3	15,5
	4,7	1,6	13,7	14,3	38,9	9,1	14,7
	7,8	6,65	16,65	14,4	38,9	5,6	10
-е гг., %	6,5	2,7	16,8	17,0	34,1	8,6	12,7
-е гг., %	1,1	0,5	11	16,2	34,3	11,9	20,7
еднегодовой 50-е и	5,9	5,4	1,5	1,1	1	0,7	0,6

. Оп. 14. Кн. 506–508, 514–516, 520–522, 527–529, 534, 535, 540–542, 546, 550–552, 557, 558, 562.

Таблица 25. Изменение пропорций имущественных групп отставных военных относительно пропорций соответствующих групп дворянства (1762–1771)*

Год	Имущественная группа, владельцы ревизских душ			
	1–10	11–20	21–100	более 100
1762	0,40	0,46	2	1,5
1763	0,42	0,68	1,8	1,43
1764	0,45	0,68	1,8	1,36
1765	0,78	0,79	1,65	0,69
1766	0,69	0,94	1,65	0,63
1767	0,72	0,65	1,77	0,88
1768	0,69	0,83	1,63	0,88
1769	0,58	0,60	1,66	1,48
1770	0,46	0,56	1,98	1,25
1771	0,61	0,62	2,02	0,77
В среднем за год в 1760-е гг.	0,63	0,74	1,76	0,94
В среднем за год в 1750-е гг.	0,35	0,60	1,73	1,86

*См. табл. 24, а также примеч. 6 на с. 95.

дворянства в 1760-е гг. несколько увеличилась, однако частота их выхода в полные отставки сократилась в среднем более, чем в два, а в 1765 и 1766 гг. – более чем в три раза. Несколько чаще они выходили в отставку лишь в первые два года действия Манифеста, сразу после завершения Семилетней войны, а затем в 1769 и 1770 гг. – в разгар первой русско-турецкой кампании, когда отставки были ограничены.

Рассмотрение возрастного состава отставных (см. прил. IV, табл. 26 и 27) обнаруживает во всех категориях уменьшение среднего возраста на восемь–десять лет по сравнению с 1750-ми гг. Сокращается и возрастной диапазон: если в первые три года он колебался от 20 до 75 лет, то в следующие три года, – уже до 65 лет, а с 1768 г. – в основном до 55 лет. Только беспоместные дворяне нередко продолжали служить до глубокой старости. Поэтому в их группах на протяжении 1760-х гг. встречались отставные в возрасте до 75 лет. Абсолютное большинство военных (70–80%) после отмены обязательной службы стало увольняться от дел в возрасте от 25 до 45 лет. При этом устойчивая разница в возрасте отставных различных имущественных групп продолжает сохраняться. Из таблицы 27 видно, что в каждой последующей, более обеспеченной имущественной группе, по сравнению с предыдущей, средний возраст меньше как за отдельные годы, так и в итоговой графе. Наибольший средний возраст (36,8 лет) фиксируется в группе беспоместных дворян, наименьший (26,8 лет) в группе крупнопоместных. По отдельным годам разница в возрасте между имущественными группами колебалась от десяти до восемнадцати лет.

Отмена обязательной службы не вызвала принципиальных изменений в составе отставных по чинам (прил. IV и табл. 6). Как и в преды-

ица 26. Динамика соотношения возрастных интервалов в различных имущественных группах во
уволенных в полную отставку в 1762–1771 гг.*

группа	Возрастной интервал									
	1762		1763		1764		1765		1766	
	15–35	36–75	15–35	36–75	15–35	36–75	15–35	36–75	15–35	36–75
	35,7	64,3	57,2	42,8	50	50	46	54	54,5	45,5
тной	70	30	75,9	24,1			92,2	7,8	55,5	44,5
п.	53,3	46,7	58,6	41,4	58,6	41,4	46,5	53,5	51,5	48,5
	30	70	54,1	45,9	54,1	45,9	53,9	46,1	66,3	33,7
	35,6	64,4	56,9	43,1	56,9	43,1	63,1	36,9	70,1	29,9
	39,2	60,8	58,3	41,7	58,3	41,7	76,3	23,7	85,7	14,3
	50	50	50	50	85,3	14,7	83,5	16,5	87,7	12,3
	50	50	50	50	100		100		100	–
			100		100				75	25

группа	Возрастной интервал								В среднем за 1760-е гг.	
	1768		1769		1770		1771			
	15–35	36–75	15–35	36–75	15–35	36–75	15–35	36–75	15–35	36–75
	70	30	57,1	42,9	79,1	20,9	57,1	42,9	57,2	42,8
тной	100		100	–	75	25	33,3	66,7	76	24
п.	74	26	56,3	43,7	76,8	23,2	60	40	59,7	40,3
	67,3	32,7	64,3	35,7	65,3	34,7	69,2	30,8	61,6	38,4
	85,9	14,1	57,2	42,8	89,3	10,7	72,7	27,3	67,5	32,5
	80	20	89	11	91,3	8,7	80	20	76,9	23,1
	92,2	7,8	93,3	6,7	96	4	88,8	11,2	83,7	16,3
	100		100		100				88,9	11,1
	100		100		100				95,8	4,2

Оп. 14. Кн. 506–508, 514–516, 520–522, 527–529, 534, 535, 540–542, 546, 550–552, 557, 558, 562.

Таблица 27. Соотношение среднего возраста военных, уволенных в полную отставку, в различных имущественных группах (1762–1771 гг.)*

Имущественная группа	1762	1763	1764	1765	1766	1767
Бескрестьянные	39,3	43,2	36,8	37,6	36,4	37
Владельцы						
поместной земли	31			26,2	33,9	32,7
1–10 душ м.п.	37,7	43	33,9	36,3	35,4	34,1
11–20	42,3	37,3	35,4	35,3	32,2	29,2
21–69	39,5	37,8	34,5	33,5	30,8	30,1
70–100	38,6		33,4	29,7	28,1	25,5
101–500	35,2	36,5	29,3	29	27,1	28,6
501–1000	40	35	25,5	21,3	26,7	27,5
более 1000 "		33,3	27,2	25	24	

Имущественная группа	1768	1769	1770	1771	В среднем	
					1760-е гг.	1750-е гг.
Бескрестьянные	30	38,6	32,5	37,1	36,8	45
Владельцы						
поместной земли	24,5	25	28,7	41,7	30,5	45,5
1–10 душ м.п.	31	33,7	31	34	35	47,9
11–20	32,5	32,9	31,3	33,1	34,1	48,1
21–69	29,4	33,9	27,3	30,6	32,7	46,2
70–100	28	26,7	26,1	32	29,8	40,9
101–500	25,8	25,3	24,5	26,7	28,8	42,95
501–1000	25	20	23,6		27,2	32,4
более 1000 "	25	20	30		26,3	37,3

* РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 506–508, 514–516, 520–522, 527–529, 534, 535, 540–542, 546, 550–552, 557, 558, 562.

дущие годы, три четверти служащих были представлены обер-офицерами (IX–XIV ранги). По-прежнему незначительной (3,9%) оставалась доля штаб-офицеров (VI–VIII ранги), практически отсутствовали представители генералитета – 0,7% (I–V ранги). В то же время ощутимо увеличилось количество отставных унтер-офицеров. Их удельный вес с 10,3% в 1750-е гг. возрос до 19,7% в 1760-е гг. главным образом за счет его увеличения с 3 до 38% в группах мелких и мельчайших помещиков, получивших возможность вернуться в свои поместья.

Таким образом, отменой обязательной службы воспользовались в первую очередь широкие слои рядового офицерства, состоявшего в IX–XIV рангах, из числа мелких помещиков в возрасте от 25 до 45 лет со стажем 14–15 лет.

Образование дополнительных вакансий на офицерские должности в армии и на флоте в результате инициированных Манифестом перемен делало возможным более широкий приток разночинцев в вооруженные

Таблица 28. Динамика соотношения интервалов стажа военных, уволенных в полную отставку в 1762–1771 гг.*

группа	Интервал стажа									
	1762		1763		1764		1765		1766	
	1–15	16–55	1–15	16–55	1–15	16–55	1–15	16–55	1–15	16–55
	27,6	72,4	24,3	75,7	37,5	62,5	37,8	62,2	40,9	59,1
тной	100		25,9	74,1			77	23	52,9	47,1
п.	50	50	25,9	74,1	41,4	58,6	53,5	46,5	44,2	55,8
	26,6	73,4	29,6	70,4	59,5	40,5	45,4	54,6	60,9	39,1
	25,8	74,2	23,2	76,8	49,3	50,7	51,8	48,2	58	42
	28,5	71,5	22,5	77,5	58,3	41,7	32,2	67,8	79,4	20,6
	30,4	69,6	38,6	61,4	73,5	26,5	59,7	40,3	66,1	33,9
	50	50	50	50	50	50	100		66,7	33,3
			100		100		100		80	20

группа	Интервал стажа								В среднем в 1760-е гг.	
	1768		1769		1770		1771			
	1–15	16–55	1–15	16–55	1–15	16–55	1–15	16–55	1–15	16–55
	55	45	42,8	57,2	62,5	37,5	42,8	57,2	41,12	58,88
тной	91	9	100		75	25	6,7	83,3	66,9	29,79
п.	70	30	68,75	31,25	58	42	46,7	53,3	51,5	48,5
	51	49	42,9	57,1	58,3	41,7	38,5	61,5	47,85	52,15
	64,1	35,9	35,7	64,3	71,4	28,6	45,4	54,6	49,03	50,97
	80	20	77,7	22,3	73,9	26,1	60	40	59	41
	80,8	19,2	86,6	13,4	83,8	16,2	88,9	11,1	67,21	32,79
	100	–	100		92,9	7,1			73,29	26,71
	100		100			100			82,86	17,14

Оп. 14. Кн. 506–508. 514–516, 520–522, 527–529, 534, 535, 540–542, 546, 550–552, 557, 558, 562.

Таблица 29. Соотношение среднего стажа в различных имущественных группах военных, уволенных в полную отставку в 1762–1771 гг.*

Имущественная группа	1762	1763	1764	1765	1766	1767
Бескрестьянные	21,7	26,2	19,4	17,3	17,0	18,5
Владельцы						
поместной земли	6			11,8	15,1	14,8
1–10 душ м.п.	17,7	19,9	18,8	15,6	17,0	16,4
11–20	22,7	19,7	15,8	16,2	15,0	13,5
21–69	21,4	20,5	16	15,9	14,6	14,5
70–100	21,6	20,3	16,5	14,8	12,7	11,1
101–500	18,7	19,4	13,6	15,2	13	13,6
501–1000	20,5	16,7	15,5	8	13	14,2
более 1000 "		11,3	9,7	10,5	9	

Имущественная группа	1768	1769	1770	1771	Средний стаж за 1760-е гг.	Средний стаж за 1750-е гг.
Бескрестьянные	15	21,6	15,5	17,3	18,9	28
Владельцы						
поместной земли	8,4	9,2	12,4	22,7	12,5	23
1–10 душ м.п.	14,1	14,1	15,3	17,7	16,7	23
11–20	17,1	17,3	15,1	17,6	17,0	26,4
21–69	14,3	18,2	12,7	15,9	16,4	24,8
70–100	11,6	13	11,7	17	13,3	21,6
101–500	12,2	11,3	10,0	10,8	13,8	21,2
501–1000	10,5	8	9,6		12,9	16,1
более 1000 "	10,5	9,6	18		11,2	19,2

*РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 506–508, 514–516, 520–522, 527–529, 534, 535, 540–542, 546, 550–552, 557, 558, 562.

силы и, следовательно, более интенсивный рост числа новых дворян. Это не устраивало ни правительство, ни столбовое дворянство, ни тех, кто только вчера пробился из "крапивного семени" в благородные и не желал видеть рядом с собой слишком много себе подобных. Сумма этих интересов отразилась в Инструкции полковнику пехотного полка, подписанной императрицей в декабре 1764 г. В соответствии с ней унтер-офицеры не из дворян не могли быть произведены в офицеры (и наделены дворянством) прежде, чем отслужат 12 лет; дворяне же получили преимущество перед недворянами при прохождении всех чинов, предшествующих офицерским[65].

* * *

Статистический анализ архивных документов позволил рассмотреть состав отставных, выяснить сроки и темпы реализации новой нормы в практике службы различных категорий дворянства. Однако это не

позволяет разобраться в побудительных мотивах отставок, поскольку оформление увольнения на основании той или иной юридической нормы не всегда указывает на его действительную причину. Между тем, выяснение побудительных мотивов отставок представляется существенным для осмысления значения Манифеста о вольности. Из 3021 дела, оформленного на основании Манифеста, объяснение причин отставок содержится лишь в 32 делах, что составляет 1% их общего числа. Но поскольку нами учитывалась вся совокупность материалов об увольнениях со службы, сохранившихся в фонде Герольдмейстерской конторы, их можно рассматривать как случайную выборку объемом в 1%, которая является вполне достаточной для получения общей картины мотивации отставок военными в 1760-е гг. Как свидетельствуют челобитные, из упомянутых нами тридцати двух человек – шестнадцать, то есть половина всех уволенных, выходя в отставку, руководствовались безмотивно изложенным желанием не служить, девять человек (28,1%) хотели заняться "ведением экономии" и семеро (21,8%) объясняли увольнение "семейными обстоятельствами"[66]. Составленные более двухсот лет назад дворянские челобитные проливают свет на жизненные реалии многих рядовых представителей привилегированного сословия.

Незамысловатые по форме изложения прошения служилых офицеров свидетельствуют, насколько драматичным был для многих из них выбор между службой и "своим пропитанием" Особенно сложным оказалось положение малообеспеченных слоев. Показательны дела двух офицеров, вышедших в отставку вскоре после издания Манифеста.

Тридцатишестилетний прапорщик И.И. Ильин, обратившись в Сенат с просьбой об определении на пропитание к монастырю, рассказал о себе следующее: "...В силу публикованного имянного сего 1762 году... указу, которыя дворяне желают в отставку, те б подавали от себя челобитные. Почему и от меня нижайшего с протчими инвалидами челобитная к отставке подана... И со смотру государственной военной коллегии назначен на свое пропитание... Хотя я нижайший... и отставлен на свое пропитание, но токмо с выключки моего из полку сего 1762 году майя с 17 числа полученным заслуженным жалованьем до сего времени пропитание имел, а ныне я нижайший не имею у себя никакого пропитания. Принужден кормиться прошением милостины"[67].

Второе дело было начато в декабре 1763 г. в связи с присылкой в Сенат доношения из Военной коллегии, в котором указывалось, что "сего декабря 3 дня в присудствие Военной коллегии господин генерал-аншеф, ковалер и оной коллегии вице-президент Захар Григорьевич Чернышев объявил, что незнаемо какой человек просил у него генерала-аншефа милостины, которой по спрашиванию объявил о себе, яко он из дворян прапорщик Тихон Колюбякин, ...на то он представил данный ему в прошлом 762 году майя 3 дня об отставке его от службы из Герольдмейстерской конторы пашпорт, в котором именован точно прапорщиком". Военная коллегия направила Колюбякина в Сенат на

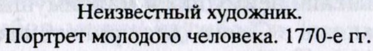
рассмотрение, "дабы он праздно более яко имеющий обер-офицерский чин мотаться и милостини просить и от того служащим в войске офицерам безславия наносить не мог" В ходе разбора дела в Сенате выяснилось, что имущества Колюбякин не имел, из родителей у него была одна мать, за которой крестьян не значилось. После разбирательства отставного отпустили в дом, взяв с него подписку в том, что он не будет просить милостыню[68].

Описанные случаи весьма характерны для жизни беднейших слоев российского дворянства. Измученные годами военных походов и захваченные волной увлечения вольностью, неимущие дворяне увольнялись из воинской службы, а затем, не имея средств к существованию, бродяжничали, "скитались меж двор" в поисках пропитания, кормились по родственникам и знакомым, переходили от монастыря к монастырю в надежде обрести пристанище, месяцами, а то и годами ждали вакансий в богадельнях и канцеляриях. Именно эти группы отставных – бескрестьянные, мельчайшие и беднейшие помещики – составили около двух третей из общего числа определенных к статским делам в 1760-е гг.

Обеспечение пропитанием неимущих отставных военных в первой половине 1760-х гг. в связи с реализацией Манифеста о вольности превратилось в болезненную проблему для абсолютной монархии. С попытками сократить количество увольнений неимущих и малоимущих офицеров, а также приостановить их наплыв в Сенат "для пропитания" связана целая серия указов 1762–1765 гг.[69] Пристальное внимание этому уделяла и сама Екатерина II[70]. Именно остротой проблемы отставных определялась интенсивная разработка вопроса о монастырских вотчинах в 1762–1764 гг.[71] В докладе Комиссии о церковных имениях значительное место уделялось бедственному положению отставных военных, дети которых "принуждены скитаться по миру или кормиться работою у посторонних людей, а другие к вотчинникам в подушный оклад записывались"[72]. Для отставных военных, расселявшихся прежде по монастырям, решено было выделить тридцать один город, где им отводились квартиры у обывателей и выдавалось жалованье в соответствии с рангом[73]. Сумма, выделявшаяся для их содержания, составила 80 600 рублей, а общее число нуждавшихся в государственной поддержке определялось в 4353 человека. Право на "вечное пропитание" из субалтерн-офицеров имели те, у которых было меньше 25 душ крестьян, из капитанов – меньше 30, а из штаб-офицеров – меньше 40 душ, включая в то число недвижимые имения, принадлежавшие их женам[74].

Отставки без определенных целей достаточно молодых и трудоспособных дворян из числа малоимущих встречались не только в первые годы после издания Манифеста, но и впоследствии. Например, когда в июле 1775 г. Екатерина II пожаловала гвардию выпуском многочисленных дворян в армию и отставкою, Г.С. Винский в числе прочих уволился от дел. "Я не пропустил случая, – рассказывает он в мемуарах, – сделаться всесовершенно свободным, чтобы вести ничтожную жизнь; я испросил себе увольнение от службы, не имея начисто





Неизвестный художник.
Портрет молодого человека. 1770-е гг.



Неизвестный художник.
Портрет дамы. 1770-е гг.

ничего в предмете"[75]. После отставки он около года жил и кормился у приятеля, затем несколько лет скитался в поисках места и заработка, попал под суд и был сослан в Оренбург, где и провел остаток жизни[76].

Помимо желания реализовать право личной свободы, одним из главных побудительных мотивов отставок военных было стремление заняться сельскохозяйственной деятельностью – "поправлением" или "ведением домовой экономии". Так, вышедший в отставку в 1763 г. сорокалетний адъютант Рижского гарнизонного полка Д. Каблуков, владелец 97 душ м.п., в прошении написал, что "его ... деревнишки, в небытность его как без призрения, так и от соседних и родственников обид и притеснений весьма разоряются, и опасается, чтоб оные не были и вовсе опустошены и через то не пришел бы он во истощение и скудость"[77]. "Для разделу имеющихся за отцом его крестьян и лучшего в экономии поправления" в том же году уволился и сорокатрехлетний премьер-майор Н. Пазухин, за отцом которого значилось 200 ревизских душ[78]. В марте 1765 г. получил отставку "по Манифесту" и "за болезнями" помещик Алаторского уезда подполковник А.С. Брунов. В воинскую службу он вступил в сентябре 1731 г., спустя двадцать шесть лет был определен в Главный кригс-комиссариат к подушному сбору в Казанской губернии. Излагая мотивы увольнения, он отмечал: "Деревни мои прежде за безотлучною моею в полевых полках службою, а потом за бытием безотлучно при должности в Казани, пришли без смотрения в крайний упадок, а при том в завладении разными помещиками крепостными моими и землями

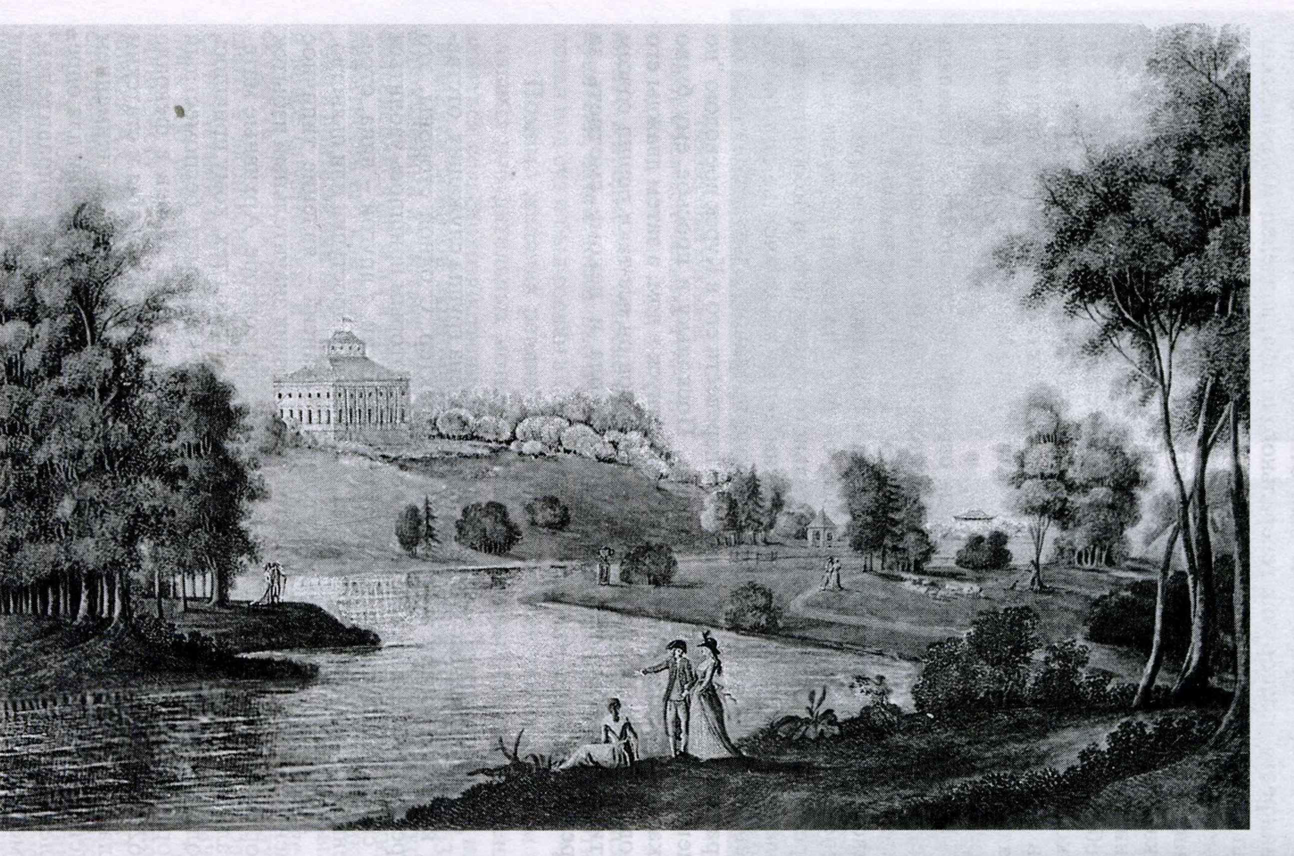
имеются неоконченные судные дела, продолжающиеся немалое время"[79]. 19 сентября 1765 г. был отпущен "на свое пропитание" "по Манифесту" подпоручик генерального штаба, владелец 700 ревизских душ Н. Афросимов, отметивший в челобитной, что "за имениями нет присмотра, и они приходят в разорение"[80]. В феврале 1766 г. на основании "Манифеста" Военная коллегия отставила архитектурии помощника 2 класса двадцатипятилетнего Е.А. Минина, объяснившего увольнение тем, что "за отлучками деревни... пришли в крайнее разорение и требуют присмотра и защищения, коих к поправлению, кроме себя, никого не имеет"[81]. Владелец 37 ревизских душ подпоручик П. Черкасов в службе состоял с мая 1761 г. В октябре 1768 г. в возрасте двадцати четырех лет вышел в отставку "по Манифесту" и "нуждам по деревням"[82].

Нередки были случаи, когда ограниченность средств заставляла отставных офицеров совмещать статскую службу с надзором за поместьями. Однако удавалось это не всем. Так, премьер-майор П.А. Стромилов вышел в отставку "за ранами и болезнями" еще в июне 1760 г. Испомещенный в Курском уезде, он имел за собой 52 души м.п. В апреле 1762 г. "за неимением довольного содержания" и по облегчению болезней был определен к статским делам и назначен на должность воеводского товарища в Вологодскую провинцию. Спустя два года он обратился в Герольдию с просьбой перевести его в Курск воеводою "по имению деревень вблизи Курска" Поскольку в просьбе ему было отказано, он испросил трехмесячный отпуск в дом, а затем дважды его продлевал. Однако по истечении отпусков он все-таки решил совсем уйти со службы, так как "мать умерла и некому смотреть за деревнями"[83].

* * *

Среди отставных 1760-х гг. представлена группа служащих, отставки которых носили вынужденный характер. С одной стороны, это переведенные к статским делам военные, которым пришлось уволиться на свое пропитание из-за отсутствия вакансий, с другой – лица, отрешенные от дел принудительно за должностные проступки или пьянство.

Мотивация отставок отсутствием вакансий – явление типичное именно для 60-х гг. XVIII столетия, когда возник значительный избыток дворянских кадров при Герольдмейстерской конторе. Архивные материалы помогают представить конкретные образы тех, кому пришлось уволиться со службы "за ненадобностью" Например, беспоместный дворянин, сорокавосьмилетний подпоручик М.И. Зайцев в феврале 1762 г. "за болезнями" был переведен из воинской службы к статским делам, а спустя месяц уволен "на свое пропитание" "за неимением мест". 4 июня он просил отослать его в Коллегию экономии для определения к монастырским и архиерейским вотчинам управителем, отметив, что отставлен без его собственного желания, и "по истощении бывшего своего последнего экипажа, за неимением дома своего и пристанища, не имею где день и нощь провесть, почти единой милостию



Неизвестный художник конца XVIII в. Вид из парка на усадьбу

питаюсь" Сенат в определении отказал на том основании, что "и без него при Герольдмейстерской конторе без определения за неимением вакансий состоит довольное число офицеров"[84]. Беспоместным дворянином был и полковник Алексеевского пехотного полка Н.И. Бестужев. "За болезненными припадками и по Манифесту... в январе 1766 г. он был переведен к статским делам, но через месяц отставлен "на свое пропитание" "за отсутствием вакансий" Лишь через год после многочисленных хлопот ему удалось добиться назначения на должность губернаторского товарища в Московскую губернскую канцелярию[85]. Владелец 80 ревизских душ капитан Е. Панафидин с 1756 г. служил в лейб-гвардии Преображенском полку. В апреле 1765 г. по желанию был определен в Коллегию экономии, но за отсутствием вакансий отставлен "на свое пропитание"[86]. "По неимению вакансий" в апреле 1767 г. был уволен из Конюшенной канцелярии унтершталмейстер В.В. Неелов, владелец 400 ревизских душ в Казанском и Воронежском уездах[87] Не смогли чиновники Герольдии подобрать подходящую должность и генерал-поручику и кавалеру Ф.И. Кокошкину, который в июне 1764 г. был отставлен из воинской службы и определен в Саратов для ведения следствия над бывшими присутствующими Соляной конторы. В 1765 г. он был уволен и от статских дел. В решении Сената отмечалось, что "к делам годен, но так как в коллегиях в настоящее время нет места соответствующего его чину, то отставить"[88].

В связи с невозможностью трудоустроить всех желающих служить в аппарате управления правительство, как уже отмечалось, ограничивает переводы отставных военных к статским делам, и с 1765 г. они начинают сопровождаться формулировкой "до будущих при статских делах вакансий" С такой формулировкой, например, были отставлены к статским делам в 1766 г. капитан М. Фролов[89], секунд-майор Н.П. Балбеков[90] и другие.

Принудительные отставки дворян-военнослужащих единичны. Одно из немногих зафиксированных нами дел такого рода было заведено на поручика Л. Вельяминова, бывшего вальтмейстером "у смотрения и порубки" заповедных лесов в Воронежской губернии. В апреле 1768 г. он был лишен всех чинов и от службы отставлен "за непорядочные поступки" с тем, чтобы впредь к делам не определять[91]. Ротмистр Рязанского карабинерного полка А. Бологовский в декабре 1767 г. был отставлен на свое пропитание "за пьянство, непристойное поведение и незнание экзерциции тем же чином"[92].

Принудительные увольнения дворян иногда были связаны с переводом военнослужащих к статским делам. Например, сорокалетний капитан И.Д. Писемский, владелец 60 ревизских душ, в действительной службе состоял двадцать два года, участвовал в военных походах в годы шведской и Семилетней войн. В октябре 1762 г. перевелся в статскую службу, однако через месяц его отставили на свое пропитание "по усмотрению неспособным к делам"[93].

Формулировка "неспособность к делам", как и другие нормативные основания, не всегда отражала истинное положение вещей, потому что могла быть использована как еще один законный способ обоснования

отставки. Очевидно, именно так рассудил владелец шестидесяти четырех душ м.п. дворянин И. Жмакин, задумав избавить своих сыновей от государственной службы. Его старший сын Николай в 1756 г. в возрасте восемнадцати лет был зачислен титулярным юнкером в контору Крекетмейстерских дел. В марте 1761 г. он был определен сверх комплекта прапорщиком в Астраханский гарнизон, а уже в декабре отпущен в дом для излечения до мая 1762 г. По окончании отпуска отец челобитьем просил об отставке его из воинской службы к статским делам "за болезнью" 24 мая прошение было удовлетворено. Спустя два месяца Николай Жмакин был усмотрен неспособным к делам и отставлен "на свое пропитание"[94]. След в след по стопам брата пошел и младший сын И. Жмакина Федор, которому в 1762 г. исполнилось двадцать лет[95].

Рассмотрение побудительных мотивов отставок военнослужащих убеждает, что большинство уволившихся на свое пропитание воспользовались правом не служить для того, чтобы, реализовав право личной свободы, избавиться от изнурительной службы в армии. При этом одни переходили к иному роду деятельности – сельскохозяйственной или творческой, рассчитывая жить за счет "ведения экономии" Другие, не имея собственных средств существования и не найдя источников пропитания у родных и знакомых, превращались в нищих бродяг; некоторые из них переходили впоследствии на государственное обеспечение; третьи надеялись после отставки получить "для пропитания" должность в аппарате управления, однако далеко не всем из них удалось воплотить в жизнь эти надежды.

ОТСТАВНЫЕ ВОЕННЫЕ, ОПРЕДЕЛЕННЫЕ НА СЛУЖБУ В УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АППАРАТ

В первой половине и середине XVIII столетия отставные военные были основным источником пополнения бюрократического аппарата. Рост числа военных, желающих служить при статских делах, наблюдается уже в середине 1750-х гг. После отмены обязательной службы процесс перетекания военных в управленческие структуры активизируется. Он идет двумя путями: за счет военных, переводившихся к статским делам сразу после увольнения, и за счет тех, которые после отставки некоторое время пребывали на своем пропитании, а уже после этого возвращались к делам.

Приводимая ниже таблица 30 позволяет соотнести динамику выхода военных в отставку с картиной притока отставных в управленческий аппарат. За период с 1762 по 1771 г. пятая часть всех уволенных из воинской службы дворян пополнила ряды чиновников. Но скорость этого процесса не была равномерной. В первые три года к статским делам определялось в среднем ежегодно 25% выходивших в отставку военных. К 1764 г. общее число претендентов достигло 628 человек, что составило почти половину (47,2%) определенных туда за десять лет. Если иметь ввиду, что за то же время в отставку вышли только

Таблица 30. Динамика притока отставных военных в управленческий аппарат России в 1762–1771 гг.*

	1762	1763	1764	1765	1766	1767
Оставлено	692	794	1028	939	1044	818
	100	100	100	100	100	100
Определено к статским делам	240	135	253	66	88	200
	34,7	17,0	25,0	7,0	8,4	24,4

	1768	1769	1770	1771	Итого
Оставлено	330	157	624	161	6590
	100	100	100	100	100
Определено к статским делам	91	102	68	87	1330
%	27,6	65		54	20,2

* См. табл. 22.

257 чиновников, то станет ясно, что к концу 1764 г. избыток дворянских кадров приближался к четыремстам (371) человекам. Этот неожиданный результат отмены обязательной службы дворянства породил такое новое явление, как дворянская "безработица" А Герольдмейстерская контора, которая в 1730–1750-х гг. из-за нехватки кадров постоянно разбирала тяжбы между местными властями и отставными помещиками, протестовавшими против принудительного привлечения их к делам местного управления, в 1760-е гг. превращается в своеобразную биржу труда, где сотни отставных месяцами, а то и годами ожидали вакансий. Материалы текущего учета содержат множество любопытных примеров на этот счет.

Так, причисленный 19 декабря 1768 г. к делам секунд-майор Я.М. Семенихин был определен воеводою в город Миргополь Белогородской губернии только 20 марта 1769 г.[96] Отставной от армии обер-аудитор И.Ю. Карякин челобитную с просьбой об определении к делам подал в декабре 1767 г., к делам был причислен 4 марта 1768 г., а определение в город Ольшанск Воронежской губернии воеводою получил только в декабре[97] Почти год дожидался назначения и капитан Е.П. Веригин[98]. Д. Фомин был 31 октября 1765 г. отставлен от воинской службы подпоручиком и определен к статским делам "до появления вакансий" Но в течение двух лет работа для него не находилась, поэтому он принужден был вернуться в воинскую службу "за малоимением" 12 декабря 1767 г. его определили на прапорщичью вакансию в Санкт-Петербургский гарнизонный батальон[99] Аналогичная участь постигла и отставного капитана А. Молчанова. 23 января

1768 г. он был отставлен "за слабостью здоровья" от воинской службы и с паспортом отпущен "для испрашивания определения, где есть место к статским делам", но "за неимением мест определения никуда не получил и в надеянии получить место, пропитание имел с его семейством собственное, доколе возможности его было, а ныне уже более таковой надежности к пропитанию не находит и просит о определении в Выборгский пограничный батальон...", куда и был определен в сентябре 1768 г.[100] Более десяти лет с 1745 г. состоял при Герольдии "не у дел" отставной капитан Е. Трунов. 26 февраля 1768 г., имея 75 лет от роду, он просил челобитной "за старостью отставить и... определить... на пропитание жалованье" "Токмо при той Герольдии, – писал он в другой челобитной в начале мая, – и поныне обретаюсь празден без определения, и по неимению за собой деревень напоследок при глубокой старости принужден пропитание себе искать мирским подаянием и скитаюсь меж двор"[101] Испомещенный в Московском и Костромском уездах капитан Леонтьев имел за собою 50 ревизских душ. Прослужив в армии двадцать пять лет, в 1762 г. он уволился на свое пропитание "за болезнями", поскольку имел "застарелую цинготную болезнь, в ногах лом, и от почечуя весьма головою болен и шум бывает, в правом паху грыжа и черева выходят и всем корпусом слаб" Спустя год, "получив от болезней свободу", по челобитью он был причислен к статским делам. Однако должности дожидался несколько лет, и лишь в сентябре 1769 г. был определен в г. Усмань воеводским товарищем[102]. Помещик Рыльского уезда С.И. Смольянинов имел за собою всего лишь 7 ревизских душ. Уволившись на свое пропитание "по Манифесту" весной 1764 г., он уже в мае 1766 г. просил об определении к статским делам, так как не хотел "без всякого дела в праздности коснеть" Не получив назначения в течение года, он был отпущен в дом "впредь до указа" Только в 1769 г. его определили на должность воеводского товарища в город Крапивну[103]

Длительное ожидание места вконец разоряло и без того не очень состоятельных претендентов. Поэтому многие из них, спустя несколько месяцев после причисления к делам, а то и сразу испрашивали себе годичные отпуска в дом, отпуска "до указу" или "до будущих при статских делах вакансий"[104]. Во второй половине 1760-х гг. такие отпуска становятся особенно частыми. Наиболее предприимчивые дворяне старались сами подыскать себе службу. С июля 1764 г. искал себе место губернский секретарь Л.И. Казначеев. В мае 1765 г. он с горечью жаловался, что и "поныне не у дел, а нахожусь только в праздных проездах своим коштом и претерпеваю в пропитании крайнюю нужду" Наконец, в июле 1765 г. он радостно объявил в очередном прошении, что в "Московской губернской Каширской воеводской канцелярии имеется порозжая секретарская вакансия", для определения на которую 16 сентября и был отослан к Московскому губернатору[105]

Появление значительного числа желающих служить при статских делах приводило, как отмечалось выше, к увольнению части из них на свое пропитание "за ненадобностью", а также к отказу новым претен-

дентам в определении к делам. Так, один из них, беспоместный дворянин, сорокачетырехлетний отставной капитан Л.И. Гускин в июне 1761 г. уволился из воинской службы. В течение следующего 1762 г. неоднократно обращался в Герольдию с просьбой об определении к делам "по неимуществу" Сенат отказал в определении на том основании, что "и без него за неимением вакансий при Герольдмейстерской конторе без определения офицеров состоит немалое число"[106]

Избыток претендентов на чиновничьи вакансии вызвал необходимость законодательного ограничения переводов отставных в гражданские ведомства. Серия указов 1764 и 1765 гг. запрещала Военной и Адмиралтейской коллегиям без ведома Сената переводить своих отставных на службу в управленческий аппарат и присылать в Сенат, и требовала отставлять всех "в домы" с аттестатами; "а ежели кто пожелает быть при делах, те могут просить по усмотрению их достоинств, если будут вакансии"[107] Эти распоряжения временно сократили приток отставных в Герольдию. С 25% в 1762–1764 гг. он упал в следующие два года до 7 и 8,4%, причем в 1765 г. количество уволившихся чиновников даже превзошло на двадцать человек число вновь причисленных к делам. Предпринятые правительством меры однако не уменьшили потребность дворян в государственной службе. Под давлением кадрового резерва с 1767 г. и количество, и удельный вес принимавшихся к делам стало вновь увеличиваться, составив в среднем за последние пять лет 26,2%, т.е. даже больше, чем в первые три года действия Манифеста. В среднем за десять лет, с 1762 по 1771 г. определение в статскую службу получило 20% отставных, которые фактически не могли существовать без государственного жалованья.

Архивные документы позволяют судить не только о количестве определенных к статским делам после отмены обязательной службы, но и дают возможность изучать их состав. Статистические данные о социальном происхождении и имущественном положении, возрасте и стаже, чинах и мотивах перевода в статскую службу или о возврате к делам из отставки бывших военных сгруппированы в приложении V и таблицах 31 и 32.

За период с 1762 по 1771 г. из 6590 военных, по той или иной причине уволившихся из своего ведомства, к статским делам, как отмечено выше, было переведено 688 офицеров и вернулись на службу 642 отставных, то есть в общей сложности в управленческие структуры влилось 1330 человек.

Статистические материалы показывают, что по своему социальному происхождению абсолютное большинство определенных к статским делам являлись дворянами. Из них к потомственному дворянству принадлежало 80%, в том числе титулованная знать составила 1,8%, остальные приобрели дворянство на военной службе (см. прил. V, 1).

Среди лиц, в делах которых представлены сведения о душевладении, крупных помещиков оказалось всего лишь семь человек (0,8%); средних – 11,3%; мелких, с числом душ от 21 до 100, – 26%; мельчайших, имевших менее 20 ревизских душ, – 27,3% и, наконец, бескрестьянных дворян – 34,6%. Иными словами, абсолютное большинство

Таблица 31. Возрастной состав офицеров, определенных к статским делам в 1762–1771 гг.*

Возрастной интервал, лет	Количество	%	Возрастной интервал, лет	Количество	%
15–25	65	5,3	56–65	47	3,9
26–35	412	33,7	65–75	12	1,0
36–45	435	35,6	Итого	1222	100
46–55	251	20,5			

* РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 431, 449, 450, 462–464, 473, 482, 497–499; Оп. 14. Кн. 506–511, 514–520, 522–525, 527–532, 534–544, 546–554, 557–560, 562, 567; см. также прил. V.

Таблица 32. Служебный стаж отставных, определенных к статским делам в 1762–1771 гг.*

Стаж, лет	Количество	%	Стаж, лет	Количество	%
1–5	24	2,0	31–35	85	7,2
6–10	132	11,1	36–40	39	3,3
11–15	210	17,7	41–45	13	1,1
16–20	250	21,1	46–50	4	0,3
21–25	242	20,5	51–55	5	0,4
26–30	18	15,3	Итого	1185	100

* См. примеч. к табл. 31.

Таблица 33. Чины отставных, определенных к статским делам в 1762–1771 гг.*

Чины	Количество	%	Чины	Количество	%
Рядовые копиисты	2	0,1	Штаб-офицеры VIII ранга	376	28,2
Нетабельные чины	13	1,0	VII	99	7,4
Обер-офицеры XIV ранга	90	6,8	VI	116	8,7
XIII	106	8,0	Генералитет V	21	1,6
XII	198	14,9	VI	5	0,4
IX	105	22,9	Итого	1331	100

* См. примеч. к табл. 31.

претендентов на чиновничьи вакансии – 87,9% – принадлежали к числу беднейших слоев дворянства (см. прил. V, 2).

Особенности свободного перераспределения кадров после отмены обязательной службы станут еще более очевидными при количественном сопоставлении имущественных категорий офицеров, определенных

Таблица 34. Удельный вес определенных к статским делам относительно уволившихся со службы в 1762–1771 гг.*

Имущественная группа	Переведены к статским делам		Вернулись к делам из отставки	
	число	%	число	%
Бескрестьянные	227	48,2	72	15,3
Владельцы поместной земли	5	5,7	2	2,3
1–10 душ м.п.	64	8,3	50	6,5
11–20	69	9,0	58	7,5
21–69	88	6,3	102	7,3
70–100	12	3,7	27	8,4
101–500	36	7,8	64	13,9
более 500	2	3,4	5	8,4
Итого	503	13,0	380	10,0

* РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 431, 449, 450, 462–464, 473, 482, 497–499; Оп. 14. Кн. 506–511, 514–520, 522–525, 527–532, 534–544, 546–554, 557–560, 562, 567. В таблицу включены материалы только тех дел, в которых имеются сведения о душевладении.

Имущественная группа	Всего		Уволились из воинской службы	
	число	%	число	%
Бескрестьянные	299	63,5	471	100
Владельцы поместной земли	7	8	88	100
1–10 душ м.п.	114	14,8	770	100
11–20	127	16,5	768	100
21–69	190	13,6	1400	100
70–100	39	12,1	323	100
101–500	100	21,7	461	100
более 500	7	11,8	59	100
Итого	883	22,8	3869	100

в управленческий аппарат, с общим числом военных этих групп, уволившихся за то же время со службы.

В 1762–1771 гг. (см. табл. 34) из числа вышедших в отставку военных в ряды чиновничества перешла большая часть – две трети – бескрестьянных дворян, примерно седьмая часть различных категорий мелких и пятая часть средних помещиков, то есть те слои, которые не могли безбедно существовать без государственного жалования.

Между тем, имущественное положение в значительной степени определяло другие социальные характеристики дворянина и в том числе его образовательный уровень, весьма существенный для плодотворной деятельности на поприще управления. Но именно те категории отстав-

ных, которые втягивались в сферу управления после отмены обязательной службы, как нами показано выше, в массе своей не только не могли похвастаться высокой образованностью, но едва овладели азами грамоты, указывая в графе образование "читать и писать умею и арифметику знаю"[108].

В то же время это были лица еще активного возраста (см. табл. 31). Средний возраст составил 39 лет. Почти 70% находилось в возрасте от 26 до 45 лет, т.е. могли еще не один десяток лет служить государству. Старше 65 лет зафиксировано всего лишь 12 человек (1%).

Несмотря на относительную молодость, вливавшиеся в ряды бюрократии дворяне были опытными военными со средним стажем 20,5 лет. 38,8% из них служили на действительной службе от 10 до 20 лет; 35,8% – от 20 до 30 лет и 12,3% – свыше 30 лет (табл. 32).

Абсолютное большинство переведенных к статским делам 98,9% – состояло в офицерских рангах (табл. 33). Из 52,6% обер-офицеров большая часть – 37,8% – была представлена служащими IX–XI рангов, что соответствовало званию поручиков и капитанов для военных и губернским и коллежским секретарям, переводчикам, протоколистам и титулярным советникам для чиновников; 44,3% составляли штаб-офицеры (майоры, подполковники и полковники), получавшие при переводе в гражданские ведомства чины коллежских ассесоров, надворных и коллежских советников. При поступлении на статскую службу они могли рассчитывать на престижные места в среднем звене управленческого аппарата. Число офицеров, дослужившихся до генеральских чинов, и, соответственно, имевших основание претендовать на руководящие должности в высшем эшелоне власти, составило лишь 26 человек – 2%.

Таким образом, в управленческий аппарат переводились наиболее неимущие и наименее образованные слои военнослужащих активного возраста, прошедшие хорошую военную выучку. Не имевшие бесспорно положительных перспектив социальной самореализации и всецело или в значительной степени зависевшие от государственного жалованья, они становились послушными винтиками в аппарате абсолютной монархии (но тем не менее стремились с наибольшей полнотой использовать возможности кормлений на получаемых должностях).

* * *

Для правильного понимания места отставных офицеров в структуре управления важны не только их социальные характеристики, но и мотивы, на основе которых они предполагали определиться к делам. Поскольку внимание большинства историков было сосредоточено главным образом на факте "бегства" дворян со службы после Манифеста о вольности, процесс их возвращения к делам не привлекал должного внимания, а побудительные мотивы продолжения службы затрагивались лишь вскользь. Исследователи XIX–XX вв., так или иначе отмечавшие этот процесс, неоднозначно оценивали его причины. А.В. Рома-

нович-Славатинский, например, объяснял возвращение на службу желанием поднять социальный статус (погоней за чинами): "Чин продолжал быть честнее сословия, а чин главным образом давался государственной службой... Таким образом, и после отмены обязательной службы дворянство продолжало быть более служилым, чем землевладельческим классом. Так на себя смотрело само дворянство, так смотрело на него законодательство"[109] С.М. Соловьев, коснувшись вопроса о неодинаковом отношении различных категорий дворянства к продолжению службы, отметил незаинтересованность высших сановников в использовании новой привилегии. "Манифест 18 февраля должен был очень обрадовать многих; но эту радость в такой степени не могли разделять дворяне, занимавшие высшие должности, которые имели все побуждения продолжать службу, дававшую им значение и выгоды"[110]. Одним из первых советских историков внимание к интересующему нас вопросу привлек М. Ольминский. Он связал стремление дворян продолжать службу в условиях действия "вольности" с материальными обстоятельствами: "Чем сильнее развивалось денежное хозяйство, тем более росли деловые отношения между разными лицами, тем чаще приходилось населению иметь дело с представителями власти, тем крупнее становились доходы служащего дворянина от воровства, взяточничества, вымогательства... Если же к этому прибавить увеличенное с 1763 года денежное жалованье и пенсию, то станет понятным увеличенный интерес дворян к государственной службе. Вполне понятным становится и следующее явление: до манифеста о вольности дворянство тяготится службой, старается уклониться от нее, бежит в деревню; а после манифеста, наоборот, то же дворянство тянется из деревни в город, на государственную службу"[111]. В критической статье по поводу этой работы В.В. Воровский высказал мысль о дифференцированном отношении дворянства к государственной службе в зависимости от возраста, хозяйственного интереса и имущественного положения: "...едва ли верно, что то же дворянство так переменило свое отношение. Бежало в деревню дворянство ради своего хозяйства. Тянулись же на службу – когда она стала выгодной – по-видимому элементы свободные от хозяйственной деятельности. Дворянская молодежь служит, пока хозяйство ведут "отцы" а потом "бежит в деревню"; у небогатых дворян вторые и следующие сыновья охотно и навсегда уходят на службу. Этим, вероятно, объясняется одновременное стремление на службу и протесты против продолжительной обязательной службы"[112]. Спустя несколько десятилетий в известной монографии 1974 г. о чиновничестве С.М. Троицкий, вскользь затронув данную проблему, обратил внимание на два фактора, заставлявших дворян продолжать службу в аппарате управления после манифеста 1762 г.: преобладание мелких помещиков в составе привилегированного сословия, с одной стороны, и желание сделать карьеру потомками богатых аристократических фамилий – с другой[113]. В 1990-е годы побудительные мотивы продолжения службы после ликвидации ее обязательного характера стали предметом специального внимания в статьях Е.М. Маросиновой, изучавшей социальную психологию привилегированного

сословия во второй половине XVIII столетия на основе эпистолярных источников. В отличие от предшественников, она связала служебное рвение дворян с кодексом сословных добродетелей. "Многие авторы писем... продолжали исполнять свои должности и после 1762 г. Подобное отношение к долгожданной свободе нельзя объяснить иначе, как существованием незафиксированных законодательно, однако мощных стимулов, заставляющих дворянство оставаться добровольно служилым сословием[114]. К числу таких стимулов она относит социально-сословные ценностные ориентации: необходимость социальной самореализации в ходе служебной деятельности, официально-идеологические призывы абсолютизма, а также материально-престижные интересы и потребности: земли, деньги в виде наград, жалованья, пенсии, особняки, кареты, сервизы и пр., т.е. средства для роскошной и блестящей жизни[115]. "...Идея обязательной службы продолжала существовать в сознании представителей господствующего класса, но санкционировалась она теперь уже не приказом, а морально-этическими нормами, кодексом сословных добродетелей"[116].

Как видим, историки по-разному оценивали побудительные мотивы продолжения дворянами службы. А как же их оценивали сами дворяне? Некоторый свет на этот вопрос могут пролить материалы дворянских челобитных. Если при переводе военных в статскую службу, осуществляемом Военной коллегией, мотивация не требовалась, то при возвращении к делам следовало подробно обосновать свою просьбу. Поэтому челобитные многих отставных содержат объяснения причин возврата. Имеющиеся в документах варианты аргументации обобщены в таблице 35, которая показывает, что более половины дворян (51,4%) так или иначе сослались на "излечение", около трети (31,6%) – определялись к делам из-за недостатка средств существования, а пятая часть (20,2%) – "по желанию" Но к этой же категории можно отнести и тех, кто обосновал свое намерение "завершением домашней экономии" (2,8%), Манифестом о вольности дворянской (1,6%), "именным указом" (0,6%), а также получил определение "по протекции" (2,6%), – т.е. в общей сложности еще 7,6% человек. Иными словами, документы позволяют выявить три ведущих побудительных мотива возврата к службе – "неимение", "выздоровление" и "желание"

Имущественный состав отставных, как мы видели выше, определялся главным образом беспоместными и малопоместными дворянами. Поэтому неудивительно, что значительный контингент соискателей чиновничьих вакансий объяснял свое намерение служить – неимуществом. Они увольнялись из состава военнослужащих по разным причинам, рассчитывая на собственные доходы или поддержку родственников, но, обманувшись в своих надеждах, вынуждены были искать назначения в бюрократический аппарат. Живая фактура дворянских челобитных не менее красноречиво, чем статистические обобщения, показывает нам, как непросто осваивалось пространство свободы, новой реальности, не совладав с которой, "за недостатком пропитания" в апреле 1762 г. был причислен к статским делам отставной поручик, беспоместный дворянин И.В. Милохов[117], вернулся к делам в

Таблица 35. Соотношение мотивов возврата на государственную службу отставных дворян (1762–1771 гг.), %*

Мотив возврата	С учетом группы "Нет данных"	Без учета группы "Нет данных"
Нет данных	45,7	
Желание	9,2	17,0
Излечение	22,2	40,6
Излечение, желание	1,7	3,2
Неимение	13,4	24,6
Неимение, излечение	3,8	7,0
Исправление домашней экономии	1,2	2,2
То же, излечение	0,3	0,6
Манифест	0,9	1,6
Именной указ	0,3	0,6
Протекция	1,4	2,6
Итого	100	100

* РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 431, 449, 450, 462–464, 473, 482, 497–499; Оп. 14. Кн. 506–511, 514–520, 522–525, 527–532, 534–544, 546–554, 557–560, 562, 567.

марте 1764 г. отставной капитан Азовского пехотного полка А.Л. Протодьяконов, собственных крестьян не имевший ("за отцом его состояло в Муромском уезде 10 душ м.п., кои отцом проданы")[118]. В 1762 г. "за болезнями" уволился из службы капитан С.А. Селивачев. В марте 1768 г. в прошении об определении к статским делам он сообщил: "Хотя и из дворян, токмо за собою людей и крестьян не имею и, будучи в отставке, содержать себя не могу"[119]. Коллежский асессор Л.Д. Готовцев в службе состоял с 1722 по 1761 г. Предки его были испомещены в Галицком уезде. За ним крестьян не было, потому что его старший брат Федор по указу Петра I о единонаследии "учинил себя наследником", а Льву ничего не дал. "А ныне оным владеет сын его, а мой племянник", – указал он в челобитье в 1769 г., прося определить к статским делам[120]. "По неимению" в мае 1769 г. пожелал причислиться к статским делам беспоместный дворянин, коллежский асессор В.К. Бухвостов, уволившийся от дел "за болезями" в августе 1766 г.[121]. Пребывавший на действительной службе почти двадцать два года Н.И. Бестужев был потомственным дворянином. В восемнадцатилетнем возрасте поступил в Инженерный корпус, по окончании которого служил в лейб-гвардии Измайловском полку. В январе 1766 г., в возрасте сорока лет он вышел в отставку с надеждой получить определение к статским делам, так как своих деревень у него не было[122]. Пятидесятилетний выходец из поповых детей капитан В.К. Игнатьев был отставлен в 1767 г., через три года был причислен к делам по челобитью, в котором указал: " Деревень за собою не имею, от чего в пропитании претерпеваю крайнюю нужду"[123]. Происходивший из обер-офицерских детей Н.И. Пахирев в службу вступил в возрасте пятнадцати лет в 1752 г. В сентябре 1769 г. "за

болезнями" был отставлен секунд-майором; за собою крестьян не имел, за женою в Ливенском уезде числилось 70 ревизских душ. В апреле 1770 г. просил определить к делам "по неимению пропитания"[124] Выходец из солдатских детей Ф.Т. Лукьянов крестьян за собою не имел, в службе состоял двадцать три года и дослужился до чина поручика. Оформив отставку в 1768 г., он через год просил о причислении к делам, так как "пришел в крайний недостаток и разорение и не только пропитать жену и детей, но и самого себя вовсе безнадежен"[125]

Некоторые дворяне, выходя в отставку, рассчитывали иметь пропитание у родственников. Так, поручик Ф.Ф. Шулепников, уволившийся от дел в октябре 1769 г., "по выключке... из полку намерен был в содержании себя пользоваться имевшимися у матери моей родной крестьянами, но как оные по долговременной... с соседними помещиками и с их крестьянами тяжбе, к тому ж и за нерождением хлеба пришли в крайнее разорение и убожество, принужденным себя нашел просить о определении на порозжую вакансию... к статским делам[126] Двадцатисемилетний князь П.Ф. Мансырев, прослуживший десять лет в сенатских ротах и вышедший в отставку подпоручиком в декабре 1769 г., "по отставке имел надежду в пропитании на своего родственника, отставного капитана князя Мансырева, проживавшего в Кадомском уезде. Но он умер" Своих крестьян у отставного не было, за матерью в Нижнеломовском уезде числилось лишь десять ревизских душ. Оказавшись без пропитания, он вернулся на службу и был определен в Саратовский гарнизонный батальон на прапорщичью вакансию[127] Поручик В.И. Терновский был отставлен на свое пропитание в дом к матери в Коломенский уезд, с. Васково, где за ней числилось 5 душ м.п. и 20 четвертей земли. Однако уже спустя два месяца он челобитьем просил "по неимению пропитания" определить в Коломенский уезд к монастырским вотчинам к экономическим делам управителем, куда и был отослан[128].

Во время пребывания в отставке многие помещики имели намерение заниматься хозяйством и жить за счет его доходов. Однако одни не справились с задачей доходно вести экономию, а другие не смогли реально оценить перспективы своей экономической независимости. Не всегда получали хозяйственную самостоятельность неотделенные сыновья здравствующих родителей, а каждый из многочисленных наследников средних, мелких и тем более мельчайших помещиков получал во владение такое мизерное поместье, что было невозможно пропитаться за его счет. Приведем несколько примеров. Служивший в сухопутном шляхетском кадетском корпусе поручик Е. Боровитинов был отставлен на свое пропитание на основании Манифеста в 1765 г. капитаном. В том же году просил определить его в Нижегородский батальон "для пропитания", так как "пропитания не имеет, кроме отцовского, но отец здравствует, и он сам в имении не властен"[129] Сорокатрехлетний поручик Л.Ф. Фрязин вышел в отставку в марте 1767 г. "по Манифесту" и "за болезнями" капитаном. Спустя год, "получив свободу от болезней", стал просить об определении к статским делам "по недостатку". Своих крестьян у него не было, а за

отцом в Белозерском уезде числилось 23 души м.п.[130] Ротмистр Архангелогородского кирасирского полка Н.И. Рылеев уволился в декабре 1764 г. в возрасте 42 лет. За ним "обще с тремя братьями и тремя сестрами" в Галицком уезде числилось 106 ревизских душ. После нескольких месяцев пребывания в поместье отставной понял, что "в доме ему жить не из чего" Поэтому весной 1765 г. просил определить его к делам "по малоимению"[131]. М.М. Ртищев на действительной службе находился с 1744 г. В марте 1763 г. вышел в отставку секунд-майором, однако уже через полгода по прошению был причислен к статским делам. За его отцом в Курском уезде значилось 200 душ м.п., но отец и сам здравствовал, "к тому ж и других детей имел, то в отдел ко владению его определил при особливом доме 16 душ" При таком количестве "содержать себя с детьми моими, кроме самого малого пропитания, не могу", – отмечал он в челобитной и просил определить к делам, – "дабы я, шатаясь из двора во двор, не претерпевал бы с малолетними детьми моими, а паче в воспитании всекрайнейшего недостатка"[132]. В ту же пору и отставной капитан П.М. Греков подал прошение о зачислении на службу, отметив, что "из 70 душ отца в приданное за сестрою его отдано, бежало и померло 23 души. Затем осталось 47 душ, но он у отца не один, еще брат родной в 760 году из армии отставлен капитаном на свое пропитание, да сестра девица, и живут на содержании отца, который по бедности крестьян, не только его еще содержать, но и брата и сестру почти содержать не в состоянии. То в рассуждении беспорочной его службы, а паче в награждение за полученные им тяжелые раны, и по неимению не только содержания, но и пропитания достатка", просил об определении[133]. 16 ревизских душ вместе с братом в Алексинском и Воронежском уездах имел отставной секунд-майор А.И. Бирев, определенный "по малоимению" в 1762 г. к монастырским вотчинам управителем, а спустя несколько месяцев переведенный в главную Полицмейстерскую канцелярию[134]. Нищета без службы ожидала и тридцатилетнего дворянина П.Е. Ходыревского, отставленного на свое пропитание в мае 1768 г. "за слабостью здоровья и по манифесту..." секунд-майором. За отцом его в Курском уезде числилось 15 душ м.п. Наследниками, помимо него самого, были и его братья. Спустя месяц после отставки он стал просить об определении к делам "за скудостью пропитания"[135]. Тщетными оказались надежды на собственное пропитание и у помещика Козловского уезда Н.М. Бурмицкого, который в течение семнадцати лет пребывал на действительной службе, а в марте 1769 г. "за болезнями" уволился капитаном, но уже спустя три месяца вновь стал проситься к делам. "Хотя за мною и показано, что состоит мужеска пола 15 душ, – писал отставной, – но оными владение имел отец мой, который еще при жизни своей всех распродал, я же все время находился в службе при армии в походах и по оставке надеялся от помянутых крестьян себя пропитать, но теперь, узнав, что ни единой из оных душ нет, отчего будучи в отставке, чем себя содержать пропитания теперь никакого не имею, а желаю еще службу продолжать при статских делах"[136].

Многочисленные документы возвращавшихся к делам зафиксировали процесс оскудения и разорения дворянских поместий, особенно мелких и мельчайших, обнищания и бегства крестьян во время длительного пребывания хозяев на воинской службе. Помещик Казанского уезда, сорокавосьмилетний отставной поручик М.Л. Маматов с просьбой об определении к статским делам обратился в Сенат в январе 1768 г. Хотя за ним и числилось 13 ревизских душ, но из них "в разные времена померло 6 душ, а ныне в наличестве и с малолетними имеется 7 душ, а более как за мною, так и за женою моею людей крестьян нигде нет"[137] В марте 1763 г. в возрасте 42 лет уволился "по Манифесту" и "за болезнями" поручик Сибирского пехотного полка И. Салтанов. В Новгородском уезде он имел 7 душ м.п.[138]. Через два года он вернулся на службу, поскольку "крестьяне его кто умер, а кто разбежался, и ему не из чего жить и иметь пропитание"[139]. По тем же мотивам вышел в отставку и другой владелец семи ревизских душ, сорокатрехлетний секунд-майор Г.И. Глебов[140]. Спустя два года, прося причислить его к статским делам "по недостатку и неимуществу", он пояснил, что крестьяне "в бытность в службе... пришли в крайнее убожество"[141]. "В надежде пропитать себя с женою и детьми" уволился из службы в 1764 г. владелец 10 ревизских душ поручик К.О. Коровин. В августе 1765 г. прося об определении к делам, он объяснил, что "пропитать себя не может"[142]. Испомещенный в Шацком и Коломенском уездах Г.С. Семенов имел за собою 28 душ м.п. В апреле 1768 г. он был отставлен капитаном. Но по возвращении в поместья обнаружил, что "из того числа невозвратно выбыло шестнадцать, затем... с женою и сына, находящегося в службе..., содержать нечем, затем ныне, – объявил он в прошении, – желаю я быть в статской службе на положенном по штату жалованье" В августе 1768 г. он был причислен к делам[143]. Тверской помещик, владелец 42 душ м.п. сорокашестилетний Н.С. Астафьев в марте 1765 г. уволился "по Манифесту" надворным советником, а в январе 1766 г. был причислен к делам по челобитью, в котором указал: "Как я будучи в службе... все время у воинских дел, содержание свое имел от получаемого... жалованья; когда же мне от всех дел вовсе быть в оставке, то я без всякого получения жалованья, не имея достатку, не токмо чем могу имеющийся на себе долг отплатить, но и в содержании своем с домашними терпеть буду всекрайнейший недостаток. Я же, имея детей своих, из которых два сына находятся в службе, а третьего по тому же надлежит мне, обуча, предуготовить к службе, к тому ж... ныне в здоровье своем поправился, и от прежних болезней выздоровел, то не по старым еще моим летам без всякой службы и не желаю быть праздным"[144]. Секунд-майор А.И. Бабанин, за которым в Старооскольском уезде числилось 18 душ м.п., в воинской службе состоял двадцать лет. В отставку вышел в 1765 г., через пять лет по прошению определился к статским делам, следующим образом сформулировав мотивы возврата: "Имею у себя малолетних детей пять сыновей и одну дочь, за малоимением же за мною крестьян и по недостатку моему в содержании их прихожу в несостояние. А притом и от болезней моих получил свободу..."[145].

М. Баранов в марте 1766 года был отставлен коллежским советником. Через два года "по освобождении от болезней" вернулся на службу, так как "имел за собою только до ста душ, пропитать себя с женою и с пятью детьми не в состоянии"[146]. На невозможность из своего пропитания содержать семью, обучать и обмундировывать сыновей ссылались не только мелкие, но и средние помещики. М.М. Лосев имел за собою в Клинском уезде 140 душ. В марте 1763 г. он вышел в отставку премьер-майором, но через два года был причислен к делам, объяснив в прошении, что "по недостатку... без жалованья содержать себя и с детьми моими не могу" У него было восемь сыновей. Из них четверо служили, а остальные находились на обучении[147]. Н.И. Давыдов в службе состоял сорок лет. В 1767 г. "за болезнями" был отставлен действительным статским советником, но спустя два года подал в Герольдию прошение об определении к статским делам, в котором указал: "По недостатку моему недвижимого имения, за мною в разных городах меньше трех сот душ... Службою ж моею, воспитанием и обучением... детей пришел в неоплатный долг, не токмо могу чем содержать, но и себя пропитать да и за долг проценты платить не в состоянии. Ныне ж я по милости божией получил от болезней моих свободу и имею усердное и ревностное... желание продолжать мою службу". Челобитчик имел пять дочерей и двух сыновей, состоявших на службе[148].

Недостаток средств существования был связан не только с запущенностью хозяйства, измельчанием поместий, естественной убылью и бегством крестьян или многодетностью. Некоторые челобитчики при возвращении на службу ссылались на социальные конфликты, приводившие к разорению поместий. Например, помещик Шацкого уезда, пятидесятидвухлетний Д.С. Брюхатов имел за собой 6 душ м.п., да за женою – 11. В службе состоял двадцать три года. В марте 1763 г. уволился на свое пропитание "по Манифесту" секунд-майором. Спустя семь лет отставной возвратился на службу, аргументируя это следующим образом: "По отставке в пропитании довольствовался от крестьян, по последней резивии положенных за женою..., но и при сем последнем моем пропитании к горшему моему несчастию в прошлом 769 году маленький мой домишко и имение разбойниками разграблены без остатку"[149]. Пятидесятидвухлетний подполковник К.С. Колобов, испомещенный в Новгородском уезде, где за ним числилось 75 ревизских душ, уволился на свое пропитание в августе 1759 г. после тридцати лет действительной службы. Спустя четыре года подал прошение о возвращении на службу, так как был избит, измучен и ограблен в усадьбе своей разбойниками, отчего пришел в крайнее разорение, и просил "за разорением и опасностью пребывания в доме" определить к статским делам, чтобы, "получая денежное жалованье, мог себе пропитание иметь"[150].

Ограниченность возможностей реального использования "вольности" малоимущими дворянами нашла отражение в рассуждениях секунд-майора И.П. Ашуркова, вышедшего в отставку в тридцатидевятилетнем возрасте "по Манифесту" в ноябре 1764 г.: "Будучи в отставке,

Таблица 36. Удельный вес различных имущественных групп отставных офицеров, вернувшихся к делам после "освобождения" от болезней, %*

Владельцы ревизских душ						
Бескрестьянные	1–10	11–20	21–69	70–100	101–500	Итого
23	11,4	17,1	25,7	2,8	20	100

* РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 506–511, 514–520, 522-525, 527–532, 534–544, 546–554, 557–560, 562, 567.

надеясь, поправя домашнюю экономию, себя содержать. Но за небытием ни одного раза из службы в отпусках, нашел дом мой разоренным, и для того содержать себя не могу и надежды более к пропитанию не имею" По ревизии за ним числилось 20 душ м.п. К моменту его прибытия в поместье крестьян там не было вовсе. 14 июля 1765 г. отставной был определен воеводским товарищем в Севскую провинцию для пропитания[151].

Такие же пессимистические настроения овладели и А.Т. Болотовым по возвращении домой после отставки. Сведения, сообщенные ему стариком-приказчиком, были безрадостными. "Он изображал... состояние моих деревень таковым, – рассказывает мемуарист, – каковым оно действительно было, то есть очень худым и недостаточным; а доходы, получаемые с них, не увеличивать, а уменьшать еще старался, к чему он имел и причину: ибо боялся, чтоб я за все прошедшие годы не стал его считать и делать с него взыскания... Узнав всю малочисленность моих доходов, гораздо и гораздо от того сначала позадумался и смутился. Ибо видел ясно, что я в прежних мыслях о деревнях своих очень много обманулся, и что оне далеко не таковы были выгодны, каковыми я их себе воображал, и что мне не без труда будет получать с них столько, сколько нужно было мне и на свое содержание, и на поправление всего в доме, и на запасение себя всем нужным. Мысли о сем... уменьшали гораздо... и то удовольствие, какое я имел сначала при возвращении из службы в дом свой. На все и на все потребны были деньги, а денег сих не было, и я горевал, не зная, где мне их столько будет доставать, сколько нужно... для исправления всех нужд и необходимых потребностей"[152].

"По неимуществу" к делам возвращались не только отставные, прямо указавшие эту причину, но, пожалуй, не менее половины и тех, кто обосновал свое намерение служить "излечением" Это становится очевидным из анализа душевладения последних. В таблице 36 представлены сведения об удельном весе различных имущественных категорий среди "излечившихся" офицеров.

Как видим, 51,5% отставных этой группы принадлежали к беднейшим слоям дворянства: в том числе 23% – к бескрестьянным и 28,5% – к неимущим категориям. Остальные (48,5%) включали 28,5% – мелкопоместных владельцев 21–100 душ м.п. и только 20% – средних помещиков. Крупные помещики не зарегистрированы.

Строго говоря, "излечение от болезней" следует рассматривать не как причину, но как условие возврата к делам. Однако выявить более конкретные побудительные мотивы у тех, кто сослался на это обстоятельство, не представляется возможным, поскольку сведения челобитных в этом пункте недостаточно полны или противоречивы. Например, служивший флигель-адъютантом в штабе М.М. Голицына Ф.Ф. Вындомский в марте 1762 г., когда "вольность" еще не вошла в практику дворянской службы, одним из первых подал прошение об отставке и получил добро при непосредственной поддержке своего командира. Юридическим основанием оформления отставки стал Манифест о вольности, а также неизлечимые цынготная и почечно-каменная болезни. Спустя полтора года отставной, за которым в Новгородском уезде числилось 50 ревизских душ, был вновь причислен к делам "по получению от болезней свободы" и определен в главную полицмейстерскую канцелярию[153]. Неизлечимыми недугами обосновывал отставку в феврале 1762 г. и П.А. Леонтьев (владел 50 ревизскими душами в Московском и Костромском уездах), отметив в челобитной, что имеет "застарелую цынготную болезнь, в ногах лом и от почечуя весьма головою болен и шум бывает, в правом паху грыжа и черева выходят и всем корпусом слаб"[154]. Однако спустя год, получил "от болезней свободу", был причислен к статским делам и определен в город Усмань воеводским товарищем[155]. "По излечению", в 1765 г. причислился к делам надворный советник С.В. Муромцев, владевший в Данковском, Епифанском и Каширском уездах 300 душами м.п., хотя двумя годами ранее оформлял отставку вовсе не по болезни, а на основании Манифеста[156]. Столь же не согласованы обоснования отставки и возврата и в деле владельца 300 ревизских душ князя П.И. Гагарина. Служивший флигель-адъютантом капитанского ранга он вышел в отставку секунд-майором в январе 1767 г. по Манифесту. Однако, спустя два года, вернулся к делам "по излечению"[157] Приведенные примеры дают основание предположить, что формулировка "освобождение от болезней" раскрывала не столько реальную причину возврата на службу, сколько общеизвестную формулу – клише его обоснования, за которой скрывались самые разные побудительные мотивы.

Другим клише, демонстрирующим приверженность дворянина "присяжным" идеалам, являлось, на наш взгляд, желание послужить императору, выражавшееся авторами значительного числа челобитий. Истинные же мотивы и в этих ситуациях, скорее всего, скрывались в сфере материальных обстоятельств. В противном случае трудно объяснить, почему дворяне, причислявшиеся законодательством к категории неимущих[158], при возвращении на службу руководствовались не прозаическими соображениями о хлебе насущном, а исключительно идеальными побуждениями, например, " нежеланием без всякого дела в праздности коснеть", как заявил отставной капитан С.И. Смольянинов (7 душ м.п.)[159]; "непрестарелыми летами и склонностью к статским делам", о чем сообщили отставной секунд-майор, тридцатилетний И.В. Леняков (5 душ м.п.)[160] и отставной поручик, двадцативосьмилетний М.Л. Воронов (5 душ м.п.)[161]; "ревностью к службе" и

"всеусердным желанием Вашему Императорскому величеству службу продолжать при статских делах", в чем заверяли отставные морского флота лейтенанты П.Г. Буковский (12 душ м.п.)[162] и Е.Е. Ложников (10 душ м.п.)[163]. Небезынтересно заметить, что при оформлении отставок упомянутые офицеры воспользовались Манифестом, который распространялся на все категории дворян. Однако, как мы упоминали выше, когда в первые годы его реализации произошел большой наплыв в Герольдмейстерскую контору малоимущих для определения к делам, его действие было ограничено для помещиков, имевших менее 20 ревизских душ. Отставка последних обуславливалась предоставлением подписки "о непрошении впредь пропитания"[164]. Такую подписку давал, например, секунд-майор И.В. Леняков. Он оформил отставку в декабре 1767 г., но уже через месяц, нарушив условие, написал прошение об определении к делам и обосновал его ссылкой на "ревность" к службе[165]. На том же условии получил увольнение и выходец из приказных чинов, тридцатипятилетний Б. Плотников, имевший за собой и за женою 20 ревизских душ в Ливенском уезде. Прослужив четырнадцать лет, в 1765 г. он вышел в отставку "на свое пропитание" капитаном. Но, спустя год, обратился в Герольдию с просьбой об определении к статским делам, подчеркнув, что хочет служить "не за неимением пропитания, ...а за нестарыми годами и не желая жить в праздности"[166].

Судя по приведенным выше документам, оказываясь на "своем пропитании" серьезные материальные затруднения испытывали не только мельчайшие, но и различные категории мелких помещиков. Однако представления о дворянском достоинстве, очевидно, не позволяли многим жаловаться на затруднительность своих обстоятельств, поэтому они предпочитали объяснять возврат на службу ссылкой на нормативно одобренные качества ревностного слуги отечества. Конечно, мы не можем полностью отрицать, что, например, служивший флигель-адъютантом штаба П.И. Панина и вышедший в отставку секунд-майором в возрасте тридцати лет А.И. Цызырев захотел вернуться на службу "по склонности" к статским делам. Однако обращает на себя внимание, что за ним в Переславль-Залесском уезде числилось лишь 30 душ м.п., в оставку он вышел не из-за болезни, а "по Манифесту", то есть по желанию, но при этом пребывал на своем пропитании всего лишь месяц[167]. Другой отставной секунд-майор С.Ф. Голубцов своих крестьян не имел вовсе, за отцом его числилось тридцать душ м.п. В отставку он вышел также "по Манифесту", но продержался в доме менее двух лет. В челобитной, поданной в 1768 г., объявил следующее: "Чувствуя в себе от болезней облегчение, имею ревностное желание службу продолжить при статских делах"[168]. На "ревность... продолжать службу..." сослался в своем прошении владелец 50 ревизских душ, отставной капитан, тридцатидвухлетний С.В. Борзов, пребывавший в отставке четыре года[169]. Немногим более крестьян – 68 душ м.п. имел отставной секунд-майор С.Н. Телегин. После трех лет пребывания в отставке он следующим образом объяснил намерение возобновить трудовую деятельность: "Понеже я нижайший от болезней свободу имею, почему не хотя быть без дела праздным усерднейшее жела-

ние имею Вашему Императорскому Величеству мою всеподданническую службу продолжать"[170].

Подчеркнутая демонстрация преданности присяжным идеалам нашла отражение и в прошениях помещиков средней руки, которых общественное мнение причисляло к разряду небогатых владельцев[171]. "Желаю Вашему императорскому величеству посвятить и показать мое усердие с продолжением службы при статских делах", – заявил секунд-майор П.В. Елагин, уволившийся в октябре 1767 г. "по Манифесту", всего за несколько месяцев до написания приведенных строк[172]. Полковник А.Н. Зубов, служивший в лейб-гвардии конном полку до апреля 1763 г. и отставленный в возрасте тридцати восьми лет, следующим образом объяснил свое намерение возобновить государственную службу: "Всемилостиво пожалованною мне вольностью пользуюсь уже близ трех лет, имел время все мои надобности привести ко окончанию, паче соблюдая присяжную должность, возымел усердие продолжать всеподданнейшую мою Вашему Императорскому величеству службу"[173]. Тридцатитрехлетний секунд-майор И.А. Ушаков в службе состоял четырнадцать лет. В феврале 1766 г. уволился на свое пропитание "по Манифесту" Однако уже спустя четыре месяца подал прошение о возвращении к делам: "Ныне против прежнего нахожу себя в лучшем состоянии да и по причине непрестарелых моих лет и ощущая в себе способность и ревность к службе Вашего императорского величества, желаю продолжать статскую службу"[174]. Все трое имели по 200 ревизских душ. "Ревностью служить в статской службе" объяснил намерение вернуться к делам помещик Муромского и Старицкого уездов, владелец 300 ревизских душ, И.А. Толстой, отставленный секунд-майором "по Манифесту" всего лишь за несколько месяцев до этого[175]. "Не желая быть в праздности и чувствуя еще столь здоровья, что статскую службу Вашему императорскому величеству нести себя нахожу в состоянии", – заявил в прошении об определении к делам полковник М.А. Муравьев, пребывавший в отставке "по Манифесту" всего полгода[176]. А действительный статский советник Н.А. Муравьев о намерении вновь поступить на службу объявил через год после получения отставки: "По всеподданническому моему к службе Вашего императорского величества усердию и по получению свободы от болезней желаю... службу продолжать при статских делах"[177].

Отставные нередко объясняли свой возврат каким-то одним фактором. В том числе некоторые ссылались на "исправление домашних нужд" или "поправление домашней экономии" На практике мотивация была гораздо более сложной. Например, отставной квартирмейстер И.Д. Ханыков, имевший за собой 400 ревизских душ, в 1765 г. обратился в Сенат с просьбой об определении к делам, в которой написал, что "ныне домашние нужды и здоровье поправил, но по недовольному числу за ним деревень долгу трех тысяч рублев вскоре заплатить не может, а к тому ж имеет десятерых детей, в том числе семь дочерей, коих время от времени пристраивать должно, и тем наипаче при таких обстоятельствах долг еще умножается"[178]. Владелец шести ревизских душ Ф.П. Волобуев в феврале 1766 г. в возрасте двадцати четырех лет был

отставлен на свое пропитание капитаном "по Манифесту" Явившись в Герольдию спустя два года, он челобитной объявил: "Ныне по исправлении домашних нужд моих и по непрестарелым моим летам имею усердное желание продолжать... статскую службу"[179]. "По исправлению домашних нужд" вернулся к статским делам в марте 1770 г. владелец 596 душ м.п. А.Н. Киреевский, пребывавший в отставке более семи лет[180]. Владелец 14 душ м.п. П.С. Обухов уволился со службы также "по Манифесту" капитаном в июне 1763 г. После четырехлетнего пребывания в отставке, "чувствуя в себе подкрепление сил и поправя несколько домашнюю экономию", он подал прошение об определении к делам[181].

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении документальные материалы о побудительных мотивах возврата на службу отставных офицеров в 1762–1771 гг. не позволяют полностью присоединиться ни к одной из приведенных выше версий, объясняющих причины продолжения дворянами государственной службы. Мнение А.В. Романовича-Славатинского о стремлении возвращавшихся к делам поднять свой социальный статус не противоречит нашему материалу, но признать выделенную им мотивацию в качестве ключевой затруднительно. В то же время архивный материал подсказывает, что отставные унтер-офицеры, составившие 7,8% уволившихся "на свое пропитание" "по Манифесту" военных (см. прил. IV), на статскую службу практически не возвращались. Не последнюю роль в этом играло то обстоятельство, что нетабельные чины не могли обеспечить дворянину статской должности, адекватной его социальному статусу и материально-денежным запросам.

С другой стороны, рассмотренные документы не дают убедительных аргументов и в пользу мнения Е.Н. Марасиновой, связывающей желание продолжать службу преимущественно с кодексом сословных добродетелей. Напротив, демонстрация верности провозглашенным социальным ориентирам, выраженная в форме однотипных клише в духе официальных призывов Манифеста, исходящая от малосостоятельных и нуждающихся просителей, заставляет усматривать в этом не столько патриотический порыв, сколько "противоречивость мотивационной сферы личности дворянина, разъедаемой несоответствием между действительными ориентациями и вложенными в сознание присяжными идеалами"[182]. Действительные же ориентиры находились преимущественно в сфере материальных интересов просителей.

Однако мы не склонны полностью разделять и мнение М.В. Ольминского о решающей роли "экономических стимулов" (побочных доходов, повышенных жалований и пенсий) в привлечении отставных на государственную службу. Приведенные нами многочисленные примеры со всей очевидностью доказывают, что ведущей причиной притока отставных офицеров в ряды бюрократии было не стремление обогатиться, а надежда получить необходимые источники существования в условиях хронической нищеты подавляющего большинства рядового дворянства.

ОТСТАВНЫЕ ЧИНОВНИКИ

Чиновники составили самую малочисленную группу отставных. С 1762 по 1771 г. из аппарата управления уволилось 636 человек. Сведения об их составе обобщены в приложении VI. Его материалы показывают, что социальный состав отставных не был однороден, однако абсолютное большинство – 88,2% (561 человек) – принадлежало к привилегированному сословию.

Из общего числа чиновников-дворян шестнадцать человек (2,8%) представляли титулованную знать Российской империи: Ф.И. Толстой [183] происходил из графской, а остальные – С.А. Барятинский[184], М.А. Вадбольский[185], П.М. Волконский[186], В. Вяземский[187], С.И. Вяземский[188], Ф.С. Голицын[189], Я.П. Долгоруков[190], П.И. Друцкий-Соколинский Ромейко Гурко[191], А.И. Львов[192], Д.П. Макулов[193], В.Р. Мещерский[194], М.С. Оболенский[195], Я.М. Тенищев[196], Д.В. Ухтомский[197], М. Чхейзе[198] – из княжеских фамилий.

336 отставных чиновников, или 60%, принадлежали к потомственному дворянству. Помимо тех, чье социальное происхождение зафиксировано в документах Герольдии, в их число нами включены и служащие, чей социальный статус определялся по косвенным признакам. Из них восемь человек начинали статскую службу на "дворянских" должностях коллегии юнкеров[199], шестеро – в сословных учебных заведениях[200], и восемь, являясь обер-офицерами, уволились со службы на основании Манифеста[201]. В соответствии с критериями определения социального происхождения, предложенными С.М. Троицким, и на основании опубликованных им сведений[202] в число потомственных дворян включены нами пять человек, служивших в гвардии до 1731 г.[203], надворный советник Ф.И. Лопухин, служивший в юности "своим коштом" в выборной дворянской роте[204], тайный советник П.П. Сумароков, вступивший в воинскую службу в 1711 г. и получавший быстрое повышение чинов на основании сословной принадлежности[205], коллежский советник Ф.М. Бессонов, начавший службу в 1722 г. копиистом в дворцовой канцелярии[206], а также надворные советники М.Д. Павлов[207], Д.С. Копиев[208], В.К. Посников и титулярный советник И.К. Посников[209]

Среди чиновников-дворян 64 человека (11,4%) были выходцами из непривилегированных сословий. Из них 16 человек (2,8%) дослужились до штаб-офицерских рангов, т.е. получили права потомственных дворян, и 48 человек (8,6%), состоявшие в обер-офицерских рангах, были личными дворянами. В число потомственных дворян за время службы удалось войти следующим чиновникам. Это четыре коллежских асессора (VIII ранг), среди которых секретарский сын Н. Астафьев[210], выходец из приказных чинов воевода г. Яренска И. Дмитриев[211], уроженец Лифляндии Кенигсфельд (его предки к числу дворян не принадлежали)[212], происходивший из старшинских детей и начавший службу драгуном ландмилицкого Украинского корпуса И.И. Попов[213]; надворные советники (VII ранг) – потомок подьяческих детей Г.В. Васильев[214] и потомственный архитектор К. Бланк[215], четыре статских

советника (V ранг) – потомки приказных людей И.С. Ермолаев[216] и В.С. Поляков[217], выходец из "старинной дьяческой семьи", главный судья Главной соляной конторы М.С. Козьмин[218] и русский резидент в Иране, родом из церковников В.Ф. Братищев[219], а также сумевший выслужить чин действительного статского советника и получить должность президента Берг-коллегии и Монетного департамента (IV ранг) И.А. Шлаттер, происходивший из разночинцев[220].

Помимо штаб-офицеров в число потомственных дворян были включены и пять чиновников обер-офицеров, получивших свои ранги на воинской службе: шестидесятидвухлетний сын драгуна М.А. Апушкин, переведенный к статским делам прапорщиком на должность воеводы в Сольвычегодск[221]; офицерский сын, титулярный советник И.М. Храмов, в прошлом участник военных кампаний с Польшей (1734) и с Турцией (1736–1739)[222]; тридцатитрехлетний солдатский сын Ф.Т. Лукьянов, служивший секретарем поручикского ранга в походной провиантской канцелярии[223]; переведенный в управленческий аппарат после тридцати трех лет действительной службы в армии капитан Е. Трунов, происходивший из однодворцев[224]; а также придворный конюх С.Г. Евагринков, служивший с 1743 г. при дворе Елизаветы Петровны, а с 1760 г. состоявший в ранге сухопутного капитана и уволенный на свое пропитание коллежским асессором в январе 1767 г.[225]

В составе отставных чиновников зафиксированы сто сорок пять человек, в документах которых сведения о социальном происхождении отсутствовали, однако ранги штаб- и обер-офицеров позволили отнести их к числу дворян (см. прил. VI).

Наиболее общим итогом динамики состава отставных статских служащих с точки зрения социального происхождения нам представляется увеличение по сравнению с 1750-ми гг. доли потомственных представителей сословия: в том числе – на 1,4% титулованной знати (с 2,4% до 3,8% и на 14,7% потомственных дворян (с 66,1% до 80,8%) и сокращения на 4,8% выходцев их непривилегированных сословий (см. прил. II и VI), что, очевидно, явилось следствием одворянивания управленческих структур после отмены обязательной службы.

Об имущественном положении чиновников, увольнявшихся "на свое пропитание" в первое десятилетие действия "вольности", позволяют составить представление 39,2% дел, содержащих сведения о душевладении. Эти данные, выделенные в таблицу 38, показывают, что 80,5% отставных чиновников имели собственные источники пропитания. При этом более четверти (26,8%) принадлежали к категориям средних (24,5%) и крупных (2,3%) помещиков и 34,6% – к разряду владельцев 21–100 ревизских душ, а довольно высокий процент бескрестьянных дворян обеспечивался главным образом за счет выходцев из непривилегированных сословий, которые служили дольше других (см. также прил. VI).

Сравнение с аналогичными средними данными за 1750-е гг. не выявляет существенных расхождений, хотя и показывает больший удельный вес в составе отставных и большую частоту отставок мелкопоместных владельцев 21–69 душ м.п. и средних помещиков, а

Таблица 37. Относительная частота отставок служащих различных имущественных групп*

Имущественная группа	Чиновники				Военные	
	в составе		Соотношение пропорций		Соотношение пропорций	
	отставных	всего дворянства	1762–1771 гг.	1750-е гг.	1762–1771 гг.	1750-е гг.
Владельцы 1–10 душ м.п.	9,6	32,05	0,3	0,35	0,63	0,35
11–20	14,1	27,04	0,52	0,39	0,74	0,6
21–100	43	26,3	1,63	1,4	1,76	1,73
более 100	33,3	14,61	2,28	3,03	0,94	1,86

* См. прил. VI, 1, а также примеч. 6 на с. 95. Без учета группы "Нет данных".

также в 2,7 раза меньший удельный вес бескрестьянных дворян до отмены обязательной службы (табл. 37 и 38). Напротив, сопоставление с имущественным положением военных, уволившихся в 1762–1771 гг. обнаруживает значительное преобладание в их составе мелких (42,3%) и мельчайших (36,6%) помещиков при небольшом удельном весе средних (11,1%) и крупных (1,5%) землевладельцев.

После отмены обязательной службы в возрасте и стаже отставных чиновников-дворян удается проследить некоторые изменения. В 1750-е гг. наибольшее число государственных служащих (64,6%) уволилось в возрасте от 46 до 65 лет и 50,5% – в возрасте от 36 до 55 лет, а средний возраст составил 53 года. В первые десять лет действия Манифеста в возрасте от 36 до 55 лет уволилось наибольшее число чиновников, их удельный вес оказался почти таким же, как и в предыдущее десятилетие – 51% (без учета группы "Нет данных"). Старше 45 лет в 1750-е гг. зафиксировано 74,4% отставных, а в 1762–1771 гг. – лишь 56,3%, в то же время моложе 36 лет до Манифеста обнаружено 4,5%, а после его обнародования – 20,7% отставных. В результате средний возраст сократился до 47,5 лет (прил. VI). И все-таки отмеченные изменения не представляются такими существенными, как при сопоставлении с динамикой возраста у военных в послереформенное десятилетие, когда в возрасте от 26 до 45 лет уволилось 70%, в том числе от 26 до 35 лет – 43,8%, а старше 45 лет – всего 10,2% служащих военного ведомства (см. прил. II, 3; табл. 19, 20; прил. IV, 2; VI, 2).

Столь же выразительно контрастируют и данные о стаже военных и чиновников послереформенного десятилетия. В 1750-е гг. доля чиновников, прослуживших от 21 до 30 лет, среди отставных составила 26,5%, прослуживших от 31 до 40 лет – 41,6%, а более 25 лет – 77,3%, при этом средний стаж оказался равным 34 годам; в 1762–1771 гг. доля имевших стаж от 21 до 30 лет оказалась 28,9% (т.е. мало изменилась),

Таблица 38. Соотношение имущественных групп чиновников, вышедших в отставку в 1762–1771 гг.*

…группа	Социальное происхождение						В группе отставн…	
	Титулованная знать	Потомственные дворяне	Выходцы из непривилегированных сословий		Нет данных		чиновников	воен…
			Потомственные	Личные дворяне	Штаб-офицеры	Обер-офицеры		
		10,5	53,8	40	23,7	40	17,7	6,
…тной		1,4	7,7			20	1,8	2,
….п.		7,7	7,7	13,3	5,3	20	7,7	18,
	28,6	14,8		13,3			11,4	18,
		29,0	7,7	13,3	21	20	24,1	34,
		12,7		6,7	10,5		10,5	8,
	42,8	21,8	23,1	13,4	39,5		24,5	11,
	28,6	2,1					2,3	1,
	100	100	100	100	100	100	100	10…

Без учета группы "Нет данных".

от 31 до 40 лет – 29,5% (т.е. сократилась на 12,1%, или в 1,4 раза), а более 25 лет – 64,2% (т.е. сократилась на 13,1%, или в 1,2 раза), при этом средний стаж составил 30,6 лет (т.е. уменьшился лишь на 3,4 года); в группе военных в 1762–1771 гг. стаж продолжительностью от 21 до 30 лет отмечен у 20,4% отставных (т.е. на 8,5% или в 1,4 раза меньше, чем у чиновников за то же время), от 30 до 40 лет – у 3,5% отставных (т.е. на 26%, или в 8,4 раза меньше, чем у чиновников), а более 25 лет – у 11% отставных (т.е. на 52,6%, или в 5,5 раза меньше, чем у чиновников), при этом стаж от 11 до 20 лет выявлен у 50,4%, а менее 11 лет – у 24,6% военных; средний стаж составил 14,7 лет (см. табл. 19, 20; прил. II, 4; IV, 3; VI, 3).

Небезынтересно отметить существенную дифференциацию показателей по возрасту и стажу по социальным слоям чиновников-дворян. В группе "титулованная знать" средний стаж составил 24,3 года, в группе "потомственное дворянство" – 26,8 лет, в группе "выходцы из непривилегированных сословий" – 32 года (34,2 года – у штаб- и 29,8 лет – у обер-офицеров), а в группе "нет данных о социальном происхождении", куда, очевидно, также вошло немало недворян, – 34 года (36,6 лет – у штаб-офицеров и 31,4 года – у обер-офицеров). Расхождения по среднему возрасту не столь значительны. В группе "титулованная знать" он составил 47,4 года, в группе "потомственное дворянство" – 46,2 года, в группе "выходцы из непривилегировнных сословий" – 49,8 года (51,1 года – у штаб- и 48,4 – у обер-офицеров), а в группе "нет данных о социальном происхождении" – 48,1 года (53,8 года – у штаб- и 42,4 года – у обер-офицеров).

Некоторые изменения по сравнению с 1750-ми гг. можно заметить и в составе отставных по чинам. Сопоставление данных таблиц в приложениях II и VI выявляет резкое сокращение выхода в отставку низших канцелярских служителей, чьи чины не вошли в Табель о рангах. Если в 1750-е гг. они составляли четвертую часть отставных, то в 1760-е – лишь 12,4% в общем числе и 0,7% среди отставных дворян. Это можно объяснить нехваткой канцелярских служителей и установкой Сената препятствовать их увольнениям из государственного аппарата. В то же время в 1760-е гг. на 9,2% увеличилась доля обер-офицеров и на 15,8% – штаб-офицеров, что, очевидно, объяснялось массовым притоком в гражданские ведомства освобожденных Манифестом военных, которые имели достаточно высокие ранги. В отставках высших сановников динамика не прослеживается. Их удельный вес в составе отставных сохранился на уровне 1750-х гг.

Мотивация отставок в делах чиновников выглядит иначе, нежели у военных, уволившихся в то же десятилетие. Если на нетрудоспособность при отставке сослалась лишь шестая часть военных, то в общем числе чиновников-дворян нетрудоспособными оказались 50%. Примечательно, что социальное происхождение оказывало непосредственное влияние на выбор юридически значимого основания отставки. В группе "титулованная знать" нетрудоспособные составили 40%, в группе "потомственное дворянство" – 34,8%, в группах "выходцы из непривилегированных слоев" – соответственно – 64,3% и 81,8%, т.е. абсо-

лютное большинство. В группах отставных военных эти показатели составили: 29,4% ("титулованная знать"), 17,8% ("потомственное дворянство"), 50% и 61% ("выходцы из непривилегированных сословий").

Совокупной нормой – "болезнью и Манифестом" отставки обосновала четвертая часть (25,3%) чиновников, но опять-таки социальное происхождение вносило свои коррективы. Среди представителей аристократических фамилий такой аргументацией воспользовались 26,7% служащих, из числа потомственного дворянства – 34,4%, а из числа выслуживших дворянство – лишь 14,3% и 9,1% соответственно. В группах отставных военных эти показатели – 12,6% ("титулованная знать"), 13,5% – ("потомственное дворянство"), 13% и 10% ("выходцы из непривилегированных сословий").

Исключительно правом личной свободы уход от дел обосновали всего 19,4% чиновников, то есть в четыре раза меньше, чем у военных (69,2%). Из числа потомков аристократических фамилий это право использовало 33,3% отставных, из числа потомственных дворян – 28,5%, а в группе отпрысков непривилегированных слоев – всего 7,1%. У отставных военных эти показатели следующие: 58% ("титулованная знать"), 67,4% (потомственное дворянство), 36,2% и 27,8% ("выходцы из непривилегированных слоев").

Статистика показывает, что и после отмены обязательной службы статские служащие по-прежнему чаще всего обосновывали свою отставку нетрудоспособностью. Архивные документы позволяют выяснить характерные заболевания чиновников. Подробное описание недугов содержится в делах 63 дворян, что составляет 6,7% от числа тех, кто оформлял отставку по нетрудоспособности. По этим делам можно заключить, что наиболее распространенными в среде статских служащих были жалобы на сердечно-сосудистые расстройства (34 случая, 54%), в том числе склероз (3 случая, 4,8%), и слабое зрение (24 случая, 38,1%); встречались также чахотка (8 случаев, 12,7%), заболевание нервной системы – "гипохондрия" (7 случаев, 11,1%), цинга (6 случаев, 9,5%) почечуй, или геморрой (5 случаев, 7,9%), нарушение слуха (5 случаев), болезни суставов (4 случая, 6,3%), "животная болезнь" (3 случая, 4,8%), грыжа (2 случая, 3,2%); по одному случаю (1,6%) зарегистрированы мочекаменая болезнь, заболевание селезенки, фистула, падучая болезнь и ринит (насморк).

* * *

Наряду с представителями правящего сословия группа отставных чиновников включала и недворян. Манифест от 18 февраля 1762 г. на них не распространялся, однако ознакомление с их социальными характеристиками представляется небезынтересным для нашей темы. Чиновники-недворяне представлены двумя категориями: имевшие нетабельные ранги и обер-офицерские, т.е. личные дворяне. Данные о социальном происхождении этой категории отставных объединены в таблице 39. Помимо тех, чье социальное происхождение прямо отражено в

Таблица 39. Социальное происхождение чиновников-недворян, вышедших в отставку в 1762–1771 *

Социальное происхождение	Чиновники обер-офицерских рангов	%	Нижние канцелярские служители	%	Всего чиновников-недворян	%
Нет данных	3	7,1	17	27,9	20	19,4
Из церковников	6	14,2	10	16,4	5	15,5
Из купечества	2	4,8	1	1,6	3	2,9
Из приказных чинов	17	40,5	11	18,0	28	27,2
Из секретарских детей	3	7,1			3	2,9
Из архивариусских детей	1	2,4			1	0,95
Из подьяческих детей			8	13,1	8	7,8
Из обер-офицерских детей				1,6	1	0,95
Из солдатских детей	1	2,4	8	13,1	9	8,7
Из дворцовых служителей		2,4			1	0,95
Из казачьих детей	2	4,8			2	2,0
Из дворовых людей	1	2,4				0,95
Из ремесленников	1	2,4				0,95
Из мещан			1	1,6	1	0,95
Недворяне	4	9,5	4	6,7	8	7,8
Итого	42	100	61	100	103	100

* Чиновники обер-офицерских рангов: РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 506. Л. 599–600; Кн. 507. Л. 561а–562, 567, 579, 581, 586; Кн. 509. Л. 279а–298, 775а–789; Кн. 510, ч. 1. Л. 146–166; Кн. 511. Л. 742–754; Кн. 517. Л. 583–592, 1031–1034; Кн. 519. Л. 502а–516; Кн. 522. Л. 728–732; Кн. 524. Л. 58–64; Кн. 525. Л. 433–446; Кн. 528. Л. 375–387; Кн. 531. Л. 48–60, 97–104, 531–544, 688–689, 861–873; Кн. 532. Л. 135–158, 307–317, 582–584, 661–682; Кн. 536. Л. 177–188; Кн. 537. Л. 29–50, 56–60, 67–75, 102–114, 151–155, 616–620, 1046–1064; Кн. 539. Л. 36об., 38об.; Кн. 540. Л. 49; Кн. 543. Л. 197–216, 314–317; Кн. 547. Л. 67а–77, 184а–190, 258а–268, 467а–482, 845а–898, 903а–925, 932а–942; Кн. 553. Л. 449–450; Кн. 560. Л. 836а–852; Кн. 563. Л. 788–797. Нижние канцелярские служители: Там же. Кн. 510, ч. 2. Л. 733а–750об., 754–756; Кн. 511. Л. 975–989; Кн. 517. Л. 138–146, 245–296, 631–638, 713–728; Кн. 518. Л. 28–39, 274–295; Кн. 523. Л. 425–430; Кн. 524. Л. 58–64, 374а–382, 481а–497; Кн. 525. Л. 64а–72, 433–455, 796а–800; Кн. 530. Л. 777а–790, 889а–902, 973а–982, 1156а–1174; Кн. 531. Л. 566–572; Кн. 532. Л. 106–112, 287–301, 585–603, 629–641; Кн. 536. Л. 511–520, 650–653, 762–767; Кн. 537. Л. 446–450; Кн. 539. Л. 14об.; Кн. 543. Л. 57–71; Кн. 547. Л. 1–6, 756а–780; Кн. 548. Л. 582–617; Кн. 560. Л. 135а–142, 367а–372, 982–1003А.

документах Герольдии, к числу недворян отнесены нами также и служащие, отпущенные со службы по указу от 21 октября 1737 г., допускавшему увольнение разночинцев в случае нетрудоспособности[226].

Данные таблицы и приведенные выше материалы подтверждают отмеченный А.В. Романовичем-Славатинским, С.М. Троицким и другими пестрый социальный состав чиновников[227], в ряды которых влива-

лись выходцы как из податных сословий крестьян, посадских, ремесленников, однодворцев, слуг монастырских, дворовых людей, – так и неподатных (разночинцев) – мещан, купцов, приказных и подьяческих детей, солдатских, драгунских, пушкарских, рейтарских, унтерофицерских детей, а также детей личных дворян – "обер-офицеров", "офицеров", "секретарей"

Категория чиновников-разночинцев представлена сорока двумя личными дворянами, состоявшими в обер-офицерских рангах. Среди них было десять коллежских регистраторов (XIV ранг), три коллежских архивариуса и кассир Санкт-Петербургской портовой таможни (XIV ранг); четыре коллежских протоколиста, два провинциальных секретаря, коллежский переводчик (XIII ранг); два губернских секретаря (XII ранг); пятнадцать коллежских секретарей (X ранг) и три титулярных советника (IX). (См. прил. VI, 4).

Сведения об имущественном положении содержатся в делах тринадцати (31%) отставных. Из них шесть человек крестьян и земли за собой не имели; шестидесятитрехлетний секретарь Герольдмейстерской конторы И.М. Обухов, происходивший из пленных поляков, владел тремя дворовыми людьми[228]; его ровесник, выходец из приказных людей, коллежский регистратор С.В. Левицкий имел за собой 5 душ м.п.[229]; семидесятилетний секретарь А.Т. Игнатьев, происходивший также из приказных чинов, владел 21 ревизской душой[230], дьячий сын, пятидесятилетний регистратор И.И. Оловенников – тридцатью ревизскими душами[231]; переводчик Коллегии иностранных дел И.А. Данилевский имел 30 дворов в Малороссии[232]; а пятидесятилетний секретарь Д.М. Макаров был обладателем 122 собственных и полученных в приданое за женой душ м.п.[233] Коллежский секретарь И.А. Протодьяконов за собой крестьян не имел, но за отцом его числилось 140 душ м.п.[234]

Введенные Манифестом служебные привилегии на личных дворян не распространялись, однако на практике условия их выхода в отставку были, возможно, мягче, чем у других разночинцев, поскольку им удавалось увольняться со службы в более молодом возрасте. Из 42 личных дворян 24 человека (57,1%) были отпущены со службы до 55 лет; 12 человек (28,6%) – в возрасте от 55 до 76 лет; в делах пяти чиновников (11,9%) сведения о возрасте и продолжительности службы не отражены. Служебный стаж личных дворян был весьма продолжительным. Всего три чиновника (7,1%) имели стаж от 8 до 14 лет. Причем один из них, служивший переводчиком в коллегии Лифляндских и Эстляндских дел, был уволен принудительно. Среди прочих 11 человек (26,2%) пребывали на государственной службе от 20 до 29 лет, 8 человек (19,1%) – от 30 до 39 лет, 9 человек (21,4%) – от 40 до 49 лет и четверо (9,5%) – более 50 лет.

Ведущим основанием увольнения со службы большинства чиновников этой категории была нетрудоспособность: 21 человек (50%) – уволились по болезни, 3 (7,1%) – по старости, 7 (16,7%) – "по старости и болезни" и четверо (9,5%) были отставлены принудительно "за неспособность" и "должностные проступки", о причинах увольнения

остальных (16,7%) сведения отсутствуют. Из 28 человек, вышедших в отставку по нетрудоспособности, 11 (39,3%) подробно описали свои недуги: шестеро (21,4%) имели плохое зрение, шестеро жаловались на головные боли, по двое (7,1%) – на глухоту и сердечно-сосудистые заболевания, и по-одному (3,6%) на чахотку, почечуй, цингу, "опохондрию", лихорадку и паралич.

Из чиновников нетабельных рангов в 1760-е гг. в отставку вышел 61 человек, или 9,6% от общего числа отставных чиновников-недворян. Среди них – 44 канцеляриста (72,1%), четыре подъячих с приписью (6,5%), три подканцеляриста (4,9%) и два копииста (3,3%).

Сведения об имущественном положении отставных имеются в двадцати восьми делах, или 45,9%. Из них двадцать пять человек (89,3%) крестьян и земли за собой не имели; выходец из подьяческих детей, канцелярист С.Д. Лутохин, состоявший на секретарской должности в Самарском соляном комиссарстве, имел пять дворовых людей[235]; подьячий с приписью Усердской воеводской канцелярии Воронежской губернии И.Ф. Александров указал, что за его дедом числится 22 души м.п.[236]; канцелярист Военной коллегии А.М. Аврамов, происходивший из подьяческих детей, верстаных в поместный оклад, за собой крестьян не имел, но за женою в Пензенском уезде состояло 22 ревизских души[237]

Абсолютное большинство низших канцелярских служителей – 33 человека (54,1%) вышли в отставку в возрасте от 55 до 75 лет; 27 человек (44,3%) – моложе 50 лет, о возрасте одного (1,6%) сведения отсутствовали. Всего в одном деле (2,7%) оказались опущенными и данные о стаже[238]. Среди остальных лишь канцелярист М.Ф. Беспалов имел стаж менее 10 лет[239], прочие же имели весьма продолжительный стаж: 10 человек (16,4%) пребывали на службе от 13 до 20 лет, 25 (41%) – от 21 до 30 лет, 18 (29,5%) – от 31 до 40 лет и 5 человек (8,2%) – более 40 лет.

После многолетней канцелярской работы служащие увольнялись "на свое пропитание" главным образом "по старости и болезни" Ни в одном из 61 дела не были упомянуты какие-либо другие основания отставки. 26 человек (42,6%) представили подробные описания своих недугов, засвидетельствованные Медицинской канцелярией. Они позволяют заключить, что 15 человек (58%) жаловались на "маловидение глазами", 11 (42,3%) – на головные боли, пятеро (19,2%) страдали чахоткой, пятеро же имели плохой слух, по двое (7,7%) болели падучей и цингой, и по одному отставному имели почечуй, "животную и мочекаменную болезнь"[240].

Низшие канцелярские служители, среди которых были главным образом выходцы из непривилегированных сословий, по подсчетам С.М. Троицкого, в середине 1750-х гг. составляли 8500–9000 человек[241], по штатам 1763 г. их численность возросла. Острая нехватка чиновников прежде всего этого звена управления приводила к тому, что правительство всячески препятствовало их выходу в отставку. По определению Сената от 24 мая 1764 г. и указу от 30 декабря 1765 г. увольнение чиновников-недворян допускалось лишь "по совершен-

нейшей неспособности"[242]. Поэтому из огромной армии чиновников-недворян, имевших нетабельные чины, за 1762–1771 гг. со службы были отпущены лишь 61 человек, или 0,68%, и многим было отказано в отставках. Например, в марте 1763 г. канцеляристы Севской провинциальной канцелярии А.М. Суржиков и И.А. Ламакин подали челобитья с просьбой об отставке "на свое пропитание" "за болезнями" А.М. Суржиков, состоявший в службе с 1741 г., страдал "головной болезнью, от которой правым ухом глух, а в левой руке великий лом" И.А. Ламакин, служивший в той же канцелярии с 1746 г., имел "животную болезнь, в голове и в правой руке в локте большой лом" Сенат обоим просителям в отставке отказал, так как усмотрел, что "у дел быть могут"[243] Служивший в Свияжской провинциальной канцелярии с 1746 г. канцелярист Л.Д. Протопопов происходил не из дворян, с просьбой об отставке обратился в 1765 г. "Тому года с полтора, – отмечал он в челобитной, – ...одержим был болезнию горячкою, после которой и ныне чувствую всегда в себе внутреннюю болезнь и в голове бывает превеликий шум и от того прихожу почасту в беспамятство и оглох" Еще 29 января 1764 г. он был Свияжской канцелярией уволен от дел для отставки. Однако Медицинская канцелярия по осмотру заключила: "Как он летами не стар (просителю было 30 лет. – *И.Ф.*) и в прежнее здоровье приходить может, для того надлежит ему дать время для излечения, а потом у дел быть может" В результате вместо полной отставки больной канцелярист был отпущен в дом на два года для излечения[244]. Аналогичным образом закончилось ходатайство об отставке и тридцатичетырехлетнего канцеляриста Ярославского провинциального магистрата М.П. Бухарина. Происходивший из приказных чинов, он служил в той канцелярии с 1749 г. В январе 1766 г. в прошении об отставке он отметил, что "пришел в слабость... здоровья и чувствует частые болезненные припадки" Осмотр Медицинской канцелярии выявил, что "назад лет 8 телегою грудь раздавлена была, отчего ему приключились кашель и одышка, в пояснице и спине лом чувствует, да и в ногах временно: а от того и хождение несвободное имеет" В результате полугодового рассмотрения дела 2 июня 1766 г. челобитчик был отпущен в дом на два года[245].

Таким образом, чиновничество обнаружило принципиально меньшую, нежели военные, готовность воспользоваться правом выхода в отставку и сохранило большую устойчивость своих характеристик. Ежегодное число отставных этой категории даже уменьшилось в сравнении с пятидесятыми годами с 66/67 до 63/64 человек в год. (Преобладающее большинство – 93,2 и 88,2% – дворяне). Произошло некоторое омоложение состава отставных. Чаще стали уходить в отставку среднепоместные и мелкопоместные дворяне. Возросшее число бескрестьянных отставников объяснимо введением пенсий и распространением на чиновников других форм государственного патронажа. Однако самая большая перемена произошла не в динамике отставок статских и не в социометрических характеристиках их биографий, а в реалиях процесса интенсивной абсорбции поступавших на статскую службу военных. Как уже отмечалось, ежегодное пополнение

рядов чиновничества бывшими военными составляло в течение десятилетия 133,1 человек, что в два раза превышало число вакансий, образовавшихся за счет ухода в отставку чиновников (63/64 человек в год), обеспечило заполнение мест, предусмотренных новыми штатами, предопределило существование кадрового резерва и имело результатом доминирование бывших военных во многих звеньях государственного управления.

Естественно складывавшееся давление кадрового резерва на аппарат и все более возраставшая потребность в статских вакансиях для бывших военных заставили правительство ввести новые законодательные ограничения в отношении разночинцев и выходцев из податных сословий, поступающих или уже поступивших на статскую службу[246]. В марте 1764 г. Сенат утвердил исключительное право отставных офицеров занимать должности, введенные новоштатным расписанием при провинциальных, губернских и воеводских канцеляриях[247] В сентябре 1765 г. высочайше утвержденный доклад Сената закрепил преимущество дворянских отпрысков перед недворянами при получении нижних чинов и ввел обязательный двенадцатилетний срок выслуги для получения очередного чина коллежскими секретарями не из дворян[248]. В апреле 1771 г. Сенат указал не определять податных людей в статскую службу[249] По наблюдению М.Ф. Румянцевой, в 1755–1775 гг. произошло заметное сокращение процентного представительства разночинцев и выходцев из податных в местных государственных учреждениях (более доступных для них, чем центральные)[250]

ПЕНСИИ И ПАТРОНАЖ

Одной из привилегий, к которым было приобщено дворянство в целом[251] после обретения прав вольности, являлись пенсии. Практика пенсионного обеспечения отставных была известна и ранее, но назначение пособий носило исключительный характер и не регламентировалось законодательством. После издания Манифеста о вольности положение меняется: ощутимо возросший отток военных со службы, дефицит статских мест для отставных офицеров, нехватка богаделен и ограниченные возможности монастырей по приему престарелых и больных заставили власть задуматься о создании системы пенсионной поддержки.

Продолжал действовать и другой, традиционный фактор: необходимость поощрять пенсионным содержанием представителей высших разрядов чиновничества и генералитета. Самый широкий жест был сделан в сторону последней категории: с первых месяцев 1763 г. на пенсии генералитету стали отпускать из экономических доходов 50 тысяч рублей ежегодно[252]. По указу от 26 февраля 1764 г. "экономические" средства в сумме 115 тысяч рублей стали расходоваться также на пенсии для прочих военных чинов и содержание семей погибших военных[253].

Позже, в июне 1764 г., был принят закон о пенсиях для статских служащих, определявший, какие категории чиновничества могли претендовать на пенсионное обеспечение, и порядок назначения пенсий[254]. Вся ежегодная пенсионная сумма составляла 25 тысяч рублей. Источником ее указывались те же экономические доходы. Такой суммы никак не могло хватить на всех, кто соответствовал требованиям, предъявляемым к соискателям пенсий (35 лет "беспорочной" службы, считая с 15 лет). Поэтому для представленных к пенсии и не получивших ее учреждалась очередь. В делах этой категории делалась запись: "награжден пенсионом, когда освободится вакансия"

Офицеры и нижние воинские чины стали получать пенсии на тех же основаниях[255]

Всего за 1762–1771 гг. пенсии получило незначительное количество служащих – 112 человек. Все, получившие ее в 1762 г., оформили пожалование до свержения императора Петра III. С восшествием на престол Екатерины наблюдается перерыв в пожалованиях пенсиями – до февраля 1763 г. За последующие одиннадцать месяцев (включая февраль) обладателями пенсий стали 18 человек: 15 военных, двое статских и один придворный. За десять лет (с 1762 по 1771 г.) военные среди пенсионеров составили 50 человек, штатские – 60, придворные – 1. Распределение пожалований по рангам адресатов показывает, что на четыре средних ранга (IX–VI) приходится 40 (36%) пенсий. Прочие ранги менее отмечены пожалованиями. Из них выделяются генералы (5 пенсий) и нетабельные чины (14 человек). На малопрестижные табельные ранги (X–XIV) приходится 23 пенсии. Проецируя табельную вертикаль на имущественные категории отставных, можно обнаружить, что наибольшую категорию пожалованных составляют те, у кого в делах отсутствуют данные о душевладении (62 человека). Среди групп, имеющих учетные показатели, доминируют бескрестьянные (23 человека) и с наименьшим количеством крестьян – от 1 до 10 (11 человек).

Размер пенсий был чрезвычайно дифференцирован и сильно колебался в зависимости от ранга отставляемого, его связей, заслуг перед государством или императрицей, наличия крестьян. Между 15 рублями сержанта (нетабельный чин) и 1000 рублей генерала коллежскому асессору могли назначить 49 рублей, секретарю коллегии – 187 рублей, капитану 125–150 рублей, комиссару департамента – 225 рублей, подпоручику – 300 рублей[256]. Очевидно, что связь между размером пенсии, с одной стороны, рангом и должностью – с другой, не определялась однозначно: служащий меньшего ранга (например, подпоручик) мог получать больше, чем коллежский секретарь, капитан или комиссар департамента. Существовал ли документ, регламентировавший размеры пенсий, – остается неясным. Довольно часто размер пенсии определялся формулой "в половину жалованья"[257], что позволяет предполагать существование нормативной традиции в канцелярии императрицы и Сенате, но соблюдалась она не строго, пенсия могла быть равна и полному жалованью[258].

На дворян распространялись и другие формы послеслужебного патронажа: определение в инвалидную команду (сочеталось с назначением

пенсии), содержание в инвалидных домах, определение на поселение (как правило, без пенсионного обеспечения). Статистический анализ масштабов и динамики распределения дворян по отраслям социального попечительства крайне затруднен отсутствием сколько-нибудь систематизированных источников, что, в свою очередь, является следствием сохранявшейся тогда бессистемности в деле государственного и негосударственного призрения. Сохранившиеся в Герольдии несколько десятков дел о получивших в 1760-х гг. патронаж дворянах свидетельствуют, что почти все они – отставные военные, среди которых преобладают обер-офицеры. Четыре пятых патронированных были отправлены в монастыри, прочие в богадельни и инвалидные команды[259]

[1] ПСЗ. Т. 15. № 11444. С. 912–915.

[2] Там же. С. 914.

[3] *Бильбасов В.А.* История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. 2. С. 242.

[4] См., напр.: ПСЗ. Т. 16. № 11611. С. 20; № 11668. С. 70–71.

[5] Там же. № 11668. С. 70–71.

[6] *Ключевский В.О.* Курс русской истории // Соч. М., 1958. Т. 5. С. 37–38; *Бильбасов В.А.* Указ. соч. С. 220.

[7] Сб. Русского исторического общества. СПб. 1871. Т. 7. С. 233. (Далее СБ. РИО).

[8] *Троицкий С.М.* Комиссия о вольности дворянства 1763 г.: (К вопросу о борьбе дворянства с абсолютизмом за свои сословные права) // Троицкий С.М. Россия в XVIII в.: Сб. ст. и публ. М., 1982. С. 145.

[9] ПСЗ. Т. 16. № 11751. С. 157.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] ПСЗ. Т. 16. № 11951. С. 401–402.

[13] Там же. № 11769. С. 172–173.

[14] Там же. № 11771. С. 173.

[15] *Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 189.

[16] ПСЗ. Т. 43: (Книга штатов). С. 35. Русская полевая армия насчитывала к началу Семилетней войны 83 тыс. человек в пехоте и 30 тыс. человек в кавалерийских войсках. (*Масловский Д.М.* Русская армия в Семилетнюю войну. М., 1886. Вып. 1. С. 25–29). К середине 1760-х гг. вооруженные силы России насчитывали более 320 тыс. человек, включая флот, инженерные и гарнизонные войска, казачьи формирования, полевые батальоны. (*Бескровный Л.Г* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 311–340).

[17] ПСЗ. Т. 16. № 11988. С. 457–462; М.Ф. Румянцева отмечает нехватку денег для расширения штатов. (*Румянцева М.Ф.* Российское чиновничество второй половины XVIII в.: формирование сословия // Сословия и государственная власть в России: XV – середина XIX вв.: Междунар. конф.: Чт. памяти акад. Л.В. Черепнина. Тез. докл. М., 1994. Ч. II. С. 60).

[18] Там же. № 12137. С. 716–720, № 12077. С. 615–616; см. также: *Омельченко О.А.* "Законная монархия" Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 265.

[19] Там же. № 11788. С. 211–212.

[20] Там же. № 12060. С. 549–569; № 12175. С. 790–791.

[21] См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Т. XIII. С. 336–338.

[22] См., напр.: ПСЗ. Т. 16. № 11643. С. 51–53; № 11716. С. 117–125; № 11745. С. 147–152; № 11844. С. 271–277; № 12060. С. 549–569. № 11863. С. 299; № 11864. С. 300–301; № 11865. С. 300–302.

[23] Там же. № 12175. С. 790–791; № 11716. С. 117–125.

[24] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 507. Л. 353.

[25] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 506. Л. 738–744.

[26] Там же. Кн. 507. Л. 561а–564, 566, 580, 583–585.

[27] Там же. Кн. 506. Л. 774–784.

[28] *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков. СПб., 1871. Т. 2. С. 238.

[29] Там же. С. 259–261.

[30] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 506. Л. 854–861.

[31] *Болотов А.Т* Указ. соч. Т. 2. С. 259–261.

[32] ПСЗ. Т. 16. № 11444. С. 914.

[33] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 529. Л. 186–187.

[34] Там же.

[35] Там же.

[36] Там же.

[37] Там же. Л. 689–690.

[38] Там же. Кн. 527. Л. 618–620.

[39] Там же. Л. 138.

[40] Там же. Кн. 535. Л. 820 об.–822.

[41] Там же. Кн. 534. Л. 499–500.

[42] Там же. Л. 731.

[43] *Державин Г.Р.* Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. М., 1860. С. 462–465.

[44] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 535. Л. 181.

[45] ПСЗ. Книга штатов. Т. 43. № 11614. С. 393; Т. 44. № 12102. С. 97–98; № 12115. С. 98–100; № 12235. С. 118–124.

[46] *Бескровный Л.Г* Указ. соч. С. 330–340.

[47] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 140.

[48] См. об этом ниже, Прил. VI, 5.

[49] *Щербатов М.М.* Соч. СПб., 1898. Т. 2. С. 223.

[50] *Болотов А.Т* Указ. соч. Т. 2. С. 453.

[51] Графские фамилии представляли: Г.П. Головин (Кн. 557. Л. 160а–164, 230), Г Мантефель (Кн. 551. Л. 260а–266), Л. Мантефель (Кн. 522. Л. 388), И. Миних (Кн. 552. Л. 606), П. Салтыков (Кн. 552. Л. 703–706), П. Толстов (Кн. 542. Л. 733–734), А. Шереметев (Кн. 558. Л. 62, 68–69), М. Шереметев (Там же).

[52] Баронские фамилии представляли: И. фон Витте (Кн. 542. Л. 80–85), И. Гильденбант (Кн. 552. Л. 698а–700), И. фон Гильденбант (Кн. 551. Л. 60, 72об.), Б. Гильденгоф (Кн. 558. Л. 58, 68–69), Э. фон Гильденгоф (Кн. 558. Л. 60, 68–69), Ф. фон Дерпален (Кн. 551. Л. 60, 66), фон Диц (Кн. 552. Л. 540а–541, 545), И. фон Зальи (Кн. 534. Л. 28), И. Игилстром (Кн. 516. Л. 458), К. Игилстром (Кн. 529. Л. 633–634), Ф. фон Кевлер (Кн. 558. Л. 60, 68–69), А.Л. фон Левенвольде (Кн. 551. Л. 60, 71об.), К. Левенвольд (Кн. 542. Л. 473–475), И. фон Розен (Кн. 551. Л. 60, 66), А. Соловьев (Кн. 521. Л. 95–107), И.О. Соловьев (Кн. 540. Л. 208–209; Кн. 550. Л. 280–284, 452–460),

фон Ферзен (Кн. 535. Л. 541–542), Г. Ферзен (Кн. 558, Л. 62 об., 68–69), Г Ферзен (Кн. 551. Л. 60, 61), Ф.Г. фон Ферзен (Кн. 529. Л. 628–630), П. Шафиров (Кн. 542. Л. 473–475), О. Шлипенбах (Кн. 535. Л. 664–665).

[53] Княжеские фамилии представляли: А. Абазацев (Кн. 542. Л. 292–293), С. Асанов (Кн. 529. Л. 136–137), Е. Асихмованов (Кн. 557. Л. 758–763, 768 об.), Г.И. Бабичев (Кн. 507. Л. 444–460; Кн. 510, ч. 2. Л. 1106–1107), С.Б. Бабичев (Кн. 546. Л. 663а–673), Е. Баратаев (Кн. 515. Л. 990), И. Баратаев (Кн. 506. Л. 117, 119), В. Баратов (Кн. 529. Л. 80–81), С. Барятинский (Кн. 551. Л. 107а–109), И.И. Болховский (Кн. 524. Л. 796–804), А. Вадбольский (Кн. 530. Л. 576–578), И.М. Вадбольский (Кн. 546. Л. 474–475, 486; Кн. 550. Л. 486; Кн. 557. Л. 67а–84), А. Волконский (Кн. 550. Л. 461–462об., 466), М. Волконский (Кн. 535. Л. 540), А. Вяземский (Кн. 542. Л. 914–918), А.И. Вяземский (Кн. 517. Л. 819, 823–824), В.А. Вяземский (Кн. 507. Л. 712а–719; Кн. 511. Л. 32–39), Н.А. Вяземский (Кн. 548. Л. 198–201, 233, 235 об.–236, 238–242), А. Гагарин (Кн. 520. Л. 10а–15), М.А. Гагарин (Кн. 557. Л. 26а–27), Н. Гагарин (Кн. 506. Л. 62, 64 об.), П. Гагарин (Кн. 514. Л. 172), П.И. Гагарин (Кн. 551. Л. 505а–508; Кн. 540. Л. 201–202), А.С. Голицын (Кн. 509. Л. 509–509 об.), Б.С. Голицын (Кн. 557. Л. 365–368; Кн. 559. Л. 316–320), Д. Голицын (Кн. 515. Л. 768), Н. Голицын (Кн. 537. Л. 240–265, 272–284), Г.П. Головин (Кн. 557. Л. 160а–164, 236), А.В. Гундаров (Кн. 542. Л. 737–750), Д. Долгоруков (Кн. 506. Л. 62, 63об.), И. Долгоруков (Кн. 508. Л. 511), Н.С. Долгоруков (Кн. 567. Л. 474а–479, 498), И. Дондуков (Кн. 540. Л. 208–209), А. Друцкий-Соколинский (Кн. 540. Л. 208–209), И. Елецкий (Кн. 546. Л. 574, 576), Г Енгалычев (Кн. 535. Л. 552–555), И. Енгалычев (Кн. 546. Л. 34–35), И.А. Енгалычев (Кн. 507. Л. 405, 409–411; Кн. 514. Л. 131–137), Д. Еникеев (Кн. 529. Л. 209–210), И. Еникеев (Кн. 535. Л. 850 об.–852), Н. Еникеев (Кн. 551. Л. 60, 74), Е.Д. Жендриков (Кн. 508. Л. 568а–590), А. Кантагузин (Кн. 540. Л. 54), И. Касаткин-Ростовский (Кн. 558. Л. 63, 68–69), И. Кикичев (Кн. 534. Л. 41–43), Ф. Колончаков (Кн. 506. Л. 62, 64об.), В. Костров (Кн. 528. Л. 586), С. Кропоткин (Кн. 558. Л. 62, 68–69), А. Кугушев (Кн. 535. Л. 819об.–822), М. Кугушев (Кн. 558. Л. 62, 68–69), С. Кугушев (Кн. 534. Л. 21), Ф. Кугушев (Кн. 558. Л. 58об., 68–69), И. Кекуатов (Кн. 529. Л. 125–126), В. Кудашев (Кн. 540. Л. 166–167), Е.Ф. Кудашев (Кн. 514. Л. 713–723), И. Кудашев (Кн. 542. Л. 435–442), П. Львов (Кн. 506. Л. 62–63), М. Макулов (Кн. 534. Л. 35), М.Б. Мамеев (Кн. 562. Л. 29а–30, 32, 36–36об.), В. Манцырев (Кн. 520. Л. 216), М. Манцырев (Кн. 529. Л. 88–89), П.Ф. Манцырев (Кн. 557. Л. 7а–8, 13, 16об., 148а–150), Ал. Мещерский (Кн. 516. Л. 222, 224), Ар. Мещерский (Кн. 516. Л. 443), П. Мещерский (Кн. 529. Л. 635–637), И. Мещерский (Кн. 515. Л. 981), И. Мещерский (Кн. 514. Л. 263–263об.), П. Мещерский (Кн. 515. Л. 169), Е. Мышецкий (Кн. 546. Л. 365–365об.), А.И. Мышецкий (Кн. 525. Л. 1125а–1139), М. Мышецкий (Кн. 529. Л. 89–90), П. Мышецкий (Кн. 520. Л. 234–265), П. Мустафин (Кн. 558. Л. 67об., 68–69), Е. Нарымов (Кн. 546. Л. 419–419об., 426), В. Несвицкий (Кн. 558. Л. 66, 68–69), Ф.И. Несвицкий (Кн. 517. Л. 985–991), М.И. Оболенский (Кн. 514. Л. 409), С. Поливанов (Кн. 558. Л. 66об., 68–69), В. Прозоровский (Кн. 535. Л. 512–516), Я. Путятин (Кн. 535. Л. 819об.–822), А. Саакадзе (Кн. 527. Л. 262–264), С. Теняшев (Кн. 535. Л. 767–770), Н.Н. Трубецкой (Кн. 558. Л. 221–222, 356–361, 362–367), Н. Тугучев (Кн. 520. Л. 281), В. Туркистанов (Кн. 552. Л. 698а–700), Ив. Туркистанов (Кн. 506. Л. 480), Ив.В. Туркистанов (Кн. 540. Л. 396а–402), Ил. Туркистанов (Кн. 542. Л. 912–918), В. Тюфякин (Кн. 540. Л. 307), П. Ураков (Кн. 528. Л. 22–24), М. Ураков (Кн. 534. Л. 558), Ф.В. Урусов (Кн. 550. Л. 216–218, 223, 224–226), И. Утешев (Кн. 515. Л. 254), И. Ухтомский (Кн. 529.

Л. 366–367), Т.Д. Чегадаев (Кн. 506. Л. 472), Г Чермантеев (Кн. 529. Л. 163–164), Б. Шаховской (Кн. 557. Л. 481, 485), Г Шаховской (Кн. 535. Л. 824–826), Н. Шаховской (Кн. 558. Л. 58, 68–69), П. Шаховской (Кн. 529. Л. 107–108), П.А. Шаховской (Кн. 514. Л. 428–429), С.Н. Шаховской (Кн. 546. Л. 93а–102), Ф. Шаховской (Кн. 542. Л. 297–299), М.Ф. Шехаев (Кн. 506. Л. 266–269, 273–276; Кн. 509. Л. 325–325об.), Щепин-Ростовский (Кн. 516. Л. 418), Г Щербатов (Кн. 507. Л. 687–688), М. Щербатов (Кн. 540. Л. 5).

[54] См. дела: подпоручика А. Кармолина (Кн. 552. Л. 353а–355), лейб-гвардии поручика М.М. Милорадовича (Кн. 450. Л. 765–776; Кн. 540. Л. 5); поручика П. Маменса (Кн. 507. Л. 163–164); поручика В. Вакселя (Кн. 507. Л. 640а–643; Кн. 514. Л. 799); капитанов: С.Л. Пантелеева (Кн. 516. Л. 88–91, 108–112; Кн. 536. Л. 271–278); В.П. Камынина (Кн. 508. Л. 644), А. Кашинцева (Кн. 507. Л. 190–202), П.Ф. Тарбеева (Кн. 507. Л. 679–689); премьер майора И.В. Яворского (Кн. 511. Л. 252а–254, 367); коллежского советника А.Н. Зубова (Кн. 536. Л. 501–506; Кн. 525. Л. 800а–820); полковника С.И. Байково (Кн. 562. Л. 948–952, 1065; Кн. 563. Л. 999).

[55] См. дела: прапорщика Н.К. Опеллиха (Кн. 562. Л. 54а, 61–62) и секунд-майора Ф.О. Чичагова (Кн. 534. Л. 616–623).

[56] См., например, дела: Н.Я. Алексеева (Кн. 552. Л. 491–494, 502–540), П. Аркатова (Кн. 506. Л. 728–734), Н.П. Балбекова (Кн. 541. Л. 134; Кн. 542. Л. 324), Ф.В. Безобразова (540. Л. 466а–469; Кн. 544. Л. 450–460), И. Белого (Кн. 520. Л. 532, 532а–540; Кн. 535. Л. 172–185), П.Г Владычина (Кн. 541. Л. 133), А.С. Денисьева (Кн. 557. Л. 219–221, 261–270; Кн. 567. Л. 133, 136–145), Ф.Г. Засецкого (Кн. 557. Л. 504а–505, 507; Кн. 558. Л. 126), С.Б. Крюкова (Кн. 534. Л. 589–592; Кн. 541. Л. 130–150), И.А. Лешукова (Кн. 514. Л. 42–49, 51–53, 55), В.И. Майкова (Кн. 535. Л. 186–190), Н.И. Миллера (Кн. 528. Л. 149–156, 249–260, 756), И. Москаленкова (Кн. 567. Л. 1098об.–1106), С.И. Соколова (Кн. 557. Л. 602–614, 640–656), И.И. Чагина (Кн. 519. Л. 222, 223об., 224, 228–230, 236а–246), Н.Л. Щербачева (Кн. 540. Л. 5; Кн. 557. Л. 462а–463) и др.

[57] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 507. Л. 424, 428, 431, 434, 435; Кн. 524. Л. 881–885, 911.

[58] Там же. Кн. 528. Л. 72–73.

[59] Там же. Кн. 507. Л. 71а–73, 78, 202а–210; Кн. 508. Л. 36; см. также *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 190.

[60] Быстрое повышение чинов, по справедливому мнению С.М. Троицкого, считается признаком принадлежности к привилегированному сословию (см.: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 189). На этом основании мы причислили к потомственным дворянам следующих отставных: С. Арцыбашева, за отцом которого в разных уездах Казанской губернии числилось 400 ревизских душ. В службу он вступил весной 1756 г., спустя восемь лет получил ранг поручика и с тех пор не служил, а в апреле 1768 г. был отставлен на свое пропитание за болезнью и по Манифесту (Кн. 546. Л. 640а–642); Н.Ф. Луцепанова, начавшего службу в двенадцатилетнем возрасте в 1751 г., а уже в 1766 г. отставленного за болезнями секунд-майором (Кн. 542. Л. 418); И. Белого, начавшего службу в 1755 г., а спустя девять лет отставленного на свое пропитание капитаном (Кн. 520. Л. 532–540; Кн. 535. Л. 172–185); А.Н. Шишелова, определенного в 1754 г. кондуктором в Инженерный корпус, а спустя пять лет уже имевшего чин подпоручика (Кн. 567. Л. 738–747).

[61] См. дела поручика Я.Л. Вигеля (Кн. 531. Л. 384–389), полковников Н. Неплюева (Кн. 518. Л. 111–116), А.С. Раевского (Кн. 506. Л. 12–13, 14об.–

15), А. Псищева (Кн. 518. Л. 111–116), И. Сибилева (Кн. 515. Л. 904а–911; Кн. 517. Л. 111–116), коллежского асессора И. Храповицкого (Кн. 511. Л. 1018–1021об.).

[62] См. дела подпрапорщика Нотебургского пехотного полка С. Киселева (Кн. 535. Л. 808–809), сержанта Низовского пехотного полка П. Мартьянова (Кн. 535. Л. 545–550), фурьера Ярославского пехотного полка Ф. Плутолова (Кн. 535. Л. 808–809), писаря Нарвского пехотного полка Ф. Смолянинова (Там же), подпрапорщика Суздальского пехотного полка М. Харкова (Там же), рядовых Великолуцкого пехотного полка Т. Пронского и А. Шевелева (Там же).

[63] Там же. Кн. 540. Л. 343–360.

[64] См. дела поручиков П.Д. Булгакова (Кн. 474. Л. 611) и Н.Ф. Левина (Кн. 450. Л. 362а–367), капитанов Ф.А. Андреева (Кн. 449. Л. 34а–36), М. Изгокова (Кн. 497. Л. 863), И.Я. Милюкова (Кн. 431. Л. 251а–258, 263–264об.), А. Окунева (Кн. 432. Л. 17), майора В.И. Чагина (Кн. 449. Л. 738), коллежского асессора Н.В. Шереметева (Кн. 464. Л. 85а–89), коллежского советника А.Н. Зубова (Кн. 390. Л. 275).

[65] ПСЗ. Т. 16. № 12289. С. 973.

[66] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 506–508, 514–516, 520–522, 527–529, 534–535, 540–542, 546, 550–552, 557, 558, 562.

[67] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 508. Л. 353.

[68] Там же. Кн. 516. Л. 506–509.

[69] ПСЗ. Т. 15. № 11561. С. 1031; Т. 16. № 11655. С. 61. № 11674. С. 74–75, № 11690. С. 88–89, № 11721. С. 127, № 11778. С. 194–198, № 11951. С. 401–402; Т. 17. № 12435. С. 190, № 12476. С. 340, № 12552. С. 539–540 и др.

[70] См. например: Сб. РИО. Т. 7. С. 394–395.

[71] См. например: ПСЗ. Т. 16. № 11643. С. 51–53, № 11716. С. 117–125. № 11745. С. 147–152, № 11814. С. 246–247, № 11865. С. 301–302. № 12060. С. 549–569, № 12087. С. 641–642 и др.

[72] Там же. № 12060. С. 549–569.

[73] Там же.

[74] Там же.

[75] *Винский Г.С.* Мое время: Записки. СПб., [1914]. С. 47.

[76] Там же. С. 56, 75, 93–95.

[77] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 515. Л. 227–227об.

[78] Там же. Л. 770.

[79] Там же. Кн. 530. Л. 1070–1077, 1083–1084, 1114–1115, 1116об.–1117.

[80] Там же. Кн. 529. Л. 374–375.

[81] Там же. Кн. 536. Л. 308–315, 350–355, 365.

[82] Там же. Кн. 550. Л. 326–327.

[83] Там же. Кн. 507. Л. 235–239, 249–249об., 251–253, 255–256об., 258; Кн. 514. Л. 652–653об., 662, 678, 692; Кн. 527. Л. 510–516; Кн. 528. Л. 104–125.

[84] Там же. Кн. 506. Л. 659, 666, 670–671; Кн. 507. Л. 723а–728, 736–736об.

[85] Там же. Кн. 537. Л. 534–555; Кн. 538. Л. 556–559, 562–562об.

[86] Там же. Кн. 535. Л. 6.

[87] Там же.

[88] Там же. Кн. 528. Л. 162–178.

[89] Там же. Кн. 535. Л. 767–770.

[90] Там же. Кн. 540. Л. 346–360.

[91] Там же. Кн. 547. Л. 997а–1113.

[92] Там же. Кн. 546. Л. 8.

[93] Там же. Кн. 508. Л. 372–379.

[94] Там же. Кн. 507. Л. 773, 776–780.
[95] Там же.
[96] Там же. Кн. 550. Л. 554–560, 651–666.
[97] Там же. Кн. 546. Л. 479–486; Кн. 550. Л. 629–651.
[98] Там же. Кн. 548. Л. 349–358; Кн. 551. Л. 434–446.
[99] Там же. Кн. 542. Л. 720–721.
[100] Там же. Кн. 550. Л. 298–300.
[101] Там же. Кн. 546. Л. 642а–656.
[102] Там же. Кн. 506. Л. 474–475; Кн. 552. Л. 140а–142, 551.
[103] Там же. Кн. 534. Л. 606–608; Кн. 541. Л. 130–150, 177–179; Кн. 551. Л. 671а–694; Кн. 552. Л. 260, 419–456, 762–763, 780.
[104] ПСЗ. Т. 15. № 11561. С. 1031.
[105] РГАДА. Ф. 286. Кн. 531. Л. 269–276.
[106] Там же. Кн. 507. Л. 728–730, 734–739.
[107] Там же. Кн. 535. Л. 181.
[108] См. выше, с. 52–53.
[109] *Романович-Славатинский А.В.* Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912. С. 505.
[110] *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. XIII. С. 15.
[111] *Ольминский М.С.* Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.; Л., 1925. С. 100–101.
[112] *Воровский В.В.* О природе абсолютизма // Соч. М., 1933. Т. 1. С. 197.
[113] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 232.
[114] *Марасинова Е.Н.* Русский дворянин второй половины XVIII века. (Социо-психология личности) // Вестн. МГУ Серия 8: История. 1991. № 1. С. 18.
[115] Там же.
[116] *Марасинова Е.Н.* Эпистолярные источники о социальной психологии российского дворянства (Последняя треть XVIII века) // История СССР. 1990. № 4. С. 168.
[117] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 507. Л. 246–248, 250об.–253, 255, 257; Кн. 511. Л. 106, 110, 112об.
[118] Там же. Кн. 528. Л. 441–445, 457, 499, 500–540.
[119] Там же. Кн. 511. Л. 588–595; Кн. 548. Л. 302–304.
[120] Там же. Кн. 553. Л. 230, 292–299, 411–415; Кн. 563. Л. 549–557, 615–615об., 617об.–618, 623–624, 631, 636.
[121] Там же. Кн. 553. Л. 455–456; Кн. 559. Л. 605.
[122] Там же. Кн. 537. Л. 534–555; Кн. 538. Л. 556–559, 562об.
[123] Там же. Кн. 534. Л. 24об.; Кн. 546. Л. 489–491; Кн. 550. Л. 382, 656; Кн. 551. Л. 539–552.
[124] Там же. Кн. 557. Л. 534а–537, 581; Кн. 558. Л. 58об., 68–69, 110, 117, 144–147, 149, 157–161, 163–164.
[125] Там же. Кн. 551. Л. 457а–463.
[126] Там же. Кн. 557. Л. 463а–465.
[127] Там же. Л. 7а–8, 13, 16об., 148а–150.
[128] Там же. Кн. 507. Л. 671–674.
[129] Там же. Кн. 528. Л. 261-262.
[130] Там же. Кн. 546. Л. 455–455об., 460, 491а–497.
[131] Там же. Кн. 527. Л. 192–196, 278–284; Кн. 528. Л. 185, 456, 493–494, 540; Кн. 529. Л. 162–163.
[132] Там же. Кн. 516. Л. 516–525,
[133] Там же. Кн. 527. Л. 178–191, 311.

[134] Там же. Кн. 507. Л. 240–242, 249об., 251–253, 255; Кн. 511. Л. 106, 108, 111, 113–114.

[135] Там же. Кн. 546. Л. 848а–850, 859а–861, 864–865; Кн. 550. Л. 629–651.

[136] Там же. Кн. 551. Л. 648–649; Кн. 552. Л. 128а–132, 416, 420–456; Кн. 562. Л. 167–193.

[137] Там же. Кн. 546. Л. 133а–136.

[138] Там же. Кн. 515. Л. 832.

[139] Там же. Кн. 527. Л. 224–229.

[140] Там же. Кн. 515. Л. 124.

[141] Там же. Кн. 527. Л. 197–200; Кн. 528. Л. 185–197.

[142] Там же. Кн. 528. Л. 711–716.

[143] Там же. Кн. 550. Л. 89–97, 383.

[144] Там же. Кн. 534. Л. 684–701; Кн. 536. Л. 81а–92; Кн. 537. Л. 1065–1967.

[145] Там же. Кн. 534. Л. 22об.; Кн. 558. Л. 489–493.

[146] Там же. Кн. 548. Л. 157–160.

[147] Там же. Кн. 515. Л. 785; Кн. 528. Л. 75–80; Кн. 562. Л. 313а–326.

[148] Там же. Кн. 548. Л. 294–297; Кн. 553. Л. 756–759; Кн. 558. Л. 355. 357–358, 360–361об., 363–367.

[149] Там же. Кн. 515. Л. 129; Кн. 557. Л. 155–157.

[150] Там же. Кн. 516. Л. 574–582.

[151] Там же. Кн. 528. Л. 417–419, 456, 469–470.

[152] *Болотов А.Т* Указ. соч. Т. 2. С. 334.

[153] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 507. Л. 561а–564, 566, 580, 583–585; Кн. 511. Л. 338–338об.; Кн. 519. Л. 358–363.

[154] Там же. Кн. 506. Л. 474–475.

[155] Там же. Кн. 552. Л. 140а–142, 551.

[156] Там же. Кн. 519. Л. 1–1об., 4, 5об., 7–9, 44–48; Кн. 530. Л. 482а–488.

[157] Там же. Кн. 551. Л. 505а–508.

[158] Неимущими законодательство считало дворян, имевших за собой менее 20 ревизских душ (ПСЗ. Т. 10. № 7201. С. 43–45).

[159] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 534. Л. 606–608; Кн. 541. Л. 130–150, 177–179; Кн. 551. Л. 671а–694; Кн. 552. Л. 260, 419–456, 762–763, 780.

[160] Там же. Кн. 546. Л. 353а–364.

[161] Там же. Кн. 552. Л. 708а–714.

[162] Там же. Л. 221а–224, 758об., 779–784, 788, 816, 822.

[163] Там же. Л. 345а–348, 750.

[164] Там же. Кн. 535. Л. 181.

[165] Там же. Кн. 546. Л. 353а–364.

[166] Там же. Кн. 534. Л. 24об., 460–477.

[167] Там же. Кн. 530. Л. 377а–382, 477; Кн. 546. Л. 525, 576а–578.

[168] Там же. Кн. 546. Л. 434–435, 439–439об.

[169] Там же. Кн. 534. Л. 463–477; Кн. 535. Л. 78–84, 705–730.

[170] Там же. Кн. 551. Л. 754а–756; Кн. 552. Л. 162, 779–784, 788об., 816.

[171] См., например, оценку имущественного положения А.А. Чацкого, данную дворянским обществом (А.С. Грибоедов. Горе от ума. Действие III, явления 7, 21.)

[172] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 546. Л. 196а–198, 202.

[173] Там же. Кн. 534. Л. 362–363.

[174] Там же. Кн. 536. Л. 113а–126; Кн. 538. Л. 543, 556–559, 561об., 563об.

[175] Там же. Кн. 552. Л. 301–305, 758, 779–784, 795–796, 850–851; Кн. 551. Л. 60, 71.

[176] Там же. Кн. 546. Л. 472–473, 486.

[177] Там же. Кн. 553. Л. 29–32.

[178] Там же. Кн. 506. Л. 117–118об.; Кн. 518. Л. 636–643; Кн. 532. Л. 366–375; Кн. 524. Л. 766–773, 911.

[179] Там же. Кн. 546. Л. 199–200, 235.

[180] Там же. Кн. 557. Л. 215–217; Кн. 558. Л. 527.

[181] Там же. Кн. 557. Л. 541а–544, 593.

[172] *Марасинова Е.Н.* Русский дворянин второй половины XVIII века. С. 27.

[183] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 509. Л. 847а–857.

[184] Там же. Кн. 530. Л. 337а–351.

[185] Там же. Кн. 519. Л. 222–223об., 226, 228–230, 277–284; Кн. 537. Л. 959–960.

[186] Там же. Кн. 553. Л. 653–657, 710–710об., 711об.–712.

[187] Там же. Кн. 559. Л. 375–377, 378, 379об.–380, 381–383.

[188] Там же. Кн. 553. Л. 123–126, 137–137об., 141; Кн. 517. Л. 819, 821–822, 824–829.

[189] Там же. Кн. 536. Л. 54–59.

[190] Там же. Кн. 537. Л. 436–445; Кн. 548. Л. 335–340.

[191] Там же. Кн. 563. Л. 495–504, 623–632, 636, 637.

[192] Там же. Кн. 510. Ч. 1. Л. 404–406, 464–466б, 468–469.

[193] Там же. Кн. 519. Л. 222–223об., 225об., 228–230, 267а–276.

[194] Там же. Кн. 552. Л. 166, 168–210.

[195] Там же. Кн. 538. Л. 91а–104, 110–112, 117об.–118, 121–125, 129.

[196] Там же. Кн. 543. Л. 419–427, 459–470, 486–483.

[197] Там же. Кн. 548. Л. 190–197, 233–235об., 238–239.

[198] Там же. Кн. 557. Л. 522.

[199] Там же. Кн. 514. Л. 625–626, 628, 629; Кн. 517. Л. 817–818, 824–825, 828, 830; Кн. 518. Л. 449–456, 466–467; Кн. 530. Л. 107а–118; Кн. 543. Л. 185–196; Кн. 547. Л. 370а–391, 781–782; Кн. 548. Л. 322–325.

[200] Там же. Кн. 507. Л. 222об, 281а–282; Кн. 514. Л. 625–627, 630–630об.; Кн. 517. Л. 664–672; Кн. 618. Л. 960–973; 984–985об., 990об., 993; Кн. 536. Л. 13а–16; Кн. 537. Л. 743–754; 759–759об., 761об.–766; Кн. 541. Л. 107–108; Кн. 553. Л. 572, 574–574об., 583об.–595; 597–600, 603.

[201] Там же. Кн. 510, ч. II. Л. 868а–874; Кн. 529. Л. 1–9; Кн. 530. Л. 237–245, 1133–1150; Кн. 537. Л. 1046–1058; Кн. 540. Л. 402а–410; Кн. 548. Л. 790–793; Кн. 553. Л. 193–194, 217–217об., 219об.–224, 439–441.

[202] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 188–192.

[203] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 511. Л. 393–395; Кн. 519. Л. 1–4 об., 6об., 7–9, 77–79; Кн. 528. Л. 670–677; Кн. 530. Л. 329–337, 365–366; 368–368об., 371–374; Кн. 536. Л. 137а–144, 166–167, 170–177; Кн. 563. Л. 892–903, 956–957об., 963–965; См. также: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 189–190.

[204] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 511. Л. 32–33; Кн. 525. Л. 1139а–1141; См. также: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 188.

[205] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 510, ч. 2. Л. 1371а–1375, 1396–1398об.; См. также: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 189.

[206] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 553. Л. 482–489, 574–575об., 585–595, 597–600, 603; См. также: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 166.

[207] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 511. Л. 926–932; Кн. 519. Л. 2об., 7–9; См. также: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 188.

[208] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 518. Л. 768–771; Кн. 548. Л. 727–728; Кн. 551. Л. 115; Кн. 563. Л. 1–6; См. также: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 188, 209, 242.

[209] Социальное происхождение братьев Посниковых представляется не вполне ясным. Иван Кириллович, как отмечено в материалах его дела, происходил из секретарских детей, т.е. был сыном личного дворянина. Однако службу начал на дворянской должности коллегии юнкера в Сенате в 1753 г. Всего через шесть лет, 25 декабря 1758 г. получил чин коллежского секретаря и 7 марта 1760 г. определен в Галицкую провинциальную канцелярию. Не дослужившись до штаб-офицерского ранга, он тем не менее 7 апреля 1766 г. был отставлен на свое пропитание "по Манифесту о вольности дворянской и за болезнью" титулярным советником (РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 537. Л. 1–28; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 127, 128, 208). Василий Кириллович в службу вступил в возрасте 12 лет в 1748 г. В январе 1760 г. был произведен из секретарей в коллежские асессоры и определен в Берг-коллегию членом. В марте 1763 г. "для необходимых нужд" был отпущен в дом в Галицкую провинцию на два года. 12 декабря 1765 г. был определен в Галицкую провинцию воеводским товарищем, а в январе 1767 г. отставлен на свое пропитание "по Манифесту о вольности дворянской" надворным советником. В деле Василия Кирилловича отмечено, что он происходит "из дворян" (РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 548. Л. 51–55, 89, 91об., 94–96; Кн. 517. Л. 767–771; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 127, 128, 208). В то же время С.М. Троицкий приводит сведения о К.А. Посникове (отце ?), секретаре Галицкой провинциальной канцелярии, отнесенном к числу приказных людей на том основании, что он обучался в цифирной школе (*Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 127, 128, 208). При всей противоречивости имеющихся сведений скорость повышения чинов и отставка на основании Манифеста позволяют включить Ивана и Василия Посниковых в группу потомственных дворян.

[210] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 530. Л. 596–603, 1092, 1113–1115, 1118, 1120–1122.

[211] Там же. Кн. 557. Л. 88.

[212] Там же. Кн. 532. Л. 549–574.

[213] Там же. Кн. 553. Л. 117–124, 130–132, 137об.–138, 141, 143, 145, 147, 153.

[214] Там же. Кн. 530. Л. 69–81; См. также: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 205.

[215] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 563. Л. 505–506, 508–511, 513, 516об.–517, 528–545, 615–615об., 616об.–617об., 623–624, 631, 636.

[216] Там же. Кн. 544. Л. 192а–195; См. также: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 266, 304.

[217] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 519. Л. 438а–448, 480–491; См. также: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 211, 304.

[218] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 517. Л. 865–875; См. также: *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 258, 303.

[219] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 531. Л. 962–966, 999–1001об., 1005–1008; 1012; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 207, 303.

[220] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 544, Л. 633а–643; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 211–212, 264.

[221] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 507. Л. 50–51; Кн. 510, ч. 1. Л. 221–230.
[222] Там же. Кн. 511. Л. 1076–1087, 1094–1097об.
[223] Там же. Кн. 551. Л. 457а–463.
[224] Там же. Кн. 546. Л. 642а–656.
[225] Там же. Кн. 540. Л. 7а–23.
[226] См., например: РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 544. Л. 1–6; Кн. 547. Л. 756а–780; Кн. 548. Л. 588–592, 594–617; Кн. 560. Л. 135а–142.
[227] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 219.
[228] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 507. Л. 561а–562, 567, 579, 581, 586.
[229] Там же. Кн. 511. Л. 742–754.
[230] Там же. Кн. 517. Л. 583–592.
[231] Там же. Кн. 517. Л. 1031–1034.
[232] Там же. Кн. 537. Л. 102–114.
[233] Там же. Кн. 537. Л. 616–620; *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 201, 202.
[234] РГАДА. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 390. Л. 667; Кн. 524. Л. 58–64.
[235] Там же. Кн. 517. Л. 272–286, 293.
[236] Там же. Л. 713–728.
[237] Там же. Кн. 532. Л. 585–591.
[238] Там же. Кн. 547. Л. 1–6.
[239] Биография М.Ф. Беспалова замечательна своей неординарностью. Происходивший из дворовых людей графа Скавронского, он в 1759 г. получил вольную и в 1760 г. был определен копиистом в Корсунскую воеводскую канцелярию. Карьера складывалась на редкость успешно, и уже в октябре 1762 г. юноша получил должность канцеляриста от Казанской губернской канцелярии. Однако в ноябре 1765 г. он подал прошение "за глазною болезнию" об отставке, указав, что "на обеих ногах знаки немалые от бывших ран (язв) видны, да на правой ноге по берцу горб, и от того ...ломота, почему и ходить ему трудно, имеется у него и в груди одышка, от которой в голове ломота и обмороки, да и во всем корпусе находится он в слабости"

В августе 1768 г. в возрасте 21 года Беспалов был отставлен "на свое пропитание" по указу от 21 октября 1737 г. "за старостью и болезнями" коллежским регистратором. (См.: Там же. Кн. 547. Л. 757–762, 769–771, 773, 775, 779–780).
[240] Там же. Кн. 532. Л. 583–591.
[241] *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. С. 176.
[242] ПСЗ. Т. 17. № 12535. С. 472.
[243] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 518. Л. 409–416, 423–423об.; Кн. 518. Л. 417–423об.
[244] Там же. Кн. 530. Л. 590а–613.
[245] Там же. Кн. 537. Л. 603–611.
[246] *Румянцева М.Ф.* Указ. соч. С. 60.
[247] ПСЗ. Т. 16. № 12077. С. 615–616.
[248] Там же. Т. 17. № 12465. С. 318–319.
[249] Там же. Т. 19. № 13596. С. 265.
[250] См.: *Румянцева М.Ф.* Указ. соч. С. 68.
[251] Пенсии назначались и нетабельным чинам, большинство которых к моменту отставки не являлись дворянами, но размер и число таких пенсий не сравнимы с пенсиями табельных чинов.
[252] ПСЗ. Т. 16. № 11788. С. 211–212.

[253] Там же. № 12060. С. 549–569; см. об этом также: *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. XIII. С. 336–338.

[254] ПСЗ. Т. 16. № 12175. С. 790–791.

[255] Там же. № 12258. С. 926.

[256] РГАДА. Ф. 286. Оп. 14. Кн. 509. Л. 524–584; Кн. 516. Л. 464а–460; Кн. 527. Л. 425–439; Кн. 534, Л. 47–49; Кн. 538. Л. 370а–400; Кн. 546. Л. 756а–778; Кн. 543. Л. 948–970; Кн. 553. Л. 111–112; Кн. 562. Л. 600а–604.

[257] См., например: Там же. Кн. 506. Л. 745–750; Кн. 507. Л. 1–3; Кн. 515. Л. 493–494.

[258] См., например: Там же. Кн. 509. Л. 595–689; Кн. 531. Л. 685–687; Кн. 562. Л. 671а–685.

[259] Там же. Кн. 506. Л. 270–274, 277–283, 545–550, 606–628; Кн. 507. Л. 291–297, 373–378, 496а–501, 545–549, 569–577, 801–817; Кн. 508. Л. 58–64, 246–260, 326–363, 400а–409, 464а–477, 537а–545, 648–649; Кн. 511. Л. 1032–1042об., 1088–1097; Кн. 514. Л. 13–20, 469–479; Кн. 515. Л. 92–97, 443а–457, 876–877, 997а–1004, 1019–1086об.; Кн. 530. Л. 170а–177, 933–938; Кн. 532. Л. 318–325; Кн. 534. Л. 554; Кн. 535. Л. 552–556; Кн. 537. Л. 82–85; Кн. 541. Л. 43–44, 79–85; Кн. 546. Л. 390а–400; Кн. 547. Л. 295–316, 498а–505; Кн. 567. Л. 616а–624.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политико-правовое статуирование шляхетства-дворянства в России приходится на XVIII столетие, время, когда Западная Европа, окончательно расставшись со средневековьем, интенсивно осваивала принципы гражданского общественного устройства и в основном перешла к бессословному структурированию национальных сообществ. В контексте европейского социально-политического опыта Россия занимала особенное место. Развитие рыночных отношений, ускоренный рост помещичьего, купеческого и крестьянского предпринимательства сопровождались здесь консервативной парадигмой в сфере права и, прежде всего, в соотношении прав государства и человека, государства и социальных групп, сословий. Однако сословное структурирование российского общества, заметное именно с XVIII столетия, лишь на первый взгляд может быть расценено как запоздалая реакция на политико-правовое размежевание социальных сил, характерное для любого "капитализирующегося" общества. На деле же запаздывание этого процесса, вполне заслуживающее признания, если проецировать его на западноевропейскую систему координат, целиком отвечает логике и ритму исторического развития России. Раннебуржуазные отношения развивались здесь в тесном переплетении с процессом усиления крепостничества и в непосредственной зависимости от него. К середине XVIII столетия оба процесса получили осязаемую выразительность в экономической и социальной жизни Российской империи: рост мануфактурной промышленности, внутренней и внешней торговли на фоне и в связи с "революцией цен", с одной стороны; рост барщины и оброка как следствие коммерциализации помещичьего хозяйства, сосредоточение земельной, административной и судебной власти в руках феодала – с другой.

В этих условиях сословнообразующая дифференциация общества (так и не завершившаяся ни к середине XIX в., ни к началу XX в.) не могла не приобрести свойства однобокости, преимущественного развития в пользу класса, составлявшего костяк бюрократического аппарата и вооруженных сил, контролировавшего большую часть сельскохозяйственного и крупного промышленного производства (главным образом косвенно – через казенные предприятия и заказы) и значительную часть товарного рынка, т.е. дворянства. Стремление дворян максимально использовать преимущества своего положения для закрепления и расширения своих привилегий наталкивалось на два по-разному

противостоящих фактора: сопротивление других социальных групп (купечества, мещан, духовенства, казачества, однодворцев) и корректировку притязаний – со стороны монарха и наиболее влиятельных органов управления. Степень корректировки, согласия или несогласия монархии с притязаниями дворянства зависела не в последнюю очередь от давления на нее массы недворян, чьи возможности влиять на деятельность законотворческих органов были несравненно более ограниченными, нежели у дворянства.

Объединение его в единое сословие, всецело отвечавшее интересам абсолютизма, было инициировано абсолютизмом же, но первоначальный правовой статус сословия, определенный Табелью о рангах и другими актами 1720-х гг., не удовлетворял значительную его часть, недовольную, в первую очередь, институтом майората, и, во вторую – обязанностью постоянной службы и жесткой, не адаптированной к интересам личности регламентацией службы.

После отмены майората вопрос о службе привилегированного сословия становится основной болевой точкой во взаимоотношениях абсолютной монархии и шляхетства. В нем наиболее остро сталкивались интересы государства и класса, интересы которого были для государства приоритетными. Основная масса мелких и средних помещиков, имеющих возможность обеспечивать себя с земельных владений и работавших на них крестьян, была заинтересована в том, чтобы избавиться от обязательной службы и осесть в своих поместьях или переменить условия службы. Государство преследовало иную цель – как можно дольше удерживать дворян на службе и не допускать чрезмерного оттока кадров из вооруженных сил и аппарата управления. В своей основе действия правительства отвечали коренным интересам дворянства не в меньшей, если не в большей, степени, нежели пожелания массы дворян. Для монархии и высшего чиновничества была очевидной трудная совместимость двух стихийно складывавшихся социально-психологических установок дворянства: желания свободно выбирать между службой и нерегламентированной деятельностью и стремления сохранить за собой доминирующее положение в политической и иных сферах жизни общества. Удовлетворить первое притязание можно было лишь в той мере, в какой оно не противоречило второму. Эта, казалось бы, неразрешимая задача все-таки решалась, но постепенно, по мере реализации частичных уступок и подготовки условий для сбалансированного осуществления перемен.

Сокращение срока обязательной службы, создание кадетских корпусов (учеба в которых давала возможность ускоренного и более успешного прохождения лестницы чинов), введение годичных отпусков воплощают линию уступок правительства в отношении облегчения служебного бремени дворянства до Манифеста о вольности; переписи чиновников и офицеров, разработка новых штатов учреждений, подготовка секуляризации церковных имуществ – таковы наиболее заметные предреформенные мероприятия правительства. Соответственно, Мани-

фест 18 февраля 1762 г. явился результатом длительной превентивной апробации его положений в теории и практике модернизации государственного механизма в середине XVIII столетия. Осенью 1763 г., после безуспешных попыток императрицы ревизовать Манифест политика правительства в дворянском вопросе возвращается к сложившимся ранее приоритетным ориентирам, начинается последовательная реализация курса на приспособление условий службы в вооруженных силах и государственном аппарате к реалиям, продиктованным свободным движением дворянских кадров. Распространение пенсионного обеспечения на статских и более широкий охват им военных, обновление уставных норм военной и военно-морской службы, установление жалованья низшим категориям чиновников и повышение жалованья чиновничеству в целом, учреждение новых штатов, последовательное проведение секуляризации церковных имуществ, расширение сети государственного патронажа над отставными – таковы основные акции этого курса в рассматриваемое время.

Учреждение в 1769 г. ордена Св. Георгия, связанное в первую очередь с начавшейся русско-турецкой войной, было актуально также в контексте поиска новых стимулов для привлечения дворян на службу.

Благодаря перечисленным мерам в течение первых десяти лет действия Манифеста правительству удалось удержать под контролем движение кадров в вооруженных силах и аппарате управления, сохранить достаточный контингент офицеров в армии и на флоте, обеспечить занятость значительной части отставных офицеров в статских учреждениях, создать резерв кадров для аппарата реформируемых местных учреждений. Удалось и другое: сложившаяся десятилетиями система ограниченного допуска разночинцев в офицерский и управленческий корпуса доказала свою устойчивость и приспособляемость к новым условиям. Вероятное – ввиду оттока офицерских кадров в отставку и сферу управления – возрастание представительства разночинцев в армии было предупреждено нормативным утверждением преимущества дворян перед недворянами при производстве в офицеры (1764). Пополнение штатов управленческих структур преимущественно за счет отставных офицеров стабильно поддерживало доминирующее положение дворян в корпусе российского чиновничества, хотя и в этой сфере были предприняты новые законодательные ограничения карьерного роста недворян.

Наплыв военных в управленческие структуры (начавшийся задолго до февраля 1762 г.) имел и свою негативную сторону с точки зрения интересов государства. Несмотря на способность части офицеров, особенно военно-технических специальностей, адаптироваться к условиям статской деятельности, гражданские ведомства и учреждения не могли успеть качественно абсорбировать интенсивный поток военных. Отсюда усиление силовых методов и складывание по-армейски жесткого стиля в деятельности и без того излишне милитаризованного государственного аппарата.

Восприятие Манифеста в дворянской среде в течение первого десятилетия после его подписания оставалось сугубо положительным, хотя часть аристократии продолжала идейно фрондировать против сомнительной, с ее точки зрения, новации. Манифест о вольности прочно вошел тогда в практику дворянской службы и стал неотъемлемой частью сословной психологии дворянства. Число отставных военных и чиновников возросло в сравнении с 1750-ми гг. в 3,2 раза. Ссылкой на Манифест аргументировало свой уход в отставку или перевод к статским делам преобладающее большинство дворян того времени, однако осуществить право выбора между службой и отставкой для многих дворян оказалось труднее, чем можно было предполагать до того, как Манифест стал реальностью. Основным препятствием к использованию права на отставку в полном объеме послужили не ограничительные меры правительства 1762–1763 и 1769–1774 гг., а имущественная недостаточность как беспоместных, так и мелкопоместных дворян, заметно преобладавших среди тех, кто вернулся на службу из отставки или благодаря Манифесту перевелся к статским делам.

В безусловном выигрыше от февральского нововведения оказались средние и крупные помещики, как военные, так и статские, получившие возможность действительно свободного выбора. Они гораздо реже, чем их менее обеспеченные товарищи, возвращались к делам или переводились из одной сферы службы в другую; и если делали это, то преимущественно из соображений успешной карьеры, при наличии выгодных предложений и перспектив.

Внеслужебная деятельность дворян под влиянием Манифеста изменилась не в меньшей степени, нежели служебная. Хозяйственно-организаторская инициатива дворянства была поставлена в самые благоприятные условия, и оставалось лишь воспользоваться ими. Поместья начали все более населяться дворянами активного возраста, чья деятельность, как правило, не ограничивалась хозяйствованием, а распространялась на складывавшееся тогда дворянское сословное самоуправление и реформируемое местное управление.

Начавшееся в 1760-е гг. перемещение значительных интеллектуальных ресурсов из столиц и полков в поместья, уездные и губернские города положило начало процессу обновления духовной жизни и культурного ландшафта российской провинции, складыванию рафинированной культуры больших барских усадеб и не столь рафинированного, но тронутого началами светскости помещичьего быта в усадьбах помещиков средней руки.

Свободный выбор занятий и гарантии уважения к достоинству личности дворянина, предопределенные Манифестом, благотворно повлияли на ускоренное формирование дворянской интеллигенции и, следовательно, на развитие всех отраслей культуры России во второй половине XVIII столетия.

Основополагающие жизненные интересы дворянства были вполне удовлетворены Манифестом о вольности и последовавшей за ним

политической линией абсолютизма в области прав сословий вообще и дворянского – в частности. Единственному конституированному сословию удалось избежать покушения на свои привилегии со стороны неконституированных сословий и не допустить их политико-правовой идентификации. (Жалованная грамота городам, появившаяся позже, не была адресована какому-либо сословию и не имела сословнообразующего значения.) Однако обретение свободы как привилегии надолго закрепило дистанцию между дворянством и другими сословиями Российской империи, способствовало консервации отношений между ними и стало одной из предпосылок глубокого кризиса общественных отношений, перманентно развивавшегося в России в течение всего XIX столетия.

Приложение I. Состав отставных военных, переведенных к статским делам в 1753 и 1755 гг.

		1753		1755		
		число	%	число	%	число
Социальное происхождение						
анная знать		3	2,4	14	4,4	17
венное дворянство		104	84,6	177	55,3	281
вилегиро-	Штаб-офицеры	2	1,6	11	3,4	13
словий	Обер-офицеры	14	11,4	30	9,4	44
ых	Штаб-офицеры		–	26	8,1	26
	Обер-офицеры	–		46	14,4	46
орян		123	100	304	95	427
ие				15	4,7	15
ых		–		1	0,3	1
		123	100	320	100	443
Имущественное положение						
ых		8	6,5	108	33,7	116
ьянные		28	22,8	62	19,4	90
ы поместной земли		–	–	3	1,0	3
1–10 душ м.п.		20	16,3	19	6,0	39
11–20 "		17	13,8	28	8,7	45
21–69		24	19,5	45	14,1	69
70–100		7	5,7	20	6,2	27
101–500		18	14,6	29	9,1	47
501–1000		1	0,8	4	1,2	5
)		123	100	320	100	443

Приложение I (продолжение)

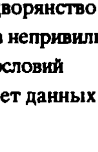
	1753		1755		
	число	%	число	%	число
3. Возраст, лет					
ых	–	–	70	21,9	70
	15	12,2	12	3,7	27
	26	21,1	38	11,9	64
	38	30,9	96	30	134
	28	22,8	71	22,2	99
	16	13,0	29	9,1	45
	–		4	1,2	4
	123	100	320	100	443
4. Стаж, лет					
ых	1	0,8	79	24,7	80
	6	4,9	1	0,3	7
	15	12,2	15	4,7	30
	18	14,6	23	7,2	41
	20	16,3	57	17,8	77
	23	18,7	42	13,1	65
	13	10,6	33	10,3	46
	18	13,0	45	14,1	61
	8	6,5	16	5	24
	3	2,4	7	2,2	10
			1	0,3	1
	–		1	0,3	1
	123	100	320	100	443

Приложение I (окончание)

		1753		1755		
		число	%	число	%	число
5. Чины						
		13	10,6	2	0,6	15
ицеры		5	4,1	53	16,6	58
щеры	Прапорщики	16	13,0	30	9,4	46
	Подпоручики	10	8,1	30	9,4	40
	Поручики	25	20,3	43	13,4	68
	Капитаны	40	32,5	60	18,7	100
ицеры	Секунд-майоры	7	5,7	5	1,6	12
	Премьер-майоры	2	1,6	39	12,2	41
	Подполковники	4	3,3	14	4,4	18
	Полковники	1	0,8	27	8,4	28
тет	Бригадиры			8	2,5	8
	Генералы	–		9	2,8	9
		123	100	320	100	443
6. Мотив перевода						
ых		13	13,5	128	40	141
		89	66,9	184	57,5	273
, дряхлость		2	1,5	2	0,6	4
старость		2	1,5	6	1,9	8
		13	13,5			13
ство		1	0,8			1
тельно		3	2,3	–		3
		123	100	320	100	443

. Ф. 286. Оп. 13. Кн. 403–405, 433–435.

Приложение II. Состав чиновников, уволенных со службы в 1753 и 1755 гг.*



		1753		1755		
		число	%	число	%	числ
Социальное происхождение						
ать		2	3,2	1	1,4	3
дворянство		52	84	30	42,2	82
з непривилигированных	Штаб-офицеры	2	3,2			2
ословий	Обер-офицеры	2	3,2	21	29,6	23
ет данных	Штаб-офицеры			11	15,5	11
	Обер-офицеры	1	1,6	2	2,8	3
		59	95,2	65	91,5	124
		3	4,8	6	8,5	9
		62	100	71	100	133
Имущественное положение						
		4	6,45	4	5,6	8
		2	3,2	6	8,45	8
стной земли				2	2,8	2
0 душ м.п.		4	6,45	8	11,3	10
20		7	11,3	6	8,45	13
59		14	22,6	21	29,6	38
100		7	11,3	4	5,6	8
500		22	35,5	19	26,8	43
1000		2	3,2	1	1,4	3
		62	100	71	100	133

3. Возраст, лет

Нет данных	
15–25	
26–35	1
36–45	8
46–55	18
56–65	25
56–65	10
Всего	62

4. Стаж, лет

Нет данных	
1–5	
6–10	
11–15	
16–20	1
21–25	9
26–30	7
31–35	15
36–40	10
41–45	6

1,6	5	7	6	4,5
13,0	20	28,2	28	21,1
29,0	21	29,6	39	29,3
40,3	22	31	47	35,3
16,1	3	4,2	13	9,8
100	71	100	133	100
	1	1,4	1	0,7
	2	2,8	2	1,5
1,6	6	8,5	7	5,3
14,5	12	16,9	21	15,8
11,3	7	9,8	14	10,5
24,2	13	18,3	28	21,1
16,1	17	24,0	27	20,3
9,7	10	14,1	16	12,0

Приложение II (окончание)

	1753		1755		
	число	%	число	%	числ
	14	22,6	1	1,4	15
			2	2,8	2
	62	100	71	100	133
5. Чины					
офицеры	6	9,7	28	39,4	34
	19	30,7	22	31	41
	34	54,8	18	25,4	52
	3	4,8	3	4,2	6
	62	100	71	100	133
6. Мотив отставки					
			1	1,4	1
	58	93,6	49	69	107
сть	3	4,8	1	1,4	4
ь	1	1,6	19	26,8	20
			1	1,4	1

Приложение III. Динамика мотивов отставки военных, уволенных на свое пропитание в 1762–177

ки	Год	Имущественная группа									
		Бескрестьянные		Владельцы поместной земли		Владельцы ревизских душ					
						1–10		11–20		21–69	
		число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
	1762	20	76,9	9	90	21	75	18	62,1	67	67,08
	1763	12	37,5	3	100	18	32,7	16	23,9	28	20
	1764					5	3,1	3	2,0	6	2,0
	1765	6	15,8	1	7,15	5	2,6	3	1,8	12	4,3
	1766	12	19,6	2	11,75	3	1,7	5	2,5	3	1,1
	1767	8	38,1	1	11,1	16	17,4	10	13,2	9	5,8
	1768	3	17,65	2	20	5	10,4	3	6	7	9,33
	1769	4	57,1	1	25	4	44,45	6	46,1	14	58,33
	1770	10	76,9	4	100	29	70,7	33	68,7	105	87,5
	1771	3	60	4	80	4	30,8	2	15,4	3	8,6
	Всего	78	30,8	27	31,4	110	13,5	99	12,2	254	17,0
	1762										
	1763										
	1764										
	1765										
	1766										
ы"	1767										
	1768										
	1769	1	14,3	2	50	1	11,11	3	23,1	3	12,5
	1770										
	1771							1	7,7		
	Всего	1	0,4	2	2,3	1	0,1	4	0,5	3	0,2

Приложение III (продолжение)

...ки	Год	Имущественная группа						Всего	
		Владельцы ревизских душ							
		101–500		501–1000		более 1000		число	%
		число	%	число	%	число	%		
	1762	25	59,5	–	–			176	66,7
	1763	15	21,7	1	25	1	33,4	100	24,1
	1764							16	1,9
	1765	1	1,54					30	3,6
	1766							26	3,0
	1767	4	8					50	11,2
	1768			–	–			22	9,0
	1769	12	85,7	1	100	2	100	50	61,0
	1770	44	93,7	7	100	1	100	257	83,7
	1771	4	44,45	–				22	25,8
	Всего	105	22,4	9	23,7	4	20	749	17,2
	1762								
	1763								
	1764								
	1765								
	1766								
...ы"	1767								
	1768	–							
	1769	1	7,15					11	13,4
	1770								
	1771							1	1,2
	Всего	1	0,2					12	0,3

Приложение III (продолжение)

...ки	Год	Имущественная группа									
		Бескрестьянные		Владельцы поместной земли		Владельцы ревизских душ					
						1–10		11–20		21–69	
		число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
	1762	2	7,7			4	14,3	7	24,1	26	26,26
	1763	10	31,25			21	38,2	25	37,3	46	32,9
	1764					24	14,5	12	2	28	9,7
	1765	7	18,4	1	7,15	10	5,1	15	9,2	17	6,1
	1766	11	17,5	2	11,75	7	4,0	9	4,4	6	2,1
	1767	3	14,3	1	11,1	18	19,6	7	9,2	14	9,0
	1768	3	17,65	1	10	7	14,6	15	30	6	8,03
	1769					2	22,22	3	23,1	7	29,17
	1770	3	23,1			8	19,5	13	27,1	8	6,7
	1771	1	20	1	20	7	53,8	2	15,4	13	37,1
	Всего	40	15,8	6	7,0	108	13,7	108	13,3	171	11,4
	1762	2	7,7			1	3,6	4	13,8	4	4,04
	1763	8	25			13	23,6	26	38,8	63	45
	1764	32	100	8	100	136	82,4	132	89,8	256	88,3
	1765	25	65,8	12	85,7	179	92,3	146	89	250	89,6
	1766	39	62,9	13	76,5	164	94,3	189	93,1	271	96,8
...ии"	1767	10	47,6	9	81,8	58	63	59	77,6	132	84,6
...оя-	1768	11	64,7	7	70	36	75	32	64	62	82,7
	1769	2	28,6	1	25	2	22,22	1	7,7		–
	1770					4	9,8	2	4,2	7	5,8
	1771	1	20		–	1	7,7	8	61,5	19	54,3
	Всего	130	51,4	50	58,1	594	72,5	599	74,0	1064	71,0

Приложение III (продолжение)

...ки	Год	Имущественная группа						Всего	
		Владельцы ревизских душ						число	%
		101–500		501–1000		более 1000			
		число	%	число	%	число	%		
	1762	14	33,3	1	100			61	23,1
	1763	16	23,2	1	25	1	33,3	137	33,1
	1764	–						72	8,7
	1765	4	6,16					57	7,0
	1766	3	4,8			2	50	42	4,8
	1767	4	8	1	25			53	11,8
	1768	2	8					36	14,6
	1769	1	7,15					15	18,3
	1770	1	2,1					35	11,4
	1771	4	44,45					28	33,0
	Всего	49	10,5	3	7,9	3	15	536	12,3
	1762	3	7,2					18	6,8
	1763	36	52,2	1	25	1	33,3	166	40,1
	1764	84	100	8	100	4	100	744	89,4
	1765	60	92,3	8	100	2	100	734	89,4
	1766	60	95,2	3	100	2	50	800	92,2
...ии"	1767	39	78	3	75			339	75,7
...оя-	1768	22	88	2	100	2	100	187	76,0
	1769							6	7,3
	1770	2	4,2					15	4,9
	1771	1	11,1					33	38,8
	Всего	307	65,6	25	65,8	11	55	3042	69,6

Приложение III (продолжение)

…ки	Год	Имущественная группа									
		Бескрестьянные		Владельцы поместной земли		Владельцы ревизских душ					
						1–10		11–20		21–69	
		число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
	1762										
	1763										
	1764										
	1765										
	1766										
	1767										
	1768										
	1769										
	1770										
	1771					1	7,7				
	Всего					1	0,1				
	1762	2	7,7	1	10	2	7,1			2	2,02
	1763	2	6,25			3	5,5			3	2,1
	1764										
	1765										
	1766										
…ро-	1767									1	0,6
	1768										
	1769										
	1770										
	1771										
	Всего	4	1,6	1	1,2	5	0,6			6	0,4

Приложение III (продолжение)

ки	Год	Имущественная группа						Всего	
		Владельцы ревизских душ						число	%
		101–500		501–1000		более 1000			
		число	%	число	%	число	%		
	1762					2	100	2	0,7
	1763								
	1764								
	1765								
	1766								
	1767	3	6					5	1,1
	1768	1	4					1	0,4
	1769								
	1770								
	1771	–						1	1,2
	Всего	4	0,9			2	10	9	0,2
	1762							7	2,7
	1763	2	2,9	1	25			11	2,7
	1764								
	1765								
	1766								
ро-	1767							1	0,2
	1768								
	1769								
	1770								

Приложение III (продолжение)

ки	Год	Имущественная группа									
		Бескрестьянные		Владельцы поместной земли		Владельцы ревизских душ					
						1–10		11–20		21–69	
		число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
	1762	26	100	10	100	28	100	29	100	99	100
	1763	32	100	3	100	55	100	67	100	140	100
	1764	32	100	8	100	165	100	147	100	290	100
	1765	38	100	14	100	194	100	164	100	279	100
	1766	62	100	17	100	174	100	203	100	280	100
	1767	21	100	11	100	92	100	76	100	156	100
	1768	17	100	10	100	48	100	50	100	75	100
	1769	7	100	4	100	9	100	13	100	24	100
	1770	13	100	4	100	41	100	48	100	120	100
	1771	5	100	5	100	13	100	13	100	35	100
	Всего	253	100	86	100	819	100	810	100	1498	100

Приложение III (окончание)

ки	Год	Имущественная группа						Всего	
		Владельцы ревизских душ						число	%
		101–500		501–1000		более 1000			
		число	%	число	%	число	%		
	1762	42	100	1	100	2	100	264	100
	1763	69	100	4	100	3	100	414	100
	1764	84	100	8	100	4	100	832	100
	1765	65	100	8	100	2	100	821	100
	1766	63	100	3	100	4	100	868	100
	1767	50	100	4	100			448	100
	1768	25	100	2	100	2	100	246	100
	1769	14	100	1	100	2	100	82	100
	1770	47	100	7	100	1	100	307	100
	1771	9	100					85	100
	Всего	468	100	38	100	20	100	4367	100

6. Оп. 14. Кн. 506–508, 514–516, 520–522, 527–529, 534, 535, 540–542, 546, 550–552, 557, 558, 562.

Приложение IV. Состав военных, вышедших в полную отставку в 1762–1771 гг.*

		Социальное происхождение					
		Дворяне					
		Титулов. знать		Потомственное дворянство		Выходцы из неприви ле	
		Число	%	Число	%	I–VIII ранг	
						Число	%
ущественное положение							
		63	42	680	13,6	21	34,4
		5	3,3	155	3,1	14	23
тной земли		8	5,3	64	1,3	1	1,6
	1–10	5	3,3	748	15	10	16,4
	11–20	7	4,7	818	16,3	7	11,5
	21–69	21	14	1530	30,6	5	8,2
	70–100	8	5,3	405	8,1	2	3,3
е	101–500	23	15,3	543	10,9	1	1,6
е	501–1000	6	4	41	0,8		
	более 1000	4	2,8	17	0,3		
		150	100	5001	100	61	100
. Возраст, лет							
		24	16	54	1,1		
		36	24	1006	20,1		
		62	41,3	2203	44,1	17	27,9
		16	10,7	1314	26,3	31	50,8

Приложение IV (продолжение)

	Социальное происхождение										
	Дворяне						Недворяне		Нет данн		
	Нет данных				Всего дворян						
	I–VIII ранг		IX–XIV ранг		Число	%	Число	%	Число		
	Число	%	Число	%							
ественное положение											
	49	75,4	158	80,2	1157	19,8	10	28,5	16		
	1	1,5	7	3,6	267	4,6	12	34,3	9		
тной земли	2	3,1	4	2,0	89	1,5	7	20			
1–10			5	2,5	814	14,0	4	11,4			
11–20	1	1,5	7	3,6	858	14,7	1	2,9			
21–69	9	13,9	14	7,1	1594	27,3	1	2,9			
70–100					417	7,1					
101–500	3	4,6	2	1,0	578	9,9					
501–1000					47	0,8					
более 1000					21	0,3					
	65	100	197	100	5842	100	35	100	25	1	
Возраст, лет											
	42	64,6	96	48,7	218	3,7			6		
	1	1,5	13	6,6	1092	18,7	8	22,9	5		
	9	13,9	48	24,4	2449	42,0	12	34,3	9		
	7	10,8	21	10,7	1512	25,8	2	5,7	3		

Приложение IV (продолжение)

	Социальное происхождение					
	Дворяне					
	Титулов. знать		Потомственное дворянство		Выходцы из неприви	
	Число	%	Число	%	I–VIII ранг	
					Число	%
	10	6,7	339	6,8	8	13,1
	2	1,3	68	1,3	5	8,2
			17	0,3		
	150	100	5001	100	61	100
3. Стаж, лет						
	24	16	64	1,3		
	6	4	270	5,4		
	40	26,6	965	19,4		
	39	26	1446	28,9	8	13,1
	19	12,7	1114	22,3	14	22,9
	10	6,7	673	13,5	12	19,7
	5	3,3	298	5,9	14	22,9
	5	3,3	93	1,8	4	6,6
	1	0,7	37	0,7	5	8,2
	1	0,7	26	0,5	1	1,6
			7	0,1	1	1,6
			3	0,1	2	3,3
			5	0,1		
	150	100	5001	100	61	100

Приложение IV (продолжение)

	Социальное происхождение									
	Дворяне						Недворяне		Нет данн	
	Нет данных				Всего дворян					
	I–VIII ранг		IX–XIV ранг		Число	%	Число	%	Число	
	Число	%	Число	%						
	6	9,2	15	7,6	438	7,5	9	25,7		
			4	2,0	111	1,9	4	11,4	2	
					22	0,4				
	65	100	197	100	5842	100	35	100	25	
3. Стаж, лет										
	43	66,2	97	49,2	230	3,9			5	
			4	2	296	5,1	10	28,5	5	
	3	4,6	15	7,6	1054	18	8	22,9	4	
	1	1,5	29	14,7	1593	27,3	2	5,7	6	
	7	0,8	16	8,1	1247	21,3	2	5,7		
	3	4,6	16	8,1	787	13,5	1	2,9	3	
	6	9,2	8	4,1	393	6,7	3	8,6		
	2	3,1	4	2	135	2,3	9	25,7	1	
			5	2,5	52	0,9				
			2	1	34	0,6				
			1	0,5	10	0,2			1	
					5	0,1				
					6	0,1				
	65	100	197	100	5842	100	35	100	25	1

Приложение IV (продолжение)

	Социальное происхождение					
	Дворяне					
	Титулов. знать		Потомственное дворянство		Выходцы из непривиле	
	Число	%	Число	%	I–VIII ранг	
					Число	%
4. Чины						
			11	0,2		
	3	2	413	8,3		
Прапорщики	18	12	1053	21,1		
Подпоручики	17	11,3	592	11,8		
Поручики	33	22	961	19,2		
Капитаны	26	17,3	914	18,3		
Секунд-майоры	39	26	916	18,3	54	12,6
Премьер-майоры	3	2	59	1,2	4	0,9
Подполковники	2	1,3	32	0,6	3	0,7
Полковники	6	4	31	0,6		
Бригадиры	2	1,3	9	0,2		
Генералы	1	0,7	10	0,2		
	150	100	5001	100	61	100
Мотив отставки						
	31	20,7	372	7,4	7	11,5
	31	20,7	782	15,6	27	44,3
сть			8	0,1		

Приложение IV (продолжение)

	Социальное происхождение								
	Дворяне						Недворяне		Нет данн
	Нет данных				Всего дворян				
	I–VIII ранг		IX–XIV ранг		Число	%	Число	%	Число
	Число	%	Число	%					
4. Чины									
					11	0,2	14	40	3
			1	0,4	418	7,2	21	60	22
Прапорщики			64	24,4	1274	21,8			
Подпоручики			36	13,7	719	12,3			
Поручики			48	18,3	1118	19,1			
Капитаны			48	18,3	1066	18,2			
Секунд-майоры	26	10			1035	17,7			
Премьер-майоры	13	5			79	1,4			
Подполковники	15	5,7			52	0,9			
Полковники	4	1,5			41	0,7			
Бригадиры	6	2,3			17	0,3			
Генералы	1	0,4			12	0,2			
	65	100	197	100	5842	100	35	100	25
Мотив отставки									
	21	32,3	33	16,8	501	8,6	10	28,6	6
	12	18,5	43	21,8	1068	18,3	15	42,9	10
сть	1	1,5	2	1,0	16	0,3	1	2,8	1

Приложение IV (продолжение)

	Социальное происхождение					
	Дворяне					
	Титулов. знать		Потомственное дворянство		Выходцы из непри виле	
	Число	%	Число	%	I–VIII ранг	
					Число	%
ь	1	0,7	23	0,4		
ие нужны	3	2	15	0,3		
ест	14	9,3	613	12,2	5	8,2
ь, Манифест	1	0,7	14	0,3	2	3,3
	65	43,3	3096	61,9	18	29,5
			7	0,1		
тельства			11	0,2		
и			8	0,4	1	1,6
	4	2,6	21	0,4		
			12	0,2		
оступки			3	0,1		
сий			14	0,3	1	1,6
			2	0,1		
	150	100	5001	100	61	100

Приложение V (продолжение)

		1767		1768		1769		1770		1771	
		1	2	1	2	1	2	1	2	1	
. Социальный состав											
	Кол.	7	30	1	17	7	19	2	21	4	
	%	10,9	22,1	12,5	20,5	43,8	20,1	40	33,3	15,4	
дворяне	Кол.	10	99	6	59	8	60	2	35	19	4
	%	15,6	72,8	62,5	71,1	50	68,8	40	55,6	73,1	
ночинцев	Кол.	47	7	1	7	1	7	1	7	3	
	%	73,5	5,1	12,5	8,4	6,2	8,1	20	11,1	11,5	
	Кол.	64	136	8	83	16	86	5	63	26	6
	%	100	100	100	100	100	100	100	100	100	10
лущественное положение											
	Кол.	34	62	1	38	3	40	1	31	13	2
	%	53,1	45,6	12,5	45,8	18,8	46,5	20	49,2	50	4
	Кол.	7	6	2	9	3	9	2	10		
	%	10,9	4,4	25	10,8	18,8	10,5	40	16,9		
естной земли	Кол.										
	%										
	Кол.	5	12		4	5	4		7	1	
	%	7,8	8,8		4,8	31,2	4,6		11,1	3,8	
	Кол.	4	13	1	6	2	6	1	3	4	
	%	6,3	9,6	12,5	7,2	12,5	7,0	20	4,8	15,4	

Приложение V (продолжение)

			1762		1763		1764		1765	
			1	2	1	2	1	2	1	2
	21–69	Кол.	30	5	10	6	16	3	5	7
ıе		%	13,7	22,7	11,6	12,25	7,7	6,7	22,7	15,9
	70–100	Кол.	2			2	4			2
		%	0,9			4,1	1,9			4,
ые	101–500	Кол.	12	1	1	8	12	8	2	7
		%	5,5	4,6	1,2	16,3	5,8	17,7	9,1	15,9
	501–1000	Кол.				1		1		1
ые		%				2,1		2,2		2,
	более 1000	Кол.	1							
		%	0,5							
		Кол.	219	22	86	49	208	45	22	44
		%	100	100	100	100	100	100	100	100
3. Чины										
		Кол.	1						1	
		%	0,45						4,55	
щие в	Военные Статские	Кол.	4 1		3		1		1 _	1 1
		%	2,3		3,5		0,5		4,55	4,
XIV	Прапорщики Коллеж-ские регистраторы, архи-вариусы, актуариусы, бухгалтеры	Кол.	11 1	1	4 1	2	11 4	12		4 1

Приложение V (продолжение)

			1767		1768		1769		1770		1771	
			1	2	1	2	1	2	1	2	1	
	21–69	Кол.	6	23	3	19	2	11	1	5	7	
ие		%	9,4	16,9	37,5	22,9	12,5	12,8	20	7,9	26,9	
	70–100	Кол.	3	8		2		5		3		
		%	4,7	5,9		2,4		5,8		4,8		
ые	101–500	Кол.	5	12	1	5	1	9		4		
		%	7,8	8,8	12,5	6,0	6,2	10,5		6,3		
	500–1000	Кол.						2				
ые		%						2,3				
	более 1000	Кол.									1	
		%									3,9	
		Кол.	64	136	8	83	16	86	5	63	26	
		%	100	100	100	100	100	100	100	100	100	1
ı												
		Кол.										
		%		–								
щие в	Военные Статские	Кол.		1								
		%		0,7								
	Прапорщики Коллеж-	Кол.	4	14		2		3		4		
XIV	ские регистраторы, архивариусы, актуариусы, бухгалтеры			1								

Приложение V (продолжение)

			1762		1763		1764		1765	
			1	2	1	2	1	2	1	2
		%	5,5	4,6	5,8	4,1	7,2	26,7	4,55	11,
XIII	Подпоручики Провинциальн. секретари, сенатские регистраторы	Кол.	22 1	1	12	3	17		2	1
		%	10,5	4,6	13,9	6,1	8,2		9,1	2,
XI–XII	Поручики Губернские секретари	Кол.	34	5	9	7 1	35		1 –	3 –
		%	15,1	22,7	10,5	16,3	16,8		4,5	6,
X	Коллежские секретари, переводчики, протоколисты	Кол.	1				4			
		%	0,45				1,9			
IX	Капитаны Титулярные советники	Кол.	29 18	4 1	11 1	7 4	20 16	8	4	6 2
		%	21,5	22,7	13,9	22,5	17,3	17,7	18,2	18,
VIII	Секунд-майоры Премьер-майоры Коллежские асессоры	Кол.	18 9 21	4 3 1	10 1 11	13 3 1	20 – 12	9 8	4 2 3	10 5 3
		%	21,9	36,2	25,6	38,7	15,4	37,8	40,9	40,
VII	Подполковники Надворные советники	Кол.	18 13	1	5 4	1 1	– 16	4	– 1	1 3
		%	14,1	4,6	10,5	4,1	7,7	8,9	4,5	9,
VI	Полковники Коллежские советники	Кол.	12 4	1	8 5	3	4 40	– 4	2	1 1
		%	7,3	4,6	15,1	6,1	21,2	8,9	9,1	4,

Приложение V (продолжение)

			1767		1768		1769		1770		1771
			1	2	1	2	1	2	1	2	1
		%	6,2	11,0		3,6		3,5		6,35	
XIII	Подпоручики Провинциальн. секретари, сенатские регистраторы	Кол.	1 1	12	1	5	1	8	1	8	1
		%	3,1	8,8	12,5	6,0	6,25	9,3	20	12,7	3,85
XI–XII	Поручики	Кол.	25	12	2	11	1	11		4	
	Губернские секретари		7	2		2					
		%	50	10,3	25	15,7	6,25	12,9		6,35	
X	Коллежские секретари, переводчики, протоколисты	Кол.		1		4					
		%		0,7		4,8					
IX	Капитаны	Кол.	8	32	2	16	–	17	–	11	8
	Титулярные советники		8	5	1	2	12	3	1	2	6
		%	25	27,2	37,5	21,7	75	23,3	20	20,6	53,85
VIII	Секунд-майоры	Кол.	3	36	–	25	1	21		16	1
	Премьер-майоры		–	2	1	5	–	7	–	3	1
	Коллежские асессоры		5	3	1		1	6	3	5	5
		%	12,5	30,2	25	36,8	12,5	39,5	60	38,1	26,9
VII	Подполковники	Кол.	–	2		3		2		1	1
	Надворные советники		1	5		1		3		1	1
		%	1,6	5,2		4,8		5,8		3,2	7,7
VI	Полковники	Кол.	–	3		5		2		4	–
	Коллежские советники		1	3		1		1			2
		%	1,6	4,4		7,2		3,5		6,35	7,7

Приложение V (продолжение)

			1762		1763		1764		1765	
			1	2	1	2	1	2	1	2
V	Бригадиры	Кол.	–			–	–			1
	Статские советники		1			1	8			
		%	0,45			2,1	3,8			2,3
IV	Действительные статские советники	Кол.								
		%								
I–III	Генералы Тайные советники	Кол.	1		1					
		%	0,45		1,2					
		Кол.	219	22	86	49	208	45	22	44
		%	100	100	100	100	100	100	100	100
4. Возраст, лет										
		Кол.	19	2	9	1	8	5	1	3
		%	8,7	9,1	10,5	2,1	3,85	11,1	4,5	6,8
		Кол.	14	1	3	2	12	4	1	3
		%	6,3	4,6	3,5	4,1	5,8	8,9	4,5	6,8
		Кол.	51	9	30	13	59	12	10	7
		%	23,3	40,9	34,8	26,5	28,4	26,7	45,5	15,9
		Кол.	90	7	24	12	67	12	10	21
		%	41,1	31,8	27,9	24,4	32,2	26,7	45,5	47,7
		Кол.	38	3	16	15	50	8		9
		%	17,4	13,6	18,6	30,6	24	17,7		20,5

Приложение V (продолжение)

			1767		1768		1769		1770		1771	
			1	2	1	2	1	2	1	2	1	
V	Бригадиры Статские советники	Кол.		2						2 2		
		%		1,5						6,35		
IV	Действительные статские советники	Кол.						2				
		%						2,3				
I–III	Генералы Тайные советники	Кол.										
		%										
		Кол.	64	136	8	83	16	86	5	63	26	[illegible]
		%	100	100	100	100	100	100	100	100	100	1[illegible]
4. Возраст, лет												
		Кол.	1	15	1	10	7	11		4	4	
		%	1,6	11,0	12,5	12,1	43,8	12,8		6,3	15,4	
		Кол.	2	7	2		3	1	1	2	1	
		%	3,1	5,2	25		18,8	1,2	20	3,2	3,8	
		Кол.	16	43	3	26	6	29	1	24	15	2
		%	25	31,6	37,5	31,3	37,4	33,7	20	38,1	57,7	4
		Кол.	24	40	2	24		23	3	21	5	2
		%	37,5	29,4	25	28,9		26,7	60	33,3	19,2	4
		Кол.	20	25		21		17		9		
		%	31,2	18,4		25,3		19,8		14,3		

Приложение V (продолжение)

		1762		1763		1764		1765	
		1	2	1	2	1	2	1	2
	Кол.	6		3	5	8	4		1
	%	2,7		3,5	10,2	3,85	8,9		2,
	Кол.	1		1	1	4			
	%	0,5		1,2	2,1	1,9			
	Кол.	219	22	86	49	208	45	22	44
	%	100	100	100	100	100	100	100	100
5. Стаж, лет									
	Кол.	30	3	10	1	24	8	2	3
	%	13,6	13,6	11,6	2,1	11,5	17,7	9,1	6,
	Кол.	4	1	1	2				3
	%	1,8	4,6	1,2	4,1				6,
	Кол.	16	3	8	8	12	8	2	4
	%	7,3	13,6	9,3	16,3	5,8	17,7	9,1	9,
	Кол.	28		14	6	22	8	5	4
	%	12,8		16,3	12,2	10,6	17,7	22,7	9,
	Кол.	40	6	18	10	37	9	4	8
	%	18,3	27,3	20,9	20,4	17,8	20	18,2	18,
	Кол.	52	7	12	8	39	4	3	10
	%	23,7	31,8	13,9	16,3	18,8	8,9	13,6	22,
	Кол.	26	2	8	7	49	8	4	8
	%	11,9	9,1	9,3	14,3	23,6	17,7	18,2	18,

Приложение V (продолжение)

		1767		1768		1769		1770		1771	
		1	2	1	2	1	2	1	2	1	
	Кол.	1	3		2		5		3		
	%	1,6	2,3		2,4		5,8		4,8		
	Кол.		3							1	
	%		2,2							39	
	Кол.	64	136	8	83	16	86	5	63	26	
	%	100	100	100	100	100	100	100	100	100	1
5. Стаж, лет											
	Кол.	1	15	1	10	7	13	1	5	4	
	%	1,6	11,0	12,5	12,1	43,8	15,1	20	7,9	15,4	
	Кол.		6		3		1		1		
	%		4,4		3,6		1,2		1,6		
	Кол.	3	24	2	3	3	10		11	5	
	%	4,7	17,6	25	3,6	18,8	11,6		17,5	19,2	
	Кол.	12	15	3	17	6	15	2	12	7	
	%	18,8	11	37,5	20,5	37,4	17,4	40	19,0	26,9	3
	Кол.	4	23		20		14	1	13	5	
	%	6,3	17,0		24,1		16,3	20	20,6	19,2	
	Кол.	11	31	1	14		12	1	10	4	
	%	17,1	22,8	12,5	16,9		14,0	20	15,9	15,4	
	Кол.	14	15		8		10		3		
	%	21,9	11		9,6		11,6		4,8		

Приложение V (продолжение)

	1762		1763		1764		1765	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Кол.	17		9	3	13		2	2
%	7,8		10,4	6,1	6,2		9,1	4,5
Кол.	4		4	4	4			2
%	1,8		4,7	8,2	1,9			4,5
Кол.	1		1		4			
%	0,5		1,2		1,9			
Кол.	1		1					
%	0,5		1,2					
Кол.					4			
%					1,9			
Кол.	219	22	86	49	208	45	22	44
%	100	100	100	100	100	100	100	100

Приложение V (окончание)

	1767		1768		1769		1770		1771
	1	2	1	2	1	2	1	2	1
Кол.	11	4	1	6		5		6	
%	17,1	3	12,5	7,2		5,8		9,5	
Кол.	5	2		2		6			
%	7,8	1,5		2,4		7,0			
Кол.	3	1							
%	4,7	0,7							
Кол.								2	
%								3,2	
Кол.									1
%									3,9
Кол.	64	136	8	83	16	86	5	63	26
%	100	100	100	100	100	100	100	100	100

36. Оп. 12. Кн. 390; Оп. 13. Кн. 431, 449, 450, 462–464, 473, 482, 497–499; Оп. 14. Кн. 506–511, 514–520, 522–
557–560, 562, 563, 567.

ьные графы, пронумерованные цифрой "1", включают сведения об отставных военных, переведенных к
графы, обозначенные цифрой "2", содержат материалы об отставных, вернувшихся к статским делам в данном го

Приложение VI. Состав чиновников, вышедших в отставку в 1762–1771 годах

		Социальное происхождение						
		Дворяне						
		Титулованная знать		Потомственное дворянство		Выходцы из непривилеги		
						I–VIII ранг		
		Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	К
ущественное положение								
		9	56,3	194	57,7	4	23,5	32
				15	4,5	7	41,2	6
стной земли				2	0,6	1	5,9	
	1–10			11	3,3	1	5,9	2
е	11–20	2	12,5	21	6,2			2
	21–69			41	12,2	1	5,9	2
	70–100			18	5,4			1
ие	101–500	3	18,7	31	9,2	3	17,6	2
ие	501–1000	2	12,5	2	0,6			
	Более 1000			1	0,3			
		16	100	336	100	17	100	47
2. Возраст, лет								
		3	18,7	19	5,7	1	5,9	4
				16	4,8			
		4	25	62	18,4	1	5,9	10
		3	18,7	73	21,7	6	35,4	7
		1	6,4	86	25,6	3	17,6	13

Приложение VI (продолжение)

		Социальное происхождение									
		Дворяне						Недворяне		Нет данных	
		Нет данных о соц. происх.				Всего дворян					
		I–VIII ранг		IX–XIV ранг							
		Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
ественное положение											
		57	60	45	90	341	60,8	33	54,1	12	85,7
		9	9,5	2	4	39	7,0	25	41,0	2	14,3
естной земли				1	2	4	0,7				
	1–10	2	2,1	1	2	17	3,0	1	1,6		
е	11–20					25	4,5				
	21–69	8	8,4	1	2	53	9,4	2	3,3		
	70–100	4	4,2			23	4,1				
ые	101–500	15	15,8			54	9,6				
ые	501–1000					4	0,7				
	Более 1000					1	0,2				
		95	100	50	100	561	100	61	100	14	100
Возраст, лет											
		28	29,5	19	38	74	13,2	1	1,6	9	64,3
				1	2	17	3,0	1	1,6		
		4	4,2	3	6	84	15,0	11	18,1		
		13	13,7	10	20	112	20,0	23	37,7	3	21,5
		19	20	14	28	136	24,2	14	23	1	7,1

Приложение VI (продолжение)

	Социальное происхождение						
	Дворяне						
	Титулованная знать		Потомственное дворянство		Выходцы из непривилеги		
					I–VIII ранг		
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	К
	3	18,7	52	15,5	3	17,6	8
	2	12,5	28	8,3	3	17,6	5
	16	100	336	100	17	100	47
3. Стаж, лет							
	3	18,7	22	6,5	1	5,9	4
			3	0,9			
	1	6,3	11	3,3			1
			33	9,8			1
	1	6,3	39	11,6			2
	3	18,7	45	13,4	4	23,5	8
	2	12,5	43	12,8	3	17,6	9
	2	12,5	51	15,2	3	17,6	7
	2	12,5	37	11,0	1	5,9	4
			16	4,8			5
	2	12,5	24	7,1	2	11,8	3
			12	3,6	1	5,9	2
					2	11,8	1
	16	100	336	100	17	100	47

Приложение VI (продолжение)

	Социальное происхождение									
	Дворяне						Недворяне		Нет данных	
	Нет данных о соц. происх.				Всего дворян					
	I–VIII ранг		IX–XIV ранг							
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
	19	20	3	6	88	15,7	10	16,4	1	7,
	12	12,6			50	8,9	1	1,6		
	95	100	50	100	561	100	61	100	14	100
3. Стаж, лет										
	28	29,5	19	38	77	13,7	1	1,6	9	64,3
					3	0,5				
			1	2	14	2,5	1	1,6		
	4	4,2			38	6,8	1	1,6		
	1	1,1	2	4	45	8,0	10	16,5		
	9	9,5	4	8	73	13,0	20	32,8		
	4	4,2	6	12	67	12,0	5	8,2	4	28,6
	10	10,5	7	14	80	14,3	6	9,8		
	11	11,6	8	16	63	11,2	12	19,7		
	12	12,6	2	4	35	6,2	4	6,6	1	7,1
	10	10,5	1	2	42	7,5				
	6	6,3			21	3,8	1	1,6		
					3	0,5				
	95	100	50	100	561	100	61	100	14	100

Приложение VI (продолжение)

		Социальное происхождение						
		Дворяне						
		Титулованная знать		Потомственное дворянство		Выходцы из непривилеги		
						I–VIII ранг		
		Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	К
ы								
				4	1,2			
	Коллежские регистраторы, архивариусы			20	6,0			
ны	Пров. секр., сенат. регистр.			7	2,1			1
	Губ. секрет., секр. надв. суда			8	2,4			
	Коллежские секретари, губ. переводчики, протоколисты			33	9,8	1	5,9	
	Титул. сов.	2	12,5	52	15,5	3	17,6	1
	Коллежские асессоры	1	6,2	68	20,2	4	23,5	
	Надворные советники	7	43,9	76	22,6	3	17,6	
	Коллежские советники	4	25	31	9,2	1	5,9	
	Статские советники	1	6,2	22	6,5	2	11,8	
	Действительные статские советники	1	6,2	10	3,0	2	11,8	
	Тайные и дейст. тайные советники			5	1,5	1	5,9	
		16	100	336	100	17	100	4

Приложение VI (продолжение)

		Социальное происхождение									
		Дворяне						Недворяне		Нет данных	
		Нет данных о соц. происх.				Всего дворян					
		I–VIII ранг		IX–XIV ранг							
		Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
4. Чины											
		–		–	–	4	0,7	61	100	14	100
	Коллежские регистраторы, архивариусы	1	1,1	23	46	50	8,9				
ны	Пров. секр., сенат. регистр.	1	1,1	9	18	31	5,5				
	Губ. секрет., секр. надв. суда			2	4	11	2,0				
	Коллежские секретари, губ. переводчики, протоколисты			6	12	48	8,6				
	Титул. сов.		–	10	20	85	15,1				
	Коллежские асессоры	22	23,1			95	16,9				
	Надворные советники	34	35,8			120	21,4				
	Коллежские советники	14	14,7			50	8,9				
	Статские советники	18	18,9			43	7,7				
	Действительные статские советники	2	2,1			15	2,7				
	Тайные и действ. тайные советники	3	3,2			9	1,6				

Приложение VI (продолжение)

	Социальное происхождение						
	Дворяне						
	Титулованная знать		Потомственное дворянство		Выходцы из непривилеги		
					I–VIII ранг		
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	К
5. Мотив отставки							
	1	6,2	34	10,1	3	17,6	
	4	25	78	23,2	3	17,6	
ность			3	0,9	1	5,9	
ть	2	12,5	23	6,8	5	29,4	
ние нужды	–		1	0,3	–	–	
фест	4	25	91	27,1	2	11,8	
ть, Манифест		–	13	3,9			
	5	31,3	77	22,9	1	5,9	
			3	0,9			
оятельства			1	0,3			
ии			5	1,5			
			2	0,6	2	11,8	
роступки			3	0,9			
ансий			2	0,6			
		–					
	16	100	336	100	17	100	

Приложение VI (окончание)

	Социальное происхождение									
	Дворяне						Недворяне		Нет данных	
	Нет данных о соц. происх.				Всего дворян					
	I–VIII ранг		IX–XIV ранг							
	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%	Кол.	%
отив отставки										
	6	6,3	4	8	51	9,1	5	8,2	5	35,7
	43	45,2	24	48	178	31,7	46	75,4	5	35,7
ость	10	10,5	6	12	23	4,1	3	4,9		
ть	8	8,4	7	14	52	9,3	7	11,5	1	7,1
ние нужды	1	1			2	0,4				
ест	14	14,7			115	20,5				
ть, Манифест	1	1,1			14	2,5				
	5	5,2			88	15,6				
			1	2	4	0,7				
ятельства	1	1,1			2	0,4				
ии					5	0,9				
	4	4,2			4	0,7				
	1	1,1	–		9	1,6				
оступки	1	1,1	4	8	8	1,4			2	14,4
нсий					2	0,4				
			4	8	4	0,7			1	7,1
	95	100	50	100	561	100	61	100	14	100

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 286: Герольдмейстерская контора. Оп. 13. Кн. 390, 403–407, 430, 431, 433–438, 449, 450, 462–464, 473, 482, 497–499; Оп. 14. Кн. 505–511, 513–525, 527–532, 534–544, 546–554, 557–560, 562, 563, 567.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 4–19, 43, 44. СПб., 1830.

Российское законодательство X–XX веков. М., 1987. Т. 5.

Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им самим для своих потомков / Предисл. М.И. Семевского. СПб., 1871–1873. Т. 1–4.

Винский Г.С. Мое время: Записки / Ред. и вступ. ст. П.Е. Щеголева. СПб., [1914].

Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895.

Данилов М.В. Записки. Казань, 1913.

Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина. М., 1860.

Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь: Записки действит. тайн. советника И.И. Дмитриева. М., 1866.

Добрынин Г.И. Истинное повествование, или Жизнь Гаврилы Добрынина... им самим писанная в Могилеве и Витебске. СПб., 1872.

Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. Репринт. изд.

Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век: Сб. отрывков из записок, воспоминаний и писем / Сост. П.Е. Мельгуновой, К.В. Сивковым и Н.П. Сидоровым. М., 1914–1923. Ч. 1–2.

Тучков С.А. Записки. 2-е изд. СПб., 1908.

Штелин Я.Я. Записка // Русский архив. 1909. Кн. 2. Вып. 7.

Штелин Я.Я. Записки о Петре Третьем, императоре Всероссийском // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1866. Кн. 4. Отд. 5.

Письма гр. И.Г. Чернышева к И.И. Шувалову // Русский архив. 1869.

Шувалов И.И. Проект законов // Русский архив. 1867. № 1.

Чичагов П.В. Записки адмирала Чичагова, заключающие то, что он видел и что, по его мнению, знал // Архив адмирала П.В. Чичагова. СПб., 1885. Вып. 1.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Аврех А.Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2.

Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра. М., 1984.

Бабич М.В. Вопрос о взаимоотношениях самодержавия и дворянства России во второй половине XVIII века в современной англо-американской историографии // Вестн. МГУ. 1989. № 6.
Бабич М.В. Вопрос о взаимоотношениях самодержавия и дворянства России второй половины XVIII в. в русской дореволюционной и современной буржуазной историографии. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1990.
Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. М., 1860.
Бескровный Л.Г Русская армия и флот в XVIII в. (Очерки). М., 1958.
Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Берлин, 1900. Т. 2.
Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. М., 1980.
Вернадский Г.В. Манифест Петра III о вольности дворянской и законодательная комиссия 1754–1766 гг. // Историческое обозрение. 1915. Т. 20.
Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI–начало XX вв.). М., 1973.
Водарский Я.Е. Служилое дворянство в России в конце XVII–начале XVIII веков // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XX веков. М., 1969.
Волкова И.В. Екатерина II: Северная Семирамида // На Российском престоле. М., 1993.
Волкова И.В., Курукин И.В. Феномен дворцовых переворотов в политической истории России XVIII в. // Вопр. истории. 1995. № 5/6.
Воровский В.В. О природе абсолютизма // Соч. М., 1933. Т. 1.
Геруа А. Суворов – солдат. СПб., 1900.
Глиноецкий Н. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии // Военный сборник. 1887. № 4.
Голубцов И.А. Дворянство // Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957.
Дворянство и крепостной строй в России XVI–XVIII вв. М., 1975.
Демидова Н.Ф. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России. М., 1964.
Дружинин Н.М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России. М., 1964.
Евреинов Г.А. Прошлое и настоящее русского дворянства. СПб., 1898.
История правительствующего Сената за двести лет: 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 1.
История России: С начала XVIII до конца XIX века / Под ред. член-корр. РАН А.Н. Сахарова. М., 1996.
История России с древнейших времен до 1861 года / Под ред. Н.И. Павленко. М., 1996.
История СССР / Под ред. Б.Д. Дацюка. М., 1973.
История СССР / Под ред. проф. П.И. Кабанова и проф. В.В. Мавродина. М., 1974.
История СССР с древнейших времен до 1861 г. / Под ред. акад. М.В. Нечкиной и акад. Б.А. Рыбакова. М., 1964.
История СССР с древнейших времен до наших дней / Под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1967. Т. 3.
Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII–первой половине XIX в. М., 1963.
Кабузан В.М., Троицкий С.М. Изменения в численности, удельном весе и

размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // История СССР. 1971. № 4.

Каменский А.Б. Под сенью Екатерины... СПб., 1992.

Каменский А.Б. Российское дворянство в 1767 году. (К проблеме консолидации) // История СССР. 1900. № 1.

Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914.

Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине второй. М., 1802.

Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. М., 1991. Репринт.

Кизеветтер А. Русское общество в восемнадцатом столетии. Ростов-на-Дону, 1904.

Кислягина Л.Г Канцелярия статс-секретарей при Екатерине II // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991.

Ключевский В.О. Недоросль Фонвизина // Соч. М., 1959. Т. VIII.

Ключевский В.О. Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993.

Коган Ю.Я. Дворянство // Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в. М., 1956.

Козлова Н.В. Коммерц-коллегия в 20–50-х годах XVIII в. // Государственные учреждения России XVII–XVIII вв. М., 1991.

Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 гг. СПб., 1906.

Краткая история СССР. Л., 1972. Ч. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. Д.С. Лихачева.

Крючкова М.А. Человек в русской культуре второй половины XVIII в. (По материалам источников личностного происхождения). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1994.

Кузнецов И.В. Лебедев В.И. История СССР: Середина XVIII – середина XIX вв. М., 1958.

Кушева Е.Н. Дворянство // Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции российского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

Марасинова Е.Н. Восприятие российским дворянством образа императора: Результаты контент-анализа эпистолярных источников последней трети XVIII в. // Метод в историческом исследовании. Минск, 1991.

Марасинова Е.Н. К вопросу о типологии и эволюции источников эпистолярного характера: (на примере переписки представителей интеллектуально-аристократической среды российского дворянства последней трети XVIII в.) // Историографические и источниковедческие проблемы истории СССР. М., 1987.

Марасинова Е.Н. Некоторые закономерности изменения социально-психологического облика российского дворянства последней трети XVIII века // Актуальные проблемы исторической науки. Ярославль, 1990.

Марасинова Е.Н. Русский дворянин второй половины XVIII века. (Социопсихология личности) // Вестник МГУ Серия 8. История. 1991. № 1.

Марасинова Е.Н. Социальная психология интеллектуально-аристократических кругов российского дворянства последней трети XVIII века.

(Опыт формально-количественного анализа источников эпистолярного характера). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1991.

Марасинова Е.Н. Эпистолярные источники о социальной психологии российского дворянства. (Последняя треть XVIII века) // История СССР. 1990. № 4.

Медушевский А.Н. Российское государство XVII–XVIII веков в освещении современной немарксистской историографии (Обзор литературы) // История СССР. 1985. № 3.

Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994.

Миллер Г.Ф. Известия о дворянах российских. СПб., 1925.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1909. Ч. 3.

Милюков П.Н. Верховники и шляхетство. Ростов-на-Дону, 1905.

Минц С.С. Об особенностях эволюции источников мемуарного характера (К постановке проблемы) // История СССР. 1979. № 6.

Минц С.С. К вопросу об уровне классовой сплоченности российского дворянства в конце XVIII – начале XIX вв. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985.

Минц С.С. О возможном подходе к изучению социального знания в историко-культурных исследованиях: (Постановка проблемы) // Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях. М., 1989.

Минц С.С. Социальная психология российского дворянства последней трети XVIII – первой трети XIX в. в освещении источников мемуарного характера. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1981.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

Мироненко С.В., Киселев И.Н. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. 1986. Вып. 9.

Миронов Б.Н. Влияние революции цен в России XVIII века на ее экономическое и социально-политическое развитие // История СССР. 1991. № 1.

Наумов В.А. Петр III: Удивительный самодержец: загадка его жизни и царствования // На Российском престоле. М., 1993.

Ольминский М.С. Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России. М.; Л., 1925.

Омельченко О.А. "Законная монархия" Екатерины II: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.

Орлов А.С. и др. История России с древнейших времен до наших дней: Учебник. М., 1997.

Очерки истории СССР: Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954; Период феодализма: Россия во второй четверти XVIII в. М., 1957; Россия во второй половине XVIII в. М., 1956.

Павленко Н.И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России. М., 1964.

Павленко Н.И. К вопросу об эволюции дворянства в XVII–XVIII вв. // Вопросы генезиса капитализма в России. М. 1960.

Павленко Н.И. О некоторых сторонах первоначального накопления в России // Исторические записки. 1955. Т. 54.

Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. СПб., 1909.

Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907.
Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Сословия и государственная власть в России: XV–середина XIX в.: Международная конференция: Чт. памяти акад. Л.В. Черепнина: Тез. докл. М., 1994. Ч. II.
Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1909.
Платонов С.Ф. Статьи по русской истории: (1883–1912). СПб., 1912.
Порай-Кошиц И.А. Очерк истории русского дворянства от половины IX до конца XVIII в. СПб., 1874.
Рабинович М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.
Романович-Славатинский А.В. Дворянство в России от начала XVIII в. до отмены крепостного права. Киев, 1912.
Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754–1766 гг. и ее проект нового Уложения "О состоянии подданных вообще" // Исторические записки. М., 1951. Т. 38.
Румянцева М.Ф. Массовые источники по истории чиновничества местных государственных учреждений России: 1762–1802 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1985.
Румянцева М.Ф. Российское чиновничество второй половины XVIII в.: формирование сословия // Сословия и государственная власть в России: XV–середина XIX вв.: Междунар. конф.: Чт. памяти акад. Л.В. Черепнина. Тез. докл. М., 1994. Ч. II.
Сахаров А.М. Методология истории и историографии. М., 1981.
Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1903. Т. 1–2.
Семевский В.И. Очерк царствования Петра III // Отечественные записки. 1867. № 8.
Сказкин С.Д. Основные проблемы так называемого "второго издания крепостничества" в Средней и Восточной Европе // Вопросы истории. 1958. № 2.
Смирнов Ю.Н. Особенности социального состава и комплектования русской гвардии в первой половине XVIII в. // Классы и сословия России в период абсолютизма. Куйбышев, 1989.
Смирнов Ю.Н. Русская гвардия в первой половине XVIII в. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1981.
Смирнов Ю.Н. Социальный состав и комплектование русской гвардии в первой четверти XVIII в. // Проблемы истории СССР. 1979. Вып. VIII.
Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. VIII, IX, X, XI, XII, XIII.
Спиридов М.Г Краткий опыт исторического известия о российском дворянстве. М., 1804.
Троицкий С.М. К проблеме консолидации дворянства в России в XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1964. Сб. VIII.
Троицкий С.М. Россия в XVIII в.: Сб. ст. и публ. М., 1982.
Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М. 1974.
Фаизова И.В. Материалы Герольдмейстерской конторы как источник по истории российского дворянства XVIII столетия. Саратов, 1990.

Фаизова И.В. Материалы Герольдмейстерской конторы о реализации Манифеста о вольности дворянства в практике дворянской службы // Проблемы отечественной истории и культуры в период феодализма: Чт. памяти В.Б. Кобрина: Тез. докл. М., 1992.

Фаизова И.В. Материалы Герольдмейстерской конторы о привлечении российского дворянства к государственной службе в XVIII в. // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М., 1992.

Фаизова И.В. Освобождение дворянства и практика дворянской службы в первое десятилетие правления Екатерины II // Сословия и государственная власть в России: XV–середина XIX вв.: Междунар. конф.: Чт. памяти акад. Л.В. Черепнина: Тез. докл. 13–16 июня 1994 г. М., 1994. Ч. II.

Фаизова И.В. Служба дворянства после манифеста 1762 г. о вольности дворянства. Автореф. дис. канд. ист. наук. М. 1997.

Федосов И.А. Социальная сущность и эволюция российского абсолютизма // История СССР. 1971. № 7.

Худушина И.Ф. Царь, Бог, Россия: Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.). М., 1995.

Черепнин Л.В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России // Абсолютизм в России. М., 1964.

Чечулин Н. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в.: Исторический очерк. СПб., 1889.

Шанский Д.Н. К характеристике высших государственных учреждений России XVIII в. (20-е – 60-е годы) // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991.

Шепелев Л.Е. Отмененные историей: Чины, звания и титулы в Российской империи. Л., 1977.

Шепукова Н.М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы: 1963 г. Вильнюс, 1964.

Щербатов М.М. О повреждении нравов в России. СПб., 1876.

Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876.

Янель З.К. О некоторых вопросах "второго издания" крепостного права и социально-экономического развития барщинного поместья в России // Исторические записки. 1965. Т. 78.

Gentin A. Russia in the Eighteenth Century: From Peter the Great to Catherine the Greate (1696–1796). N.Y., 1973.

Jones R. The imancipation of the Russian Nobility: 1762–1785. Princeton, 1974.

Madariaga I. de. Catherine the Greate: A short History. Jale; New Haven; L., 1990.

Raev M. Origins of the Russian Intelligentsia: The Eighteen-Century Nobility. N.Y., 1966.

Rimscha H. von. Katharina II. Von der preusischen Generaltochter zur Kaizerin von Rußland. B.; Frankfurt, 1961.

Schmidt Ch. Über die Bezeichnung der Stande (sostojanie–soslovie) in Rußland seit dem 18. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1990. Bd. 38, H. 2.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Ирина Викторовна
Фаизова

**"МАНИФЕСТ
О ВОЛЬНОСТИ"**

**и служба дворянства
в XVIII столетии**

Заведующая редакцией
"Наука – история" *Н.Л. Петрова*
Редактор *М.М. Леренман*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

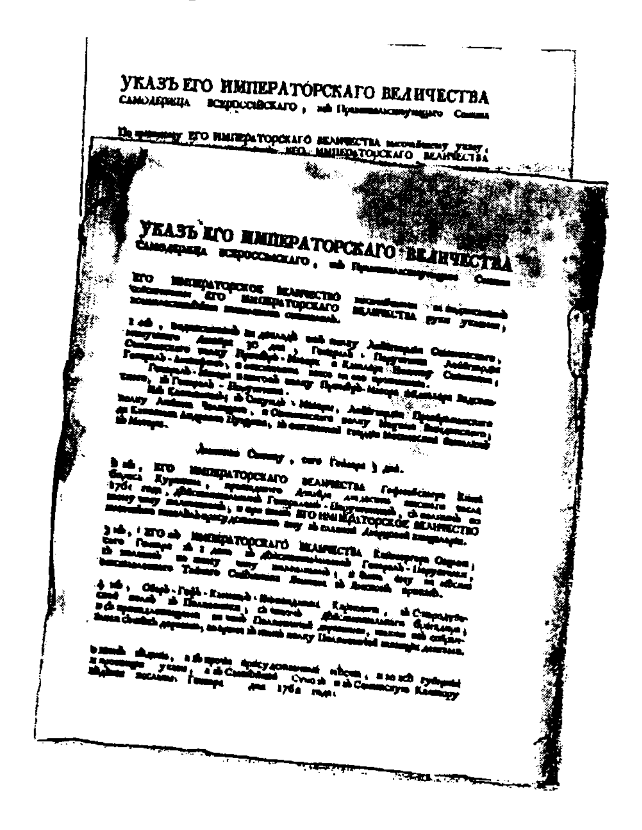
Подписано к печати 20.07.99
Формат 60 × 90 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,0. Усл.кр.-отт. 14,3. Уч.-изд.л. 15,4
Тираж 1150 экз. Тип. зак. №3363.

Издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

И. В. Фаизова

«МАНИФЕСТ о ВОЛЬНОСТИ» и служба дворянства в XVIII столетии



УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Правительствующаго Сената

УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Правительствующаго Сената



«НАУКА»